

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА»

На правах рукописи

Чистякова Елена Владимировна

**КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЛАНДШАФТОВ И ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ЛАНДШАФТНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.04 – германские языки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель -
доктор филологических наук,
профессор Н.Н. Болдырев

Тамбов 2015

Содержание

Введение.....	4
Глава I. Теоретические предпосылки исследования английской ландшафтной лексики в когнитивном аспекте.....	11
1. Специфика ландшафтной лексики в современном английском языке.....	11
2. Проблемы изучения лексической системы в традиционной лингвистике.....	16
3. Изучение лексики в когнитивном аспекте.....	25
3.1. Исследование лексических единиц в рамках теории категоризации.....	25
3.2. Основные характеристики концептов ландшафтов в современном английском языке.....	38
4. Проблемы изучения оценки в языке.....	45
4.1. Исследование оценки в традиционной лингвистике.....	45
4.2. Исследование оценки в когнитивной лингвистике.....	54
4.3. Особенности оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке.....	66
Выводы по Главе I.....	75
Глава II. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал английской ландшафтной лексики	78
1. Категоризация ландшафтов в современном английском языке.....	78
2. Уровни категоризации ландшафтов в современном английском языке.....	97

3. Дополнительные характеристики оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке.....	109
4. Оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке.....	125
5. Когнитивные и языковые механизмы формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики.....	135
5.1. Профилирование как когнитивный механизм формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики	137
5.2. Концептуальная метафора как когнитивный механизм формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики.....	139
5.3. Концептуальная метонимия и метафтонимия как когнитивные механизмы формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики.....	150
5.4. Концептуальное сравнение как когнитивный механизм формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики.....	153
6. Типы оценок, передаваемых ландшафтной лексикой современного английского языка.....	161
7. Концептуально-тематические области, описываемые при помощи оценочных смыслов ландшафтной лексики современного английского языка.....	166
Выводы по Главе II.....	185
Заключение.....	190
Список использованной научной литературы.....	195
Список использованных словарей.....	217
Список источников фактического материала.....	219

Введение

Настоящая диссертация посвящена исследованию категоризации ландшафтов и оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке. Под ландшафтной лексикой понимаются лексические единицы, называющие различные формы природных и антропогенных ландшафтов.

Объектом исследования является английская ландшафтная лексика и репрезентируемое ею концептуальное содержание.

Предмет исследования составляют принципы категоризации ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики, позволяющий ей выступать в качестве средства оценочного описания различных концептуально-тематических областей в современном английском языке.

Гипотеза исследования заключается в том, что английская ландшафтная лексика не только отражает обыденную картину мира, репрезентируя знания о категориях естественных объектов, но также может быть использована в оценочной функции по отношению к объектам и событиям, относящимся к различным концептуально-тематическим областям. Основанием для этого является то, что концепты ландшафтов и концепты других объектов и явлений, задействованные в процессах концептуальной деривации и формирующие оценочные смыслы совместно с концептами ландшафтов, содержат аналогичные характеристики размера, количества, объема, протяженности, характера движения, т.е. те параметры, которые используются в оценке. Благодаря наличию вышеназванных характеристик у концептов ландшафтов исследуемая в данной работе ландшафтная лексика способна передавать оценочные смыслы в случаях ее использования для характеристики других концептуально-тематических областей.

Актуальность данного исследования обусловлена его связью с современным научным направлением – когнитивной лингвистикой, раскрывающим специфику представления знаний человека, в том числе и знаний

оценочного характера, через язык. Ландшафтная лексика изучалась в рамках литературоведения, структурной лингвистики и когнитивной лингвистики, однако проблемы категоризации ландшафтов и оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке в их взаимосвязи остались без рассмотрения, что также обуславливает актуальность настоящего исследования.

Цель работы состоит в выявлении принципов категоризации ландшафтов и изучении особенностей оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке.

В соответствии с заявленной целью определяются следующие **задачи** исследования:

1. Определить основные характеристики концептов ландшафтов в современном английском языке;
2. Выявить принципы категоризации ландшафтов в современном английском языке;
3. Выделить уровни категоризации ландшафтов в современном английском языке и уточнить лексическое наполнение каждого уровня;
4. Изучить когнитивную основу и структуру оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке;
5. Описать когнитивные и языковые механизмы формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики;
6. Определить типы оценки, передаваемые единицами ландшафтной лексики;
7. Выявить концептуально-тематические области, по отношению к которым английская ландшафтная лексика может быть использована в оценочной функции.

Научная новизна исследования заключается в изучении принципов формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики, прежде всего, в динамике, на функциональном уровне. Формирование оценочных смыслов английской ландшафтной лексики рассматривается

как «живой» процесс, затрагивающий различные концептуальные характеристики ландшафтов и соотносящий их с различными концептуально-тематическими областями на основе установления межконцептуальных связей между тематическими областями. Новым является выявление отличия научной и обыденной категоризации ландшафтов, с одной стороны; с другой стороны, специфика этого отличия позволяет увидеть особенности функциональных возможностей ландшафтной лексики, в частности, в отношении ее оценочного потенциала.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что исследование принципов категоризации ландшафтов, изучение когнитивных и языковых механизмов формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики вносит вклад в развитие общей теории концептуализации и категоризации и оценочной концептуализации и категоризации. Исследование оценочного потенциала английской ландшафтной лексики, когнитивных и языковых факторов формирования оценочных смыслов данной лексикой также служит дальнейшему развитию общей теории репрезентации знаний в языке.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в лекционных курсах по лексикологии, стилистике и интерпретации текста, при разработке спецкурсов по когнитивной лингвистике, в дипломных и диссертационных исследованиях, в теории и практике перевода, а также при обучении практическому владению английским языком.

Теоретической базой исследования послужили основные положения, разрабатываемые в следующие областях лингвистики:

- *когнитивной лингвистики* (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Дж. Лакофф, М. Джонсон, Р. Лэнекер, Р.И. Павилёнис, Дж. Тейлор, Л. Талми, Ж. Фоконье, М. Тернер и др.);

- *структурной лингвистики* (Ю. Д. Апресян);

- *логической и оценочной семантики* (Г. фон Вригт, Н.Д. Арутюнова,

Е.М. Вольф, Г.В. Колшанский, А.А. Ивин и др.).

Материалом для анализа послужили 4500 примеров, полученных методом сплошной выборки из художественных произведений современных английских и американских писателей. В качестве иллюстративного материала также использовались публицистические тексты, данные англоязычных словарей, электронные словари и языковые корпуса в сети Internet (British National Corpus, Corpus of Contemporary American English).

Апробация работы. Основные результаты проведенного исследования представлены на Международном Конгрессе по когнитивной лингвистике (Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина, 2012), Международной научно-практической конференции «Современная филология: теория и практика» (Москва 2013), Всероссийской научной конференции «Когнитивная лингвистика. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур» (Тамбов, ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014), Международном Конгрессе по когнитивной лингвистике (Челябинск, Челябинский государственный университет, 2014), а также на регулярных аспирантских семинарах кафедры английской филологии ТГУ имени Г.Р. Державина в период 2012-2015 гг. Основные результаты работы также отражены в публикациях по теме исследования.

Выполнение исследования в рамках когнитивного направления в лингвистике определяет выбор **методов** исследования. Приоритетными стали методы концептуального и концептуально-таксономического анализа; помимо этого, были использованы общелингвистические методы, такие как: контекстуальный анализ, анализ словарных дефиниций, анализ сочетаемости лексем, метод сравнения и описания.

Проведенное исследование позволяет вынести на защиту следующие **положения:**

1. В основе категоризации ландшафтов и оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке лежат основные характеристики концептов ландшафтов. Основными характеристиками

концептов наземных ландшафтов являются: *участок земной поверхности, определенный размер, ровная поверхность/горный рельеф, наличие определенной растительности, вертикальное/горизонтальное положение, расположение выше/ниже уровня земной поверхности, определенная форма, расположение на границе с водным ландшафтом, характеристики почвы, присутствие человека*. Для концептов водных ландшафтов основными характеристиками являются: *водная поверхность, определенный размер, объём, протяженность в пространстве, форма, определенное расположение по отношению к земному ландшафту, характер течения воды, перцептивные характеристики, присутствие человека*.

2. Категоризация ландшафтов в современном английском языке основана на логическом, инвариантно-вариантном принципе. Возможно выделение двух наиболее общих категорий *Area of Land* и *Area of Water*, которые строятся вокруг одноименных инвариантов. Единицы, репрезентирующие различные виды ландшафтов, входящие в категории, являются вариантами. Выделение подкатегорий основано на концептуальных характеристиках ландшафтов.

3. Категоризация ландшафтов в современном английском языке осуществляется на трёх уровнях: базовом, суперординатном и субординатном. Выделяется также уровень, переходный между базовым и субординатным, в случае, если единицы ландшафтной лексики удовлетворяют лишь части критериев базового уровня.

4. Основу оценочного потенциала английской ландшафтной лексики составляют концептуальные характеристики ландшафтов, перечисленные в п. 1. При соотнесении данных характеристик с концептами другой концептуально-тематической области в результате процесса концептуальной деривации происходит формирование оценочного смысла. Формирование оценочных смыслов английской ландшафтной лексики происходит за счет действия определенных когнитивных механизмов: профилирование, концептуальная метонимия, метафора, метафтонимия, концептуаль-

ное сравнение. Основными языковыми механизмами формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики являются номинация, развитие полисемии, сочетаемость единиц ландшафтной лексики с другими единицами, использование конкретных синтаксических структур, сравнительных конструкций.

5. Единицы ландшафтной лексики современного английского языка могут формировать и передавать общеоценочные смыслы и различные типы частной оценки (психологическая, эстетическая, этическая, эмоциональная, рациональная оценки). Оценочные смыслы английской ландшафтной лексики используются для описания большинства концептуально-тематических областей, таких как: ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЖИВОТНЫЙ МИР, АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ.

Структура диссертации. Представленное диссертационное исследование состоит из Введения, двух Глав, Заключения, Списка использованной научной литературы, Списка словарей, Списка источников фактического материала.

Во **Введении** обосновывается актуальность выбора объекта исследования, определяется цель и соответствующие ей задачи, указываются использованные методы исследования, обозначается научная новизна, практическая и теоретическая значимость исследования, отмечаются данные об апробации результатов исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **Главе I** *«Теоретические предпосылки исследования английской ландшафтной лексики в когнитивном аспекте»* даются определения понятию ландшафта, приводятся отличия категоризации ландшафтов в обыденной и научной картине мира, выделяются основные пласты английской ландшафтной лексики и перечисляются конкретные лексические единицы для каждого пласта, перечисляются основные подходы к изучению ландшафтной лексики, выявляются основные характеристики концептов ландшафтов в современном английском языке, определяются основные теоре-

тические и методологические основы исследования, рассматриваются когнитивные и языковые механизмы формирования оценочных смыслов.

В **Главе II** *«Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал английской ландшафтной лексики»* непосредственно осуществляется анализ фактического материала, выявляются принципы категоризации ландшафтов в современном английском языке, особенности оценочного потенциала английской ландшафтной лексики, анализируются когнитивные и языковые механизмы формирования оценочных смыслов, определяются концептуально-тематические области, характеризующиеся оценочными смыслами английской ландшафтной лексики.

В **Заключении** в обобщенной форме представлены результаты проведенного исследования.

Глава I. Теоретические предпосылки исследования английской ландшафтной лексики в когнитивном аспекте

1. Специфика ландшафтной лексики в современном английском языке

Выбранная для исследования ландшафтная лексика представляет собой один из важнейших лексических пластов в английском языке, так как она объективирует фундаментальную для человека область ландшафтов. Человек существует в пространстве, и категория пространства, в частности, географического, является базовой для сознания человека и для концептосферы языка [Топорова 1994; Яковлева 1994].

Ландшафтная лексика называет различные виды ландшафтов, и для того, чтобы выявить состав данного лексического пласта в английском языке, представляется изначально необходимым пояснить само понятие ландшафта. Его можно толковать с разных точек зрения. В толковом словаре С.И. Ожегова для данного слова приведено следующее определение: «Рельеф земной поверхности, общий вид и характер местности» [Ожегов, Шведова 1999: 319].

Английский словарь определяет значение слова *landscape* как «an area of countryside or land of a particular type, used especially when talking about its appearance <...> rural/industrial/urban etc. landscape» [Longman 2005: 902].

Как следует из определений, само понятие ландшафта в обоих языках является родовым, на первое место выводится наиболее общее значение, раскрывающее внешние характеристики объекта, и это подчёркивается в самих дефинициях («внешний вид», «appearance»). В данных значениях репрезентировано знание о категории естественных объектов, которое присутствует в обыденном сознании человека без опоры на какие-либо дополнительные теоретические знания. Такое знание мы получаем через эмпирический опыт, непосредственно наблюдая явления действительности, фиксируя в сознании их наиболее явные внешние признаки, что находит

отражение в словарных дефинициях. Это знание, характерное для наивной картины мира [Апресян 1995].

В то же время понятие «ландшафт» является важным не только для обыденного сознания, но и широко употребляется в научной сфере, в области естественных наук. Так, в географической науке ландшафт определяется как «территория, однородная по происхождению, развитию, присутствию ей специфическим природным ресурсам <...> имеет единый геологический фундамент, однородные рельеф, климат (баланс тепла и влаги), характер и обилие поверхностных и подземных вод, типы почв, растительный покров <...>» [Словарь терминов по физической географии].

В наиболее общем смысле понятие «ландшафт» обозначает определенный участок земной поверхности, своеобразный тип местности, местность и её определённые характеристики. Единицы, репрезентирующие водные формы ландшафта, также рассматриваются в естественных науках, так как вода определяется как часть земной поверхности [Агапов 1968: 97]. Кроме того, учёные-географы, выделяя типы природных ландшафтов, упоминают водные отделы (см. подробнее: [Николаев 1978]).

В географической науке также выделяются противостоящие друг другу категории природного и антропогенного ландшафтов. Под природным ландшафтом понимается пространственная среда, в пределах которой основные ландшафтные компоненты сформировались и существуют без участия человека [Географический портал: ландшафтоведение]; антропогенный ландшафт – это ландшафт, претерпевший активное вмешательство человека и изменённый человеком [Географический портал: ландшафтоведение]. Поскольку большая часть человеческой деятельности протекает на земном пространстве, и оно является более освоенным, категория антропогенного ландшафта представлена, в основном, наземными формами ландшафтов, хотя водные объекты также присутствуют в категориях антропогенного ландшафта. Наиболее сильно изменённой категорией антропогенных ландшафтов являются городские ландшафты [Географический портал:

ландшафтоведение], т.е. те территории, где проживает человек и присутствуют следы его деятельности.

Таким образом, в научной и наивной картинах мира выделяются природные (наземные, водные) и антропогенные ландшафты (городские ландшафты, водные антропогенные ландшафты), а также участки, пограничные между сушей и водой. Соответственно, английская ландшафтная лексика включает в себя единицы, называющие формы наземного, в том числе городского, водного ландшафта, природного и антропогенного, и единицы, называющие переходные участки между водой и сушей.

Ландшафтная лексика английского языка представляет собой довольно обширный лексический пласт английского языка, включающий в себя подкатегории лексических единиц. Так, к ландшафтной лексике в английском языке относятся:

1. Лексические единицы, обозначающие природные водные ландшафты: *bay, bayou, sea, seaway, brine, briny, ocean, lake, current, pond, pool, billabong, lagoon, loch, lough, mere, reservoir, river, branch, rivulet, head, headwaters, confluence, ford, fordway, fork, stream, spring, burn, delta, beck, brook, creek, feeder, geyser, hot spring, thermal spring, tributary, waterfall, backwater, cascade, cataract, estuary, midstream, millpond, mouth, rapids, shallows, gulf, cove, fjord, inlet, channel, puddle, whirlpool, white water, watercourse.*

2. Лексические единицы, обозначающие различные формы земной поверхности: *plain, plateau, tableland, prairie, field, meadow, heath, lea, path, trail, moorland, moor, downs, savannah, veldt, dale, vale, valley, canyon, dell, donga, gorge, gulch, gully, ravine, hollow, mound, hill, hilltop, hillside, knoll, hummock, cliff, mountain, range, peak, cap, slope, ledge, bluff, butte, foothills, highlands, hillock, massif, scree, palisades, precipice, scar, scarp, tor, uplands, grassland, lowland, wolds, ridge, crag, brink, escarpment, desert, dune, wilderness, wasteland, oasis, forest, wood, brush, glade, jungle, rainforest, scrubland, spinney, thicket, grove, bushwood, coppice, copse, cavern, cave, marsh, marsh-*

land, bog, swamp, slough, fen, mire, morass, quagmire, steppe, tundra, pampas, glen, kloof, trench, volcano, flatland, moonscape, chaparral, wetland .

3. Лексические единицы, обозначающие пограничные участки между сушей и водой: *atoll, archipelago, artesian well, bed, bay, bank, basin, beach, berth, bight, bottom, bund, cape, catchment area, cay, coast, coastline, dock, embankment, firth, foreshore, ghat, gusher, harbour, headland, island, islet, isthmus, sands, lido, reef, mudflats, peninsula, promenade, promontory, quay, riverside, lakeside, seaside, oceanside, seaboard, seashore, shore, shoreline, shoal, spit, strand, well, waterfront, waterside, wharf, cove, fjord*.

4. Лексические единицы, обозначающие формы городского и сельского ландшафта: *town, city, megalopolis, metropolis, conurbation, seaport, dockside, street, square, boulevard, avenue, road, fork, esplanade, park, beltway, highway, motorway, tunnel, alley, blind alley, thoroughfare, trail, neighbourhood, vicinity, purlieu, environs, crossroads, turnpike, industrial zone, railway crossing, pavement, sidewalk, parkway, outskirts, suburb, boondocks, village, country, countryside, hinterland, outback, gutter, lane, plantation, garden, yard, farm, homestead, estate, patio, timberland, orchard, backwoods, byroad, byway, pasture, paddock, pothole, hamlet, kraal, outpost, pueblo, crescent, bypass, downtown, midtown, lawn, pit, rut, moat* .

5. Лексические единицы, обозначающие водные антропогенные ландшафты: *canal, fountain, pond, reservoir, tank, irrigation channel, ditch, weir*.

В языке не существует жестких границ, и одно и то же слово, репрезентирующее концепт, обладающий рядом характеристик, может входить в разные категории. Так, единица *bay* репрезентирует в языке пограничную форму ландшафта, находящуюся на стыке земной и водной поверхности, и некоторые словари определяют данную единицу как часть водной поверхности (*bay – a part of the sea that is partly enclosed by a curve in the land* [Longman 2005: 111]), в то время как другие словари определяют её через единицу, называющую пограничную форму ландшафта (*bay – an area of the coast where the land curves inwards* [Macmillan Dictionary Online]). Сле-

довательно, данная единица одновременно входит в две категории: лексические единицы, обозначающие природные водные ландшафты и лексические единицы, обозначающие пограничные участки между сушей и водой. Единица *pond* называет форму ландшафта, которая может быть как естественного, так и искусственного происхождения (*pond* – a small area of fresh water that is smaller than a lake, that is either natural or artificially made [Longman 2005: 1268]), поэтому одновременно относится к двум категориям: лексические единицы, обозначающие природные водные ландшафты и лексические единицы, обозначающие антропогенные водные ландшафты.

Единица *fork* обозначает как часть природного водного ландшафта, так и часть антропогенного земного ландшафта (*fork* – a place where a road, river, or tree divides into two parts, or one of the parts it divides into [Longman 2005: 632]) и относится к двум соответствующим категориям. Единица *trail* называет часть земной поверхности в лесу или в сельской местности (*trail* – a rough path across countryside or through a forest [Longman 2005: 1764]) и относится к категориям лексических единиц, обозначающих формы земной поверхности и сельского ландшафта. Объект, представленный в языке единицей *reservoir*, также может быть природного и искусственного происхождения: *reservoir* – an artificial or natural lake where water is stored so that it can be supplied to the houses in an area [Macmillan Dictionary Online], следовательно, данная единица относится к категориям ландшафтной лексики, называющим природные водные и водные антропогенные ландшафты.

Таким образом, ландшафтная лексика представляет довольно обширный пласт в современном английском языке и включает в себя категории слов, называющих формы природных водных и наземных ландшафтов, пограничных ландшафтов и антропогенных наземных и водных ландшафтов. Поскольку данная работа посвящена исследованию лексики, представляется необходимым рассмотреть основные подходы к исследованию

лексических единиц, принятые в лингвистике. Речь об этом пойдет в следующем параграфе.

2. Проблемы изучения лексической системы в традиционной лингвистике

Язык – фундаментальное явление для человека. Существование человека без языка не мыслимо, он проникает практически во все сферы нашей жизни. Вопросы устройства языка интересовали ученых с давних пор. Исследуя такое сложное и многогранное явление, как язык, лингвисты пытались объяснить это явление, отношения, существующие внутри языка, пытались изучить многообразие явлений языка и вывести определенные закономерности.

В начале 20 века Ф. де Соссюр дал следующее определение языка: «...язык, как он нами определен, есть явление по своей природе однородное — это система знаков...» [Соссюр 1999: 21]. Системность языка подчеркивалась А.И. Бодуэном де Куртене. Он выделил наиболее общие типы единиц системы языка - фонема, морфема, графема, синтагма [И.А. Бодуэн де Куртене 1963]. В рамках структурной лингвистики был четко констатирован системный характер языка и провозглашен системный подход к изучаемому объекту, который рассматривает язык с точки зрения его формального строения и организации в целом, как некоторую целостность, состоящую из частей, элементов.

В.М. Солнцев в своем труде «Язык как системно-структурное образование» [1971] отмечает: « Системность языка является важнейшей характеристикой языка. Можно считать установленным, что язык относится к системным образованиям» [Солнцев 1971: 10]. Далее он пишет: «...система есть целостный объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях» [Солнцев 1971: 11].

Понимание языка как системы, состоящей из определенных элементов, стало использоваться при изучении лексики. Лексическая система языка включает в себя элементы, связанные между собой определенными отношениями. При изучении языка как системы важной является мысль, что словарь не являет собой беспорядочное нагромождение единиц языка; слова в лексической системе связаны между собой и распределены в различные группировки по лексическому значению. Системный характер языка неоднократно констатировался лингвистами, и различные типы группировок в системе языка были рассмотрены учёными [Уфимцева 1962; Караулов 1976; Филин 1982; Кузнецова 1983; Васильев 1990; Апресян 1995; Залевская 1998; Гольдберг 2000; Бабенко 2008 и др.].

Основание связи слов в лексической системе языка видят в существовании определенной взаимозависимости между предметами и явлениями. Кроме того, ученые считают, что связь между словами может быть также объяснена особенностями устройства мыслительного аппарата, т.к. слова образуют объединения в коре головного мозга по семантическому признаку [Гольдберг 1988: 5].

А.А. Уфимцева отмечает, что существуют смысловые связи слов, разнообразные как по форме своего проявления, так и по степени устойчивости в системе языка. Выделяют такие виды связей, как связь слова с обозначаемым предметом или явлением, зависимость значения слова от культурно-исторических и социально-экономических условий жизни носителей языка, обусловленность лексического значения слова другими языковыми сферами (морфология, синтаксис, фонетика), взаимообусловленные связи слов в пределах лексико-семантической системы (синонимичные, антонимичные ряды слов), внутрисловные связи смысловых элементов и некоторые другие. Выявление лексико-семантической системы языка предполагает исследование слов как самостоятельных единиц словарного состава и во всём комплексе их многообразных взаимоотношений [Уфимцева 1962: 9-10].

Для того, чтобы наглядно представить и лучше понять устройство языка, его лексической системы, в частности, ученые строят модели, отражающие способы объединения лексических единиц в группы в системе языка. Появляются термины для наименования различных способов организации лексики в группировки: «языковое поле», «лексико-семантическая группа», «тематическая группа», «ассоциативное поле» и другие.

Одним из наиболее изученных типов группировок является поле. Определение и осмысление понятия языкового поля появляется в работах Й. Трира и Г. Ипсена в первой половине 20 века. Й. Трир понимает под семантическим или понятийным полем «понятийную сферу» (Sinnbezirk, Begriffsfeld), «круг понятийного содержания языка» [цит. по: Уфимцева 1962: 20]. По мнению Й. Трира, слова в пределах семантического поля взаимосвязаны и взаимозависимы; слово имеет смысл только как часть целого, только в составе поля оно может что-то означать [Васильев 1990: 71]. Г. Ипсен называл «семантическим полем» (Bedeutungsfeld) группу этимологически связанных слов, объединенных смысловой и грамматической общностью [цит. по: Уфимцева 1962: 20-21].

Л.М. Васильев разграничивает в практических целях семантические поля и семантические классы слов. Их объединяет то, что они все имеют в своей основе ту или иную семантическую категорию или категориальную ситуацию, однако семантические классы слов могут включать как слова, так и фразеологизмы, а семантические поля наряду со словами и фразеологизмами включают также и грамматические средства языка.

Под семантическими классами слов одной части речи Л.М. Васильев понимает лексические поля парадигматического типа, представляющие собой группировки, члены которых связаны общим смыслом (инвариантным значением-идентификатором) [Васильев 1990: 126]. К семантическим классам слов относятся лексико-грамматические разряды (одушевленные существительные, качественные прилагательные и др.), синонимические и антонимические объединения слов, лексико-семантические группы. Три

последних типа лексических группировок называют также лексико-семантическими парадигмами. Л.М. Васильев подчеркивает, что лексико-семантические парадигмы формируются на основе бинарных оппозиций (оппозиции по определенным семам), либо на основе многочленных оппозиций, обусловленных многосторонними связями самих явлений действительности (например, лексико-семантическая группа глаголов движения). По мнению ученого, парадигматически структурированный характер имеют все лексические группы слов, включая терминосистемы и тематические группы [Васильев 1990].

Л.М. Васильев также отмечает, что в основе всех лексических группировок лежат определенные семантические категории, которые, в свою очередь, являются отражением понятийных категорий, существующих в нашем сознании. Понятийные и семантические категории могут быть тождественными по своему содержанию. Главным отличием семантических категорий от понятийных является то, что первые получают воплощение в конкретных языковых средствах. Семантические признаки по своему логическому содержанию соответствуют простым семантическим категориям. Сложные семантические категории основываются на сложном комплексе категориальных сем, включают в себя семантические подкатегории [Васильев 1990: 136-141].

По мнению Ю.Д. Апресяна, семантические поля представляют собой незамкнутые и многократно пересекающиеся семантические группировки, «любые две из которых связаны, как и отражаемый ими мир вещей, процессов и идей, непрерывной цепью посредствующих семантических звеньев, независимо от того, насколько далеко друг от друга отстоят в семантическом пространстве языка эти группировки» [Апресян 1995: 254-255]. Таким образом, обозначается идея непрерывности семантического пространства языка. Семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент, например,

величина, вес, вместимость, высота, глубина, длина, интенсивность, количество, объем, площадь [Апресян 1995: 251].

Как считает Ю.Н. Караулов, структуру поля составляют ядро и периферия. К ядру относятся единицы, у которых наиболее ярко выражены признаки, характерные для данного поля, к периферии – единицы, у которых признаки поля выражены менее ярко [Караулов 1976].

В.Б. Гольдберг представляет подробный обзор механизмов объединения единиц языка в группировки и анализирует различные типы лексических группировок [Гольдберг 2000]. Изучив большое количество описанных в литературе парадигматических отношений, В.Б. Гольдберг приходит к выводу, что модели подсистемы могут быть разделены на асимметричные и симметричные. К асимметричным относятся иерархически организованные модели и модели, ориентированные относительно центрального элемента или элементов (полевые модели). Модели, не имеющие ориентации относительно какого-либо элемента, являются симметричными.

Иерархически организованной является родо-видовая (таксономическая) классификация, например, классификация натурфактов или артефактов [Гольдберг 2000: 65]. Поле, по мнению В.Б. Гольдберга, является одновременно и способом группировки лексики, и методом лингвистического исследования, а структуру «центр-периферия» относят к числу когнитивных моделей [Гольдберг 2000].

В XX веке в лингвистической науке разрабатывалась типология полей. Для описания поля на лексическом уровне используют термины «семантическое поле» и «лексическое поле», представляющие, в сущности, один и тот же тип лексической группировки. В отечественной лингвистике часто используется термин «лексико-семантическое поле», под которым понимают класс слов, в основе которого лежит концепт, объединяющий слова, соотносящиеся с данной понятийной сферой. В англоязычной лингвистической традиции под семантическим полем понимают ту часть кон-

цептуального поля, которая представлена лексикализованными концептами [Гольдберг 2000: 69].

Ещё одной моделью объединения единиц языка является лексико-фразеологическое поле. Эту модель начали использовать в 80-е годы прошлого века, когда стало понятно, что системные модели, построенные на основе одних только слов, без учёта фразеосочетаний, аналитических форм или сочетаний, являются неполными. Исследования в данном направлении подтвердили реальность единой лексико-фразеологической системы языка [Гольдберг 2000].

В рамках психолингвистики было исследовано ассоциативное поле. При изучении ассоциативных полей большое внимание уделяется психологическому процессу ассоциирования. По мнению А.А. Залевской и других представителей психолингвистического направления, слова в нашей памяти связаны с другими словами, и в процессе идентификации слова образуется некоторое смысловое поле из ассоциативно связанных слов в субъективном лексиконе. Под смысловым полем понимается сфера существования слова в субъективном лексиконе (а через него и в единой информационной базе человека), являющаяся неотъемлемой принадлежностью картины мира индивида и складывающаяся из сложного взаимодействия его многообразных знаний [Залевская и др. 1998: 50-53].

Симметричные модели были исследованы в работах Д. Круза. Д. Круз выделяет такие модели, как цепь (когда наблюдается прямая линейная последовательность: *beginning-middle-end*), цикл (цветообозначения), спираль (линейность совмещена с цикличностью: времена года, периоды суток), ранг (воинские звания), шкала, пропорциональные серии [Cruse 1986: 187-195].

В языке, который часто называют «системой систем», выделяют также и некоторые другие типы группировок. В.Б. Гольдберг пишет, что в составе лексико-семантического поля выделяются более узкие группировки – лексико-семантические группы (ЛСГ) [Гольдберг 1988: 20-22]. Лекси-

ко-семантические группы, как и лексико-семантические поля, могут включать в себя и универбы, и словосочетания. ЛСГ выделяют несколькими способами – на основе общего понятия, выражаемого словами ЛСГ; на основе какого-либо слова (или группы слов); на основе статистических данных о дистрибуции слов в тексте; на основании данных ассоциативного эксперимента, полученных в результате опроса носителей языка. В пределах ЛСГ выделяются ещё более мелкие подгруппы лексики – антонимические подгруппы, синонимические ряды.

Ещё одним типом лексической группировки, выделенным лингвистами, является тематическая группа (ТГ). По мнению Ф.П. Филина, следует различать ТГ и ЛСГ. Слова объединяются в ТГ на основании обозначаемых ими понятий, безотносительно к лексическим значениям. Это обычно слова одной части речи (чаще всего - существительные), выделяемые на основе общего элемента в концептуальном ядре их значений, т. е. темы: наименования частей тела, предметов обуви, водоемов и т.д. В ЛСГ слова объединяются на основе их лексических значений, т.е. на основе собственно языковых критериев. В то же время, учёный замечает, что каждая ЛСГ имеет свою тему, является частью того или иного тематического объединения слов, но не каждое объединение слов по определенной теме основывается на общности лексических значений [Филин 1982].

Г.А. Мартинович отмечает, что в последние годы учёные-лингвисты всё чаще стремятся исследовать лексику не на основании строгих логических критериев построения, а на основании коммуникативно-ориентированных способов анализа лексики. Это привело к выделению двух типов группировок лексики – ситуативно-тематических групп (СТГ) и ситуативно-тематических полей (СТП). СТГ – это классы слов, объединенные одной темой или типовой ситуацией. Ядерная сема для СТГ не обязательна. В СТГ могут входить слова различных частей речи; наиболее важными критериями считаются тематическая привязанность слов, общ-

ность сферы функционирования, а также локальная частотность слов в текстах определенной тематики.

В результате дистрибутивно-статического анализа лексики целостных текстов на одну тему могут также выделяться СТП, лексические объединения, образуемые совокупностями постоянно повторяющихся в этих текстах слов. С одной стороны, эти объединения существуют в системе языка, с другой стороны, они отражены в результате коллективного опыта в языковом сознании людей и поэтому являются частью языковой способности [Мартинович 1993].

Таким образом, обратившись к истории системного исследования лексики, можно обнаружить, что учеными были выделены различные типы лексических группировок, между элементами которых существуют определенные отношения. Лексические группировки являют собой систему, которая, в свою очередь, может делиться на подсистемы или входить в более крупную лексическую систему. Лексические объединения являются психологически значимыми, т.к. за ними стоит понятийная основа, процессы ассоциирования, а также они получают отражение в коллективном сознании людей.

Многие лексические группировки выделялись на основании формальных, чисто языковых критериев – на основании семантики языковых единиц. Однако в последние годы прошлого столетия для изучения лексики стали применяться коммуникативно-ориентированные способы анализа, нацеленные на исследование лексических единиц в реальных контекстах их употребления.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению английской ландшафтной лексики в когнитивном аспекте. Исследования именно ландшафтной лексики, выполненные не в русле когнитивной лингвистики, проводились в рамках литературоведения и системного подхода. Так, в рамках литературоведения О.Ю. Уиллис исследует поэтику городского пейзажа в прозе В.В. Набокова русского периода творчества [Уиллис

2008]; О.Ю. Богданова исследует поэтику пейзажа в романах Чарльза Дикенса [Богданова 2006]. И.Н. Анисимова занимается изучением языковых особенностей пейзажных описаний переводов новелл Ги де Мопассана на русский язык. Она отмечает, что пейзажные зарисовки в новеллах Ги де Мопассана не только обозначают время и место действия, но и передают психологическое состояние героев, выступают важным композиционным звеном художественного текста [Анисимова 2008]. Е.Н. Барбашова занимается исследованием пейзажно-бытописательных традиций сибирского рассказа начала XX века [Барбашова 2009]. О.В. Февралева выполнила исследование, посвященное образам земли и подземелья в символистской картине мира А. Блока [Февралева 2007].

В рамках системного подхода М.В. Флягина выполнила исследование ландшафтной лексики донских говоров [Флягина 2004]. Э.В. Гиззатуллина выполнила сопоставительное исследование дедронимической лексики терминополья «Лес» в татарском и английском языках. В результате исследования Э.В. Гиззатуллина приходит к выводу о том, что структура терминополья «Лес» в татарском и английском языках практически совпадает, что свидетельствует о большом семантическом сходстве сопоставляемых языков в этой области. Имеющиеся различия между языковыми классификациями деревьев и кустарников состоят в том, что в основу наименования некоторых высших растений берутся различные признаки, которые по-разному группируются в семантике слова. На основе исследования лексики терминополья «Лес» делается вывод о семантической общности двух сопоставляемых языков [Гиззатуллина 2005].

Н.В. Ушкова изучает особенности формирования терминологии «рельеф земной поверхности» в английском и русском языках, исследует динамику развития данной терминологии в разные периоды английского и русского языка, анализирует семантические отношения между лексемами в русской и английской терминологиях [Ушкова 2007]. Е.В. Харькова занимается исследованием тематического поля «ландшафт» в русском и англ-

лийском языках, выявляет общее и различное в структуре полей. Автор отмечает, что тематическое поле «ландшафт» как в русском, так и в английском языках имеет в своем составе единицы, относящиеся к лексико-тематическим подгруппам: «водное пространство» и «суша». Межъязыковое сопоставление компонентного состава тематического поля «ландшафт» в английском и русском языках выявило не только различия по языкам, но и значительное сходство, проявляющееся прежде всего в характерной для каждого языка высокой степени общности в наборе лексем [Харькова 2003]. Д.В. Овчинников рассматривает тематическую группу, объединяющую единицы, называющие элементы природного ландшафта, в русском и немецком языках. В данном исследовании автор изучает семный состав единиц, входящих в рассматриваемую тематическую группу, выделяет подгруппы, входящие в тематическую группу «природный ландшафт» («углубления, не наполненные водой», «сыпучие почвенные образования», «возвышенности», «травянистые растения и их совокупности» и др.) на материале двух языков. Сопоставляя данные двух языков, автор приходит к выводу, что метафорическая номинация часто основана на общих признаках денотатов, номинируемых исследуемыми единицами (количество, форма, особенности пространства и т. д.), что обусловлено общечеловеческими закономерностями познания мира [Овчинников 2010].

Когнитивная лингвистика предложила новую точку зрения на лексические группировки. Различные группировки лексики стали рассматриваться как лексические категории разного объема и уровня абстракции, которые отражают результаты нашего познания мира, о чём подробнее речь пойдет в следующем разделе.

3. Изучение лексики в когнитивном аспекте

3.1 Исследование лексических единиц в рамках теории категоризации

В начале XXI века одной из основных мировоззренческих перспектив лингвистики стало исследование познания индивидом окружающего

мира на основе языковых и речевых данных [Левицкий 2009: 225]. Концептуализация и категоризация являются базовыми процессами познания, находящими отражение, в первую очередь, в языке. Изучению данных процессов уделялось особое внимание в рамках когнитивной лингвистики. Когнитивную лингвистику определяют как науку о соотношении когнитивных и языковых структур. Когнитивная наука занимается изучением когниции, а когнитивная лингвистика – когницией в её языковом отражении [Болдырев 2000: 9]. Язык в рамках данного направления понимается как одна из ведущих когнитивных способностей человека.

Когнитивная лингвистика предложила новый подход к изучению проблем, ранее признававшихся чисто лингвистическими. Н.Н. Болдырев отмечает следующие черты данного научного направления, которые существенно отличают его от предыдущих:

- рассмотрение языка как одной из важнейших когнитивных способностей человека. Изучение языка следует понимать как изучение когниции в её языковом отражении. Когниция включает в себя и сам процесс познания, осознанного или неосознанного, и его результаты.

- признание того факта, что язык взаимосвязан не только с мышлением, но и со многими другими психическими процессами.

- признание антропоцентризма языка. Именно человек как познающий и говорящий на языке субъект формирует значения и выбирает языковые средства для их передачи. Он может обращаться к любому фрагменту своего опыта, как к языковому, так и к неязыковому. Особый интерес когнитивная лингвистика проявляет к двум основным, взаимосвязанным друг с другом познавательным процессам – концептуализации и категоризации, которые связаны с формированием картины мира в виде концептов и категорий в голове человека [Болдырев 2004].

Е.С. Кубрякова также подчеркивает важность данных познавательных процессов. Она пишет, что язык играет важнейшую роль при передаче информации от человека к человеку, от поколения к поколению, что также

требует отделения более важной информации от менее важной и определенного оформления знаний. Так, пробуждающееся мышление возникает вследствие постоянной необходимости решать задачи практического характера; оно начинает базироваться на дифференциации существенного и несущественного, что требовало обобщения опыта и определенной структуры знаний. Вместо концептуальных структур, возникавших в сознании человека, люди использовали созданные знаки. Таким образом, пробуждающееся мышление было изначально неразрывно связано с процессами концептуализации и категоризации действительности [Кубрякова 2008].

Говоря о процессах познания, следует разграничить несколько терминов: классификация, категоризация, таксономическая деятельность. Как отмечает В.Б. Гольдберг, «понятия категоризации и таксономической деятельности уточняют более широкое понятие – классификационный процесс. Категоризация может указывать на исходный ориентир классифицирующего объекта (деятельность человека в повседневной жизни), а таксономическая деятельность – на особенности классифицируемого материала (материал, который допускает иерархическую родо-видовую структуризацию)» [Гольдберг 2000: 28].

Для того, чтобы лучше представить сущность интересующего нас феномена, приведем здесь несколько определений из различных словарей, указывающих на сущность процесса категоризации: «Категоризация – мыслительная операция, направленная на формирование категорий как понятий, предельно обобщающих и классифицирующих результаты познавательной деятельности человека» [Новейший философский словарь].

«Категории (греч. *kategoria* – указание, свидетельство) в философии – основные понятия, отражающие наиболее общие и существенные свойства, стороны, отношения явлений действительности и познания. <...> Они позволяют человеку глубоко познавать окружающий его мир. Процесс познания объекта не простой механический акт отражений действительности

в сознании человека, а сложный процесс перехода от чувственных данных к абстракции, от единичного к общему и т.д.» [Философский словарь 1975: 169].

«Категоризация (categorization; Kategorisation) – в узком смысле подведение явления, объекта, процесса и т.п. под определенную рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории, но в более широком смысле – процесс образования и выделения самих категорий, членение внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия, упорядоченное представление разнообразных явлений через сведение их к меньшему числу разрядов или объединений и т.п., а также – результат классификационной (таксономической) деятельности. Категоризация – одно из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека, связанное едва ли не со всеми когнитивными способностями и системами в его когнитивном аппарате, а также с совершаемыми в процессах мышления операциями – сравнением, отождествлением, установлением сходства и подобия и т.п.» [КСКТ 1996: 42].

Во всех приведённых определениях подчёркивается важность категоризации в мыслительных и познавательных процессах. Учёные не раз писали о важности категоризации для нашего мышления [Лакофф 2004; Кубрякова 1998, 2004; Фрумкина 1992; Болдырев 2000, 2009, 2012 и др.]. Знания о категориях хранятся в нашем сознании в виде концептов того, что есть, и того, какие объекты могут быть отнесены к этой категории. Имея в сознании концепт, например, какого-либо объекта и осознавая его основные характеристики, человек может относить другие объекты к этой категории на основании общности каких-либо признаков и характеристик, определять, какие образцы являются более типичными для данной категории, какие – менее типичными и т.д.

Дж. Лакофф в своём труде «Женщины, огонь и опасные вещи» утверждает, что такое явление, как категоризация, требует серьёзного рас-

смотрения, т.к. мы постоянно имеем дело с различными категориями и способность к категоризации лежит в основе нашего мышления и деятельности. Категоризация является настолько неотъемлемой для нашего мышления, что часто она происходит неосознанно, автоматически. Из-за этого может создаться впечатление, что категории, сформированные в нашем сознании, в точности отражают категории, которые есть в мире. Впоследствии в рамках прототипического подхода было доказано, что формирование категорий обусловлено именно особенностями нашего мышления [Лаккофф 2004: 19-73].

Р. Джекендофф пишет, что существует реальный, объективный мир, который является источником наших знаний, и мир, проецируемый в нашем сознании (projected world), который формируется из знания под влиянием процессов обработки информации [Jackendoff 1993].

В науке принято говорить о трёх основных подходах к явлению категоризации, в каждом из которых это явление, его основные принципы понимаются по-разному. Первый подход называется традиционным, или классическим, и восходит к воззрениям Платона и Аристотеля. В рамках данного подхода считается, что каждый член категории обладает набором обязательных признаков и, следовательно, все члены категории равнозначны, и категориальные границы являются строго очерченными. Предмет либо является членом категории, либо нет; промежуточные случаи исключаются.

Однако, строгие принципы классического подхода, не допускающие исключений, не всегда срабатывали. На это обратил внимание Л. Витгенштейн, анализируя концепт "Spiel". Он выяснил, что данная категория не имеет четких границ и строится на некотором подобии тех или иных характеристик. Один и тот же признак может присутствовать у одного члена категории и отсутствовать у другого, у разных членов категории признаки встречаются в разном сочетании. Этот принцип формирования категорий Л. Витгенштейн назвал «семейным сходством». Л. Витгенштейн считал,

что знание о таких категориях человек получает на основе образцов, однако о выборе наиболее показательных образцов он ничего не писал [Болдырев 2000: 83].

Такие наиболее яркие образцы, прототипы категории, были изучены в рамках третьего, прототипического подхода. Возникновение прототипического подхода связывают с именем американского психолога Э. Рош, а также с более ранними исследованиями, проведенными Б. Берлин, П. Кэй, Р. Брауном. Основная идея данного подхода заключается в том, что категории образуются вокруг наиболее ярких, наиболее выделенных с психологической точки зрения представителей данной категории – прототипов. Принадлежность объекта к категории определяется наличием у него общих с прототипом характеристик. Прототип является наиболее типичным, центральным элементом категории, выступает в роли эталона сравнения при отнесении других объектов к данной категории. С когнитивной точки зрения прототип понимается как «концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий её содержание» [Болдырев 2000: 83; Rosch 1975].

Отличительной особенностью прототипического подхода является признание наличия определенных уровней категоризации. Вертикальный аспект категоризации предполагает наличие уровней категоризации разного уровня абстракции: базового, суперординатного (вышестоящего), субординатного (нижестоящего). Ученые считают, что особое значение уделяется категориям базового уровня. Базовый уровень является психологически наиболее значимым, т.к. именно на этом уровне располагаются прототипы. Это уровень максимального обобщения, восприятие и категоризация объектов на нем происходят гештальтно. Именно к этому уровню часто относятся простые общеизвестные понятия. Репрезентирующие их языковые единицы составляют основу словарного запаса, легче усваиваются, часто используются в повседневном общении. По мнению Н.Н. Болдырева, названия категорий базового уровня часто выполняют функцию прототи-

пов в процессе языковой репрезентации знаний. В языке они выступают в качестве точек отсчета для формирования и передачи различных смыслов (например: *аист* – крупная перелетная **птица** с длинным прямым клювом и т.д.). На суперординатном уровне находятся объекты высокого уровня обобщения, на субординатном уровне происходит конкретизация знаний [Болдырев 2000: 84-89; Болдырев 2001; Болдырев 2007; Лакофф 2004].

Категоризация имеет дело непосредственно со знанием, с нашим опытом познания мира. Существуют разнообразные источники формирования знания, что обуславливает разнообразие типов знания и концептов. Знание может быть обыденным и научным, языковым и неязыковым [Болдырев 2009: 26]. В рамках наивной картины мира [Апресян 1995: 57] главным типом знания является обыденное знание. Это знание о категориях естественных объектов, которое присутствует в обыденном сознании человека без опоры на какие-либо дополнительные теоретические знания. Обыденное знание человек получает в своей повседневной деятельности, наблюдая предметы и явления действительности, отмечая и фиксируя в сознании их наиболее явные признаки. Обыденное познание и знание – это традиционные для человека формы вненаучного освоения и отображения действительности, основанные на повседневном опыте людей. Как правило, обыденные знания сводятся к констатации фактов и их описанию, основным признаком предмета часто становится его функция [Перезовова 2004: 22].

Научная картина мира, главным образом, основана на научном знании. Это теоретическое знание, являющее собой результаты специального познания и доступное лишь определенному кругу специалистов. Научные знания призваны объяснять факты, осмыслять их в системе определенной науки, они включаются в состав теории. Различие между типами знаний проявляется и в различных видах классификаций. Так, в науке часто используются таксономические классификации.

Также исследователи отмечают, что в широком смысле различают обыденные и научные понятия. Обыденные понятия отражают «внешние» признаки объектов и явлений, познаваемые, прежде всего, через механизмы чувственного восприятия или связанные с житейским опытом. Формирование обыденных понятий происходит через «стихийное обобщение опыта» [Карасик 2002: 138]. Научные понятия отражают существенные и необходимые признаки объектов и явлений и связаны с пониманием их глубинной сути, логическим мышлением и умозаключениями [Карасик 2002].

Наше познание не ограничивается рамками одного типа знания или одной картины мира. В процессе когниции обыденное и научное знание взаимодействуют. Несмотря на различие в типах познания (обыденное познание субъективно, ценностно-прагматически ориентированно; научное познание истинностно, объективно по своему содержанию), не вызывает сомнений тот факт, что научное познание зародилось в недрах обыденного познания, так как другого познания просто не существовало. В сознании человека присутствуют элементы самого различного знания: рациональное знание, древнейшие предрассудки, эмоционально-аффективное отражение действительности и т.д. Обыденная картина мира существует параллельно с научной, однако большинство учёных склонны считать, что сознание в большей степени является результатом обыденного познания. В абсолютном большинстве случаев для многих людей доминирующим оказывается именно обыденное познание. Научное сознание играет меньшую роль в процессах, протекающих в нашем сознании [Лазарев 1999].

Ю.Д. Апресян отмечает, что логическая, научная картина мира является общей для людей, говорящих на различных языках, в то время как наивная картина некоторого участка мира может разительным образом отличаться от научной картины того же участка мира. Семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т.п. [Апресян 1995: 56-57].

Как считает Н.Н. Болдырев, язык интегрирует в себе результаты нашего познания, все типы знания – научное и обыденное, эмпирическое и инферентное, языковое и неязыковое. Имеющиеся у нас знания оформляются в нашем сознании в виде концептов. Различные типы концептов, в виде которых закреплено наше знание о мире, образуют концептуальную систему человека, или концептуальную картину мира; вербализованные концепты становятся частью языковой картины мира [Болдырев 2009: 26]. Не всё знание, которым мы обладаем, имеет репрезентирующую его языковую форму, поэтому концептуальная картина мира считается шире языковой. Языковая картина мира понимается как подсистема, встроенная в концептуальную картину мира и содержащая её компоненты, с которыми соотнесены языковые знаки.

В языке выделяют три системы языковой категоризации и три типа языковых категорий: лексические, грамматические и модусные [Болдырев 2009: 30-35]. Лексические категории отражают онтологию мира, грамматические категории – онтологию языка, модусные категории делают возможной интерпретацию любого концептуального содержания в языке. Так как в данной работе мы исследуем лексику, то нас в первую очередь будет интересовать первый тип категоризации.

Н.Н. Болдырев пишет: «Лексические категории отражают онтологию мира и результаты его познания человеком: знания конкретных предметов, явлений, их характеристик и категорий, т.е. категоризацию естественных объектов. Поэтому они представляют собой аналоговые (по отношению к категориям естественных объектов) категории и имеют логическую по своей природе структуру. В основе их формирования лежит инвариантно-вариантный, логический принцип. В соответствии с этим принципом центром категории становится слово с наиболее общим значением, которое одновременно служит названием категории, её инвариантом и основным идентификатором по отношению к другим элементам данной категории – словам с конкретным значением, т.е. вариантам» [Болдырев

2009: 31]. Так, слово «птица» будет служить и инвариантом, и названием категории «птица», другими членами которой (вариантами) будут слова «аист», «воробей», «попугай» и т.д. Е.С. Кубрякова называет лексические категории «языковыми отражательно-ориентированными категориями»: они объективируют знания о мире в языке, отражают устройство мира и служат для его членения и обозначения [Кубрякова 1998: 10; Кубрякова 2004: 314].

Структура лексической категории, отмечает также Н.Н. Болдырев, не совпадает с прототипической структурой категорий естественных объектов. Слово, представляющее прототип естественной категории (например, воробей или малиновка в категории птиц, как было выяснено в ходе исследований Э. Рош) в составе лексической категории будет занимать положение одного из вариантов. Лексическая категория и категория естественных объектов отличаются также направлением категоризации: в категоризации естественных объектов ведущим уровнем признается базовый, а в лексических категориях категоризация может происходить по направлению от верхнего к нижнему уровню и наоборот [Болдырев 2009: 31].

Н.Н. Болдырев подчеркивает, что лексические категории представляют собой модели категорий естественных объектов, построенных по логическому принципу, и они не повторяют структуру естественных категорий. Ошибочно смешивать прототипы категорий естественных объектов и инварианты лексических категорий. Лексический прототип – это, по сути, языковое выражение для номинации прототипа категории естественных объектов, «языковое название, языковой аналог прототипа категории естественных объектов, который, как правило, не совпадает с логически центральным, т.е. инвариантным, элементом лексической категории» [Болдырев 2012: 58].

Таким образом, когнитивная лингвистика представила новое осмысление проблемы моделирования лексики в языке. Различные лексические группировки, ранее выделявшиеся учёными на основе формальных крите-

риев, были рассмотрены с точки зрения базового мыслительного процесса – категоризации. Различные виды группировок лексики (поля, группы и т.д.) стали рассматриваться как формы лексической категоризации, как лексические категории разного объема и уровня абстракции. При изучении лексической категоризации принципиально важным становится не только семантическое содержание, передаваемое лексическими единицами, но и знание о мире, стоящее за определенными языковыми структурами, и восприятие и осмысление этого знания человеком.

Исследуемая в настоящей работе ландшафтная лексика также попадала в поле зрения ученых, работающих в русле когнитивной лингвистики. Так, Е.В. Самохина исследует репрезентацию концептосферы “Land” в английской лингвокультуре. Исследователь отмечает, что концептосферу составляют доминантный концепт LAND и другие концепты, периферийно относящиеся к данной концептосфере. Номинантами концептосферы являются 10 лексико-семантических групп с разноплановыми смысловыми доминантами, в частности: «земля как метафора ощущения целостного», «земля как метонимия этноса, проживающего на ней». Е.В. Самохина также отмечает, что концепт Land представляет собой универсальный концепт, фиксирующий, с одной стороны, общечеловеческие ценности, а с другой – этноспецифичность ценностей и своеобразие англосаксонской и англоязычной культуры в целом, рефлексирова особенности ментальности англосаксонского этноса, что позволило считать данный концепт общецивилизационным и этноспецифическим концептом, ключевым для англоязычной лингвокультуры [Самохина 2010].

О.В. Гавриленко в своей работе «Когнитивное освоение ландшафта в британской и американской лингвокультурах: сравнительно-сопоставительное исследование» исследует ландшафтную концептосферу в британской и американской лингвокультуре и отмечает, что ландшафт является важным фрагментом в обеих лингвокультурах; в составе обеих лингвокультур выделяются водный и сухопутный фрагменты, которые, в

свою очередь, структурируются концептами и их признаками. Автор также отмечает, что концептуализация ландшафтных объектов представителями обеих исследуемых лингвокультур базируется на ядерном понятийном признаке «величина/форма», а также на периферийных признаках — «участие в формировании общей картины ландшафта» (в концептах УЩЕЛЬЕ, БЕРЕГ этот признак ядерный), «деятельность человека», «флора», «фауна» и других [Гавриленко 2010: 181-186].

В.В. Корнева рассматривает концепты ГОРА и MONTAÑA в русском и испанском языках и пишет, что данные концепты являются составными элементами как пространственной картины мира, так и языковой картины мира в целом. Концепт «ГОРА» как часть пространственной картины мира базируется, в основном, на параметрических характеристиках: высота, протяженность, обширность, а также на общем противопоставлении «вертикаль/горизонталь». Концепт «ГОРА» как часть языковой картины мира может актуализировать отдельные концептуальные признаки и быть переосмыслен; он связан со многими непространственными сферами, где выступает в качестве организующего начала в концептуализации и категоризации окружающего мира [Корнева 2006: 22-23].

И.Н. Ивашкевич в ряде статей также частично затрагивает ландшафтную лексику [Ивашкевич 2009, 2010, 2012]. И.Н. Ивашкевич пишет, что номинация природных объектов как древнейшего пласта лексики занимает особое место в английской языковой картине мира, поскольку, одними из первых реалий, с которыми в своей повседневной жизни сталкивался человек, по замечанию учёных, были участки окружающего его природного ландшафта, различные природные пространства. Онтологическая категория «Природное пространство» представляет собой сложное многоярусное образование, в котором могут быть выделены области «Земное пространство» и «Водное пространство» [Ивашкевич 2012: 192]. Природные пространства являются перцептивно воспринимаемыми объектами, и главную роль при восприятии данных объектов играет зрительный анали-

зитор. Единицы концептосферы «природное пространство» обладают ярко выраженными когнитивными свойствами, содержание которых формируется в основном с опорой на зрительно воспринимаемые признаки [Ивашкевич 2012: 198]. Визуальные признаки в содержании концептов объектов природного пространства указывают на физические характеристики объектов реальной действительности. Это размер предметов, линейные признаки, характеризующие объекты на основе их соотношения с осями трёхмерного пространства (длина, ширина, высота/глубина), а также признак формы [Ивашкевич 2009]. По мнению исследователя, перцептивные признаки в семантике слов, называющих природные пространства, категоризованы базовой бинарной оппозицией «горизонталь vs. вертикаль». Посредством данной оппозиции выделяют следующую типологию природных концептов: возвышенности (hill), ровные участки поверхности (plain) и углубления (depression). Для горизонтально ориентированных объектов природного пространства когнитивно-салиентным параметром является «граница», для вертикально структурированных природных объектов значимым оказывается пространственный параметр объёма. Для концептов водных пространств характерным является такой зрительно-воспринимаемый параметр, как движение. В семантике слов, обозначающих природные объекты, могут концептуализироваться пространственные и другие признаки, но в первую очередь единицы концептосферы «природное пространство» характеризуются размерностью, которая является одной из главных салиентных характеристик концептов природных пространств [Ивашкевич 2012: 195-197].

При наличии некоторых работ, посвященных изучению английской ландшафтной лексики в когнитивном русле, данная лексика всё ещё является малоисследованной. Ландшафтная лексика является древнейшим лексическим пластом в английском языке, номинирующим базовые для человека реалии окружающей действительности. Данная лексика в английском языке характеризуется широкой представленностью, развитой синоними-

ей. Базовость номинируемых данной лексикой объектов определяет её широкое употребление как в номинативной, так и в оценочной функциях. На данный момент такие аспекты, как лексическая категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в их взаимосвязи, являются не разработанными. В настоящей работе рассматриваются принципы категоризации ландшафтов и особенности оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке.

Изучаемая лексика включает единицы, называющие различные формы ландшафтов: наземные, природные водные, пограничные, городские, водные антропогенные ландшафты. Ландшафтная лексика включает в себя единицы, репрезентирующие в языке знания о категориях естественных объектов, соответственно, категории ландшафтной лексики, по нашему предположению, представляют собой аналоговые категории и строятся соответственно общим принципам лексической категоризации. Таким образом, мы предполагаем, что в основе категорий ландшафтной лексики будут находиться инварианты, т.е. слова с наиболее обобщённым значением. Остальные единицы, входящие в состав той или иной категории, будут являться вариантами. Отнесение к той или иной категории базируется на концептуальных характеристиках ландшафтов. Характеристики ландшафтов, лежащие в основе выделения различных категорий ландшафтной лексики, составляют основу оценочного потенциала ландшафтной лексики.

3.2. Основные характеристики концептов ландшафтов в современном английском языке

Концептуализация, осмысление поступающей к человеку информации и образование в результате этого концептов в мозгу человека, является одним из важнейших процессов познавательной деятельности человека [КСКТ: 93]. Такие когнитивные процессы, как категоризация, оценочная категоризация находятся в тесной взаимосвязи с процессом концептуализации, т.к. в основе и первого, и второго всегда лежит определенная кон-

цептуальная система. Концепт – это базовое понятие в когнитивной лингвистике. Под концептом понимают единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, оперативную содержательную единицу памяти, смысл, «которым оперирует человек в процессах мышления, и которые отражают содержание опыта... и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [КСКТ: 90]. Концепты «представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления» [Болдырев 2000: 23]. Р.И. Павиленис считает, что концепт – это информация об актуальном или возможном положении вещей в мире [Павиленис 1983: 101-102].

Содержание концепта познаётся посредством выявления его различных характеристик. Поскольку настоящее исследование направлено на выявление особенностей категоризации ландшафтов и оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке, то необходимо выявить основные характеристики концептов ландшафтов в английском языке, т.к. любая категоризация имеет концептуальное основание, и именно эти характеристики будут определяющими для категоризации ландшафтов и оценочной категоризации ландшафтной лексики. Концептуальные характеристики могут быть выявлены «через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» [Болдырев 2000: 31].

Содержание концепта до конца неисчислимо [Болдырев 2000: 35], однако «сопоставление всех доступных языковых средств репрезентации концепта в системе языка и в речи позволяет выявить основное содержание концепта <...>» [Болдырев 2000: 31]. Каждое слово репрезентирует лишь часть концептуальных характеристик, значимых для коммуникации [Болдырев 2000: 35]. Т.В. Дроздова пишет: «Можно говорить о различных типах дефиниций, но очевидно, что их основная роль в репрезентации концепта – <...> эксплицировать, хотя бы в минимальной степени, его со-

держание, т.е. указать формирующие его ядерные концепты (концептуальные признаки), определить или эксплицировать существующие между ними связи, а также назвать его отличительные атрибутивные характеристики» [Дроздова 2007: 32].

Таким образом, об основных и наиболее постоянных характеристиках концептов ландшафтов в сознании носителей английского языка можно судить, проанализировав словарные дефиниции в англо-английских словарях, репрезентирующие соответствующие концепты в языке.

Лексические единицы, обозначающие природные водные ландшафты, обычно определяются в словаре следующим образом¹:

Sea – the large area of salty water that covers much of the earth's surface [Longman 2005: 1475]; the salt water that covers most of the Earth's surface and surrounds its continents and islands [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995: 1057].

Ocean – the great mass of salt water that covers most of the Earth's surface [Longman 2005: 1134]; the mass of salt water that covers most of the earth's surface [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995: 800].

Lake – a large area of water surrounded by land [Longman 2005: 900].

Pond – a small area of fresh water that is smaller than a lake, that is either natural or artificially made [Longman 2005: 1268]; an area of water similar to a lake but smaller, especially one that has been built artificially [Macmillan Dictionary Online].

River – a natural and continuous flow of water in a long line across a country into the sea [Longman 2005: 1422]; a large natural stream of water flowing in a channel [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995: 1015].

¹ Следует заметить, что здесь мы стараемся приводить дефиниции из различных словарей для каждой отдельной единицы с целью выявления различных возможных концептуальных характеристик. Ссылки на электронные словари даются без указания страниц.

Stream – small river; a natural flow of water that moves across the land and is narrower than a river [Longman 2005: 1641]; a small narrow river [Macmillan Dictionary Online].

Waterfall – a place where water from a river or stream falls down over a cliff or rock [Longman 2005: 1862]; a stream or a river that falls from a height, e.g. over rocks or a cliff [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995: 1345].

Проанализировав данные дефиниции, можно прийти к выводу, что концептам природных водных форм ландшафтов присущи характеристики: *водная поверхность, определенный размер, объём, протяженность в пространстве, форма («surrounded by land», «in a long line across a country»), происхождение (natural/ artificially made), определенное расположение по отношению к земному ландшафту, характер течения воды («water <....> falls down»), перцептивные характеристики («salty»).*

Лексические единицы, репрезентирующие наземные формы ландшафтов, обычно представляются в словаре следующим образом:

Plain – a large area of flat dry land [Longman 2005: 1248]; a large area of flat land [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995: 881].

Meadow – a field with wild grass and flowers [Longman 2005: 1019]; a field where grass and wild flowers grow[Macmillan Dictionary Online].

Mountain – a very high hill [Longman 2005: 1073]; a natural structure like a very big hill that is much higher than the usual level of land around it [Macmillan Dictionary Online].

Hill – an area of land that is higher than the land around it, like a mountain but smaller [Longman 2005: 769]; an area of land that is higher than the land surrounding it but smaller and lower than a mountain [Macmillan Dictionary Online].

Cliff – a large area of rock or a mountain with a very steep side, often at the edge of the sea or a river [Longman 2005: 276]; the steep side of an area of high land [Macmillan Dictionary Online].

Knoll – a small round hill [Longman 2005: 893];

Lowland – an area of land that is lower than the land around it [Longman 2005: 965]; the part of a country that is fairly low and flat [Macmillan Dictionary Online].

Forest – a large area of land that is covered with trees [Longman 2005: 631]; a large area of land covered by trees and other plants growing close together [Macmillan Dictionary Online].

Swamp – land that is always very wet or covered with a layer of water [Longman 2005: 1676].

Таким образом, концептам наземных форм ландшафтов присущи следующие характеристики: *участок земной поверхности, определенный размер, ровная поверхность/горный рельеф, наличие определенной растительности, вертикальное/горизонтальное положение, расположение выше/ниже уровня земной поверхности, определенная форма, характеристики почвы.*

Лексические единицы, называющие пограничные участки между суши и водой, имеют следующие дефиниции:

Bay – an area of the coast where the land curves inwards [Macmillan Dictionary Online]; a part of the sea that is partly enclosed by a curve in the land [Longman 2005: 111].

Bank – land along the side of a river or lake [Longman 2005: 102]; a raised area of land along the side of a river [Macmillan Dictionary Online].

Beach – an area of sand or small stones at the edge of the sea or a lake [Longman 2005: 112]; a stretch of sand or stones along the edge of the sea or a lake [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995: 89].

Coast – the area where the land meets the sea [Longman 2005: 286]; an area of land beside a sea [Macmillan Dictionary Online].

Headland – an area of land that sticks out from the coast into the sea [Longman 2005: 750]; a narrow piece of land that sticks out into the sea [Macmillan Dictionary Online].

Как показывает анализ дефиниций, для концептов пограничных участков между сушей и водой основными являются следующие характеристики: *участок земной поверхности, определенная форма, размер, расположение на границе с водным ландшафтом.*

Лексические единицы, репрезентирующие формы городских и сельских ландшафтов, определяются в словарях следующим образом:

Town – a large area with houses, shops, offices etc where people live and work, that is smaller than a city and larger than a village [Longman 2005: 1758]; a place where people live and work that is larger than a village but smaller than a city [Macmillan Dictionary Online].

City – a large important town [Longman 2005: 266].

Street – a public road in a city or town that has houses, shops etc on one or both sides [Longman 2005: 1642]; a road in a town or city with houses or other buildings along it [Macmillan Dictionary Online].

Outskirts – the parts of a town or city that are furthest from the centre [Longman 2005: 1172]; the areas of a town or city that are furthest away from the centre [Macmillan Dictionary Online].

Village – a very small town in the countryside [Longman 2005: 1839]; a group of houses, shops, etc., usually with a church and situated in the country district [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995: 1328].

Таким образом, концептам городских ландшафтов присущи характеристики: *участок земной поверхности, присутствие человека, наличие признаков деятельности человека.*

Лексическим единицам, называющим водные антропогенные ландшафты, английские словари дают определения:

Canal – a long passage dug into the ground and filled with water, either for boats to travel along, or to take water to a place [Longman 2005: 213]; an artificial river [Macmillan Dictionary Online].

Pond – a small area of fresh water that is smaller than a lake, that is either natural or artificially made [Longman 2005: 1268]; an area of water similar to a lake but smaller, especially one that has been built artificially [Macmillan Dictionary Online].

Reservoir – a lake, especially an artificial one, where water is stored before it is supplied to people's houses [Longman 2005: 1398]; an artificial or natural lake where water is stored so that it can be supplied to the houses in an area [Macmillan Dictionary Online].

Следовательно, концептам водных антропогенных ландшафтов присущи характеристики: *участок водной поверхности, созданный человеком для каких-либо целей, определенный размер, протяженность.*

Проведенный анализ словарных дефиниций позволяет нам выявить наиболее постоянные характеристики концептов ландшафтов в английском языке. Выявленные характеристики, по нашему предположению, лежат в основе категоризации ландшафтов и оценочного потенциала ландшафтной лексики. Однако лексикографическое значение слова передаёт лишь часть содержания концепта. Словари отражают варианты осмысления слова, полученные из зафиксированных контекстов употребления, в то время как постоянно появляются новые смыслы, в которых могут актуализироваться различные характеристики концепта, в том числе, не отраженные в системном значении слова. Поэтому не исключено, что в оценочных смыслах ландшафтной лексики могут находить отражение также концептуальные характеристики ландшафтов, не зафиксированные словарём.

Выделенные характеристики являются актуальными как для исследования принципов категоризации ландшафтов в современном английском языке, так и для выявления особенностей оценочного потенциала англий-

ской ландшафтной лексики. О проблемах изучения оценки в языке речь пойдет в следующем параграфе данной Главы.

4. Проблемы изучения оценки в языке

4.1. Исследование оценки в традиционной лингвистике

Исследование оценки и её языкового выражения является на сегодняшний день одним из самых перспективных направлений в лингвистике. К этой проблеме обращались многие учёные, такие как Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия и другие. Учёные отмечают, что оценочность характерна для человеческого познания и мышления [Арутюнова 1999; Вольф 2002; Телия 1986 и др.]. Любое знание о мире, полученное индивидом, преломляется через человеческое восприятие, оценивается познающим определенным образом.

К проблемам изучения оценки человеческая мысль обращалась с давних пор. Оценка как ценностная категория изучалась различными науками, такими как философия, логика, этика, психология. Считается, что начало изучению данной проблемы было положено Сократом. Сократ считается основателем такого направления в философии, как аксиология, которое изучает вопросы, связанные с природой ценностей, их местом в реальности и структурой ценностного мира, а также связь ценностей с человеком.

Оценка является категорией онтологической, гносеологической, а также лингвистической и коммуникационной. В философии рассматривается ценностное отношение. Ценностное отношение представляет собой вид связи субъекта и объекта, сознательно оценивающее отношение субъекта к объекту, к предметам, явлениям, которые связаны с жизнью человека и оказывают на неё определенное влияние. В аксиологии под ценностным отношением понимают осмысление субъектом оцениваемого объекта и его последующее отнесение к разряду ценностей. Ценности задают онтологическое основание актам оценивания. Результатом оценивания являются

ся ценностные представления и ориентации в мире значимостей. Ценностное отношение предполагает активность субъекта, занятие им позиции, позволяющей выносить оценку [Новейший философский словарь].

Ценности не столько постигаются путём логических умозаключений, сколько получают особый смысл в эмоциональном восприятии. Ценности также связаны с культурно-историческим контекстом. Ценности играют большую роль в жизни человека, т.к. они являются ориентирами в жизни каждого человека, стимулирующим фактором, побуждающим человека к деятельности, к созиданию, к творчеству.

В философии также различают безоценочное и оценочное познание. Оценочное познание представляет собой «или акт установления (приписывания) ценности, или акт сравнения по какому-либо принятому (в культуре, общности, группе, институции) образцу, норме, идеалу, т.е. имплицитному критерию оценивания, который может быть задан и эксплицитно» [Новейший философский словарь].

Так, например, Л.А. Сергеева понимает оценку как ментальную операцию, основанную на определенном типе умозаключения, когда из известных знаний путем логического сравнения получают новое знание – о соответствии или несоответствии качеств предмета определенной норме, и впоследствии, о признании или непризнании ценности предмета для индивида или социума [Сергеева 1982].

Как было замечено выше, оценка также является лингвистической категорией. Как замечает Н.Д. Арутюнова, поиск свойства «хорошести», логика исследований вывели ученых «из круга онтологических забот и привели к проблемам семантики, синтаксиса и прагматики оценочных слов, их функций в тексте, их коммуникативных свойств и употребления в живой повседневной речи» [Арутюнова 1998: 131].

Изучение оценки имеет большое значение для лингвистики. Именно язык позволяет глубже проникнуть в сущность оценки и осознать её роль в жизни людей. Много внимания изучению оценки в отечественном языко-

знании уделяла Е.М. Вольф. Она пишет: «Оценка как семантическое понятие подразумевает ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А» (субъект оценки) считает, что В (объект оценки) хороший/плохой» [Вольф 2002: 5]. Н.Д. Арутюнова подчеркивает связь оценки с идеализированной моделью мира, с человеком и его активным психологическим началом (его желаниями, стремлениями, волей, долгом, обязанностями). Понятие ценности важно в жизни человека, т.к. выполняет координирующую (между человеком и миром объектов), стимулирующую (направляющую деятельность), дидактическую и регулятивную (прескриптивную) функцию в механизмах жизни. «Она столь неуловима, сколь и вездесуща», – пишет Н.Д. Арутюнова [Арутюнова 1998: 183].

Для оценки свойственна определенная структура. А.А. Ивин пишет о четырех компонентах оценочной структуры: оценивающий субъект, т.е. лицо выражающее оценку и тем самым приписывающее ценность какому-либо предмету; объект – оцениваемый предмет (либо его отдельные свойства); характер оценки, который определяется тем, квалифицирует ли она предметы как хорошие и плохие; основание оценки, как его определяет А.А. Ивин, – это позиция, доводы, склоняющие субъекта к приписыванию той или иной оценки объекту [Ивин 1970: 21].

Субъект оценки приписывает ценность какому-либо объекту, явлению на основании существующей в его сознании системы ценностных представлений, а также в соответствии со сложившимися в обществе стереотипами и нормами, культурной спецификой. Субъект оценки может быть как выражен, так и не выражен в высказывании, но объект оценки (в качестве которого может выступать лицо, предмет, событие) всегда эксплицитно представлен. Основное отличие оценки от классификации заключается в том, что оценка служит для выделения объекта из класса ему подобных [Вольф 2002; Телия 1986].

Под аспектом оценки понимаются те свойства предмета, которые оцениваются. Мотивировки выражают критерии оценки, свойства, по которым судят о других свойствах объекта. По мнению Н.Д. Арутюновой, «мотивы могут быть осмыслены как причины мнения», и «одни и те же мотивы могут служить обоснованием разных оценок» [Арутюнова 1998: 180].

У ученых нет единого мнения, что следует считать основанием оценки. В логике, в частности, в работах А.А. Ивина отмечается, что основание оценки – это «доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию, или выражению безразличия в связи с разными вещами» [Ивин 1970: 27]. Е.М. Вольф считает, что «основание оценки – свойство объекта, допускающее соответствующую классификацию» [Вольф 2002: 67], т.е. связывает основание оценки скорее с характеристиками самого объекта.

Говоря о выражении оценки в языке, необходимо отметить такую составляющую оценочной структуры, как аксиологические предикаты. По определению Е.М. Вольф, аксиологические предикаты – это класс предикатов, которые объединяют субъект и объект в структуре оценки. Специфическим для оценочных высказываний являются предикаты групп *считать, полагать* (предикаты «мнения»), *казаться, чувствовать* (себя), а также их свернутые аналоги: *по-моему*. Е.М. Вольф отмечает, что аксиологический предикат является «основным средством экспликации модальной рамки оценки <...> Он вводит в высказывание эксплицитную субъективность, указывая на присутствие оценочного субъекта и представляя оценку как относящуюся к его концептуальному миру» [Вольф 2002: 97]. Если в качестве предиката используются неопределенно-личные глаголы, то выраженная оценка передает «общее мнение».

Важной частью оценочной структуры, которой уделялось большое внимание в традиционном подходе, является шкала оценок. Для того, чтобы приписать определенную оценку какому-либо объекту, необходимо

сравнить объект с другими объектами того же класса и определить подходящий для объекта отрезок оценочной шкалы.

Е.М. Вольф пишет, что на оценочной шкале находится ряд признаков, которые могут двигаться по нарастающей/убывающей, часто независимо друг от друга. Часто нарастание одного признака предполагает убывание другого. На оценочной шкале есть зона положительного и отрицательного (хорошо/плохо), между которыми располагается зона нейтрального. В языке нейтральная позиция специально обозначается гораздо реже, чем позиция «хорошо/плохо». Однако нейтральная позиция на шкале не означает отсутствие оценки; чаще всего определенная оценка предполагается и в этом случае.

Другими характеристиками оценочной шкалы являются её недискретность, неопределенность и неоднородность на всем протяжении. В структуре оценочной шкалы выделяется зона нормы. Норма не есть нейтральная зона; она соотнесена с той частью шкалы оценок, на которой помещается стереотипное представление о данном объекте с соответствующим признаком. Когда говорят о норме, подразумевают признаки стереотипа и их положение на оценочной шкале [Вольф 2002: 47-55].

Таким образом, для оценки также является важным понятие нормы. Норма является неким эталоном, относительно которого осуществляется акт оценки. Рассуждая о типах оценки, Н.Д. Арутюнова замечает, что особенно зависима от нормы этическая оценка [Арутюнова 1998: 181].

Т.В. Маркелова отмечает, что оценка также может опираться на стереотипы или идеалы. Под стереотипом понимают стандартный набор оценочных признаков, соотнесенных с нормой. В оценочном значении стереотип присутствует в скрытой форме: представление о стандарте остается в концептуальной картине мира. Стереотипы часто социально обусловлены [Маркелова 1994].

Идеалы являются частью человеческого сознания, частью ценностной картины мира человека. Н.Д. Арутюнова считает, что при оценивании

имеет место сравнение реального объекта с идеалом и определение, насколько объект этим идеалам соответствует [Арутюнова 1998: 181-182].

Таким образом, важной характеристикой оценки является её реляционность – зависимость от модели в идеализированной картине мира, зависимость от концептуальной системы человека.

Одной из важнейших характеристик оценки является сочетание в ней субъективного и объективного факторов. С одной стороны, оценка зависит от субъекта его концептуальной системы. Оценочность соотносится с областью субъективного в языке [Арутюнова 1999; Колшанский 2005]. С другой стороны, основание оценки может быть заключено в реальных свойствах оцениваемого объекта. Исследование проявления этих двух факторов в языковой семантике привело ученых к разграничению оценочных и дескриптивных компонентов значения. Самыми «яркими» носителями оценочных и дескриптивных значений считаются прилагательные, т.к. для них характерна признаковая семантика. Е.М. Вольф пишет, что прилагательные могут сообщать нам о свойствах самого предмета, в этом случае прилагательные являются дескриптивными, например, *красное, круглое, спелое яблоко*. Свойства, которые приписывает объекту субъект оценки, – это оценочные характеристики, например, *хорошее яблоко, замечательная картина* [Вольф 2002: 28].

Прилагательные разделяются на частнооценочные, которые также могут содержать оценочный компонент (*талантливый, усердный, добрый, нахальный, глупый*) и общеоценочные (*хороший, отличный* и т.д.) [Вольф 2002: 29].

Проблема заключается главным образом в том, что нет четкого критерия для разграничения дескриптивных и собственно оценочных значений. В естественном языке эти значения находятся в постоянном взаимодействии. Так, собственные свойства предмета, или, по крайней мере, некоторые из них, не лишены субъективного аспекта, например, в значении, *большая картина* отражены также и социальные стереотипы, известные

субъекту оценки. Считается, что даже в признаках цвета и формы может присутствовать субъективный аспект. В то же время оценочные определения опираются на реальные свойства объектов. Субъективный и объективный компоненты оценочных значений представляют собой диалектическое единство со сложными взаимоотношениями в пределах каждого ряда языковых единиц [Вольф 2002: 28-33].

Исследователи также отмечают, что дескриптивные прилагательные используются для называния естественных свойств объекта, в то время как оценочные слова не могут быть использованы в этой функции [Ноуэлл-Смит 1985].

Рассматривая проблему оценочных и дескриптивных значений, Н.Д. Арутюнова пишет, что «последние фиксируют отношение высказывания к действительному миру, <...> первые характеризуют отношение между действительным миром и его идеализированной моделью, сам факт наличия или отсутствия соответствия между этими мирами, отражение одного в другом» [Арутюнова 1998: 182].

Таким образом, дескриптивные и оценочные значения отличны по своей природе. Субъективный и объективный фактор одновременно присутствуют в структуре оценки, и в естественном языке дескриптивные и оценочные значения находятся во взаимодействии.

Исследователи выделяют следующие средства выражения оценки в языке: словообразовательные аффиксы (менее распространенный способ в английском языке), лексико-семантические средства, стилистические средства (тропы), синтаксические средства (приемы парадокса, контраста), графические средства (кавычки, графическое выделение), а также модальные и экспрессивные частицы (*едва ли, вряд ли, разве, неужели, увы* и т.д.) [Кравцова 2008: 23]. Различают оценочные значения, закреплённые в системе языка, и оценочные смыслы, формирующиеся в речи.

Одной из основных проблем исследования оценки является выделение типов оценок. Были предложены различные классификации оценок,

основанные на разных критериях. Так, Е.М. Вольф пишет об эмоциональных и рациональных оценках. Эмоциональная оценка – непосредственная реакция на события, объект. Она основана на индивидуальных, иногда ситуативных стереотипах, находящихся в сознании субъекта оценки, направлена на то, чтобы вызвать реакцию у собеседника. Рациональная оценка стремится избегать временных рамок, направлена на получение согласия/несогласия собеседника. Е.М. Вольф считает, что в языке эмоциональная и рациональная оценки часто совмещены. В языке не может быть чисто эмоциональной оценки, т.к. язык как таковой всегда предполагает рациональный аспект [Вольф 2002]. В.И. Шаховский отмечает, что человек всегда выражает свое эмоциональное отношение к миру и к себе в этом мире. Эмоциональная активация выступает необходимым условием продуктивной интеллектуальной деятельности. Эмоции человека всегда являются смыслонесущими факторами в процессах общения [Шаховский 2008: 26-28].

Е.М. Вольф также пишет об абсолютной и сравнительной оценке. При абсолютной оценке речь идет об одном объекте оценки, при сравнительной – имеются хотя бы два объекта для оценки. В языковом выражении абсолютной оценки участвуют слова «хорошо/плохо»; формулировка сравнительной оценки может включать слова «лучше/хуже» [Вольф 2002: 13].

По характеру оценки подразделяются на положительные, отрицательные и нейтральные, в основе которых лежат, соответственно, осуждение, одобрение или отсутствие ярко выраженных одобрения или осуждения вследствие уже устоявшейся в обществе оценки данного предмета или явления [Арсентьева 1998: 5].

Классификация оценок, предложенная Н.Д. Арутюновой, базируется на представлении свойств объектов. Автор делит оценочные значения на общеоценочные и частнооценочные. Общеоценочные значения реализуются, к примеру, прилагательными *хороший-плохой*. Такие

прилагательные выражают холистическую оценку по совокупности свойств объекта, нередко вместе с ними употребляются мотивировки для уточнения критериев оценки. Частнооценочные значения ученый разделяет на 3 группы. Первую группу составляют сенсорно-вкусовые, или гедонистические оценки: *вкусный, душистый*; психологические оценки, которые, в свою очередь, включают интеллектуальные оценки (*умный, точный*) и эмоциональные оценки (*радостный, желательный, печальный*).

Вторую группу образуют сублимированные или абсолютные оценки. Здесь выделяют две подкатегории: эстетические оценки (*красивый, безобразный*), представляющие собой синтез сенсорно-вкусовых и психологических оценок, и этические оценки (*добрый, порочный, аморальный*). Эта группа оценок не безразлична к понятиям архетипа, нормы, образца.

Третью группу составляют рационалистические оценки, Здесь выделяют три разряда: утилитарные оценки (*полезный, вредный, благоприятный, неблагоприятный*), нормативные оценки (*правильный - неправильный; стандартный - нестандартный*) и телеологические оценки (*эффективный - неэффективный; целесообразный - нецелесообразный; удачный - неудачный*). Основные критерии для данных оценок – практическая польза, направленность на достижение определенного результата, функциональность, соответствие определенному стандарту [Арутюнова 1999: 198-199].

Как видно из изложенного выше, многие проблемы, имеющие отношение к оценке, были рассмотрены в традиционной лингвистике. Однако стоит заметить, что изучение оценки в языке было направлено в основном на рассмотрение семантических значений, передающих оценку. Анализ оценки в рамках данного подхода ограничивался уровнем языка.

Когнитивная лингвистика подошла к рассмотрению данного вопроса с иных позиций. В рамках когнитивного подхода акцент делается на исследование принципов формирования оценочных смыслов, с учётом роли

человеческого фактора в языке. Когнитивная лингвистика изучает взаимоотношения языковых данных и стоящих за ними мыслительных процессов. Подробнее об исследовании оценки в рамках когнитивной лингвистики речь пойдёт в следующем параграфе.

4.2. Исследование оценки в когнитивной лингвистике

Исследование когнитивных и языковых механизмов, обеспечивающих формирование оценки, возможно в рамках теории оценочной концептуализации и оценочной категоризации, разработанной Н.Н. Болдыревым. Под оценочной концептуализацией Н.Н. Болдырев понимает «оценочное осмысление объектов окружающего мира и образование в результате этого оценочных концептов в нашем сознании» [Болдырев 2002: 104]. Другими словами, наряду с процессом концептуализации естественных объектов в сознании человека при взаимодействии с окружающим миром происходит процесс оценочной концептуализации, приводящий к формированию системы мнений и оценок.

По сравнению с естественной концептуализацией оценочная концептуализация представляет собой в большей степени индивидуальное, субъективное познание мира, поэтому при изучении данного явления необходимо учитывать роль человека в процессах формирования и выражения оценки в языке.

В результате процесса концептуализации в нашем сознании образуются концепты. Концепт, согласно наиболее распространенному определению, есть «квант структурированного знания» [КСКТ 1996: 90]. Все концепты, хранящиеся в сознании человека, образуют концептосферу, или концептуальную картину мира человека. В сознании человека хранится огромное количество концептов, которые отражают его опыт познания и восприятия действительности. Концепты различаются не только по типу формирования, но и содержательно. В соответствии с различными способами познания мира, концепты разделяются на естественные и оценочные.

Естественные концепты содержат знания об объектах и о том, что человек знает об объектах [Павиленис 1983]. Оценочные концепты имеют отношение к внутреннему миру человека, к его системе мнений, оценок. Иначе говоря, знание, содержащееся в оценочных концептах, носит индивидуальный характер.

Однако в оценочных концептах содержится также и коллективное знание, иначе мы не смогли бы понимать друг друга при употреблении языковых средств, репрезентирующих данный тип концептов в процессе коммуникации. Н.Н. Болдырев считает, что в оценочном концепте содержится коллективное оценочное знание, прототипические характеристики, известные всем членам общества, и индивидуальное оценочное знание, знание признаков конкретных элементов категории, через которые эти общие характеристики осознаются [Болдырев 2002: 109-110]. В языке отличие между естественной и оценочной концептуализацией проявляется в описательных и оценочных значениях, которые были рассмотрены выше.

Н.Н. Болдырев также отмечает, что важной особенностью оценочных концептов является их содержательная неопределенность, релятивный характер, обусловленный зависимостью от других концептов и концептуальных структур, которые подвергаются оценке. Только в единстве с этими структурами они приобретают конкретную интерпретацию [Болдырев 2005: 34].

Выявление оценочных структур знания, наполнение оценочных концептов конкретным содержанием, обусловлено, с одной стороны, характеристиками обозначаемого предмета или явления, с другой стороны, соотношением объекта с нормами, принятыми в обществе, а также системой ценностей самого человека. Оценочная концептуализация является результатом наложения двух концептуальных систем, отражающих две стороны восприятия мира человеком – буквальную и ценностную. Оценочные концепты также могут быть культурно обусловлены.

Е.Д. Гаврилова, исследуя базовые оценочные категории “good” и “bad” в современном английском языке, пишет о схематичности смысла, передаваемого оценочными концептами, которая проявляется при наложении на другую структуру знания. «Дело в том, что при наложении концептуальных структур (оценочной и естественной) в ячейки оценочной схемы попадают наиболее существенные, ядерные, конститутивные характеристики определяемой структуры. В результате такой схематизации, употребление оценочных значений в речи понятно всем носителям языка и не требует дополнительной расшифровки и информации (*a good doctor*). Однако если оцениваются несущественные, непрототипические характеристики определяемого, то оценочные концепты требуют конкретизации, которая осуществляется за счет описательных прилагательных (*a good informative, useful book*)» [Гаврилова 2005: 37-38].

Таким образом, оценочная концептуализация представляет собой особый когнитивный процесс, происходящий в сознании человека, приводящий к формированию ценностных концептов в сознании. Оценочная концептуализация носит субъективный характер и отражает познание мира через систему ценностей человека. Специфика оценочных концептов заключается в их релятивности, т.е. зависимости от оцениваемой естественной концептуальной структуры и от системы ценностей оценивающего субъекта.

Когнитивный процесс, напрямую связанный с процессом оценочной концептуализации, – оценочная категоризация. Под оценочной категоризацией в самом общем виде понимают «группировку объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие оценочные классы и категории, то есть систему оценочных категорий (статический аспект), или мысленное соотнесение объекта или явления с определенной оценочной категорией (динамический аспект)» [Болдырев 2002: 104]. Оценочные концепты являются основой формирования оценочных категорий.

Аксиологические, или собственно оценочные категории, являясь разновидностью модусных категорий, подразумевают интерпретацию некоторой первичной информации в языке. Человек наблюдает объективные признаки предметов и явлений, и они становятся основой естественной категоризации мира. Однако человек не является пассивным наблюдателем; события, явления, предметы окружающего мира оказывают на него определенное воздействие, вызывают реакции, на основании которых человек приписывает оценку явлениям окружающего мира, вследствие чего и формируются оценочные категории. Оценочная категоризация характеризуется антропоцентрической направленностью. «При оценочной категоризации точкой отсчета является человек и его шкала ценностей. Первичны в этом случае сами оценочные концепты (ХОРОШИЙ-ПЛОХОЙ, ПРАВИТСЯ-НЕ ПРАВИТСЯ и т.п.), которые и задают состав и структуру оценочной категории» [Болдырев 2012: 105].

Оценочная категоризация – процесс вторичного познания, она происходит в несколько этапов: сначала человек определяет естественные характеристики объектов, соотносит их со своей личной либо с общественной системой ценностей, а затем формирует определенную оценку и соотносит с определенной оценочной категорией.

По мнению Н.Н. Болдырева, оценочные категории, как и все модусные категории, объединяют языковые средства на основе общности их концептуальной (интерпретирующей) функции [Болдырев 2011]. Специфика оценочных категорий заключается в том, что в них могут объединяться различные по своим объективным характеристикам, но сходные по воздействию на человека элементы.

Структурная организация оценочных категорий обнаруживает взаимодействие разных принципов организации в зависимости от природы оцениваемой сущности. Если оценка направлена на естественную категорию или базовые концепты, то соответствующая оценочная категория оценки предположительно будет иметь прототипическую структуру. В

случае оценки категорий абстрактных или событийных сущностей, которые могут быть организованы и по инвариантно-вариантному, и по прототипическому принципу, и по принципу семейного сходства, оценочные категории принимают структурную организацию оцениваемой категории [Болдырев 2009: 42-43]. Н.Н. Болдырев считает, что основным принципом структурной организации оценочных категорий является «семейное сходство». Объекты и явления, обладающие различными характеристиками, объединяются в одну категорию на основании одного общего критерия – сходного характера воздействия данных объектов и явлений на человека. Прототипы оценочных категорий, если они существуют (многофакторность образования категорий, их релятивный характер не всегда позволяют выделить прототип в составе категории), обнаруживают когнитивную выделенность и представлены понятийно или описательно – в виде набора тех или иных характеристик, в виде стереотипов, норм и т.д., которые могут отличаться изменчивостью. Эти нормы и стереотипы могут быть сведены к одной единственной характеристике, которая объединяет различные по содержанию и форме объекты [Болдырев 2002: 108].

Для оценочных категорий также характерна содержательная релятивность, зависимость от первичных структур знания. Н.Н. Болдырев пишет, что «не существует отрицания, плохой или хорошей оценки, эвиденциальности, экспрессивности, определенности или неопределенности и т.д. безотносительно к чему-либо, т.е. самих по себе. Они приобретают конкретную значимость только на фоне или в контексте того или иного концептуального содержания, и в этом проявляется их модусный, рамочный характер» [Болдырев 2012: 113].

Часто в основе формирования оценочных смыслов лежит механизм концептуальной деривации. Концептуальная деривация – это когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур. В процессе концептуальной деривации происходит

объединение исходных концептов в концептуальные структуры, внутри которых исходные концепты выступают как согласованные по тем или иным концептуальным характеристикам друг с другом. Процесс концептуальной деривации является важным для развития языка и выполнения им своей основной функции – передачи разнообразных смыслов при относительно ограниченном наборе материальных средств [Бабина 2009: 132]. Н.Н. Болдырев, исследуя категорию отрицания, отмечает, что содержание оценочных смыслов, образованных в результате процесса концептуальной деривации, не сводится к простому суммированию той или иной характеристики концепта отрицания и концепта из области определения, представленных отдельно лексической и грамматической семантикой. Результатом интеграции становится формирование и репрезентация другой концептуальной характеристики [Болдырев 2012: 100].

Оценочная концептуализация и категоризация основаны на определенных когнитивных механизмах. Исследователи выделяют такие механизмы формирования оценочных концептов, как профилирование, сравнение, метонимический и метафорические переносы [Гаврилова 2005; Кравцова 2008]. К числу языковых механизмов оценочной концептуализации и категоризации исследователи относят следующие механизмы: прямая номинация оцениваемых структур и их характеристик, взаимодействие семантических компонентов определяемой единицы и оценочных прилагательных, синтаксические структуры, а также близкий и широкий языковой контекст оценки.

Термин «профилирование» был введен Р. Лэнекером [Лэнекер 2006]. Под профилированием понимают высвечивание конкретного участка в пределах определенной когнитивной области, придание ей определенного профиля. В процессах оценочной концептуализации профилирование предполагает выделение конкретных характеристик в оцениваемой структуре.

Следствием процесса профилирования является установление отношений «фигура-фон» в оценочной структуре. Эти термины были введены Л. Талми. Фигура – это концептуально движущийся объект, осознание которого происходит благодаря фону, который представляет собой основу для выделения фигуры [Talmy 2000: 312].

В процессе оценочной концептуализации фигурой является конкретная характеристика объекта, которая актуализируется в данной ситуации, а фоном – все концептуальные характеристики оцениваемого объекта, воспринимаемые как область исходного знания [Болдырев 2002: 110]. Так, в данной работе исследуется ландшафтная лексика современного английского языка, которая способна передавать оценочные смыслы. При этом оцениваться могут и сами ландшафты, и другие тематические области, в отношении которых ландшафтная лексика может выступать средством оценки. При оценке самого ландшафта в качестве фона будут выступать все характеристики ландшафтов – размер, протяженность в пространстве, форма, внешний вид и другие, а фигурой будет являться конкретная характеристика, выделенная в данном случае (*shallow lake*). Однако следует оговориться, что оценка ландшафта нас не интересует в настоящем исследовании, за исключением тех случаев, когда она содержится в системном значении ландшафтных единиц, а также случаев, когда оценка ландшафта осуществляется посредством единиц ландшафтной лексики. Наше внимание направлено на то, каким образом ландшафтная лексика передает оценку различных тематических областей. В случае с ландшафтной лексикой оценочный смысл может быть сформирован на основе механизма профилирования, если высвечивается характеристика концепта городского или сельского ландшафта, например: *dirty town, shabby village*. В данных примерах оценка распространяется не только на сам ландшафт, но и на людей, его населяющих. В данном случае механизм профилирования оказывается совмещенным с механизмом метонимии. В целом, при образовании оценочных смыслов у ландшафтной лексики механизм профилирования ока-

зывается совмещенным с другими когнитивными механизмами, т.к. в основе оценочного смысла зачастую лежит какая-либо профилируемая концептуальная характеристика ландшафта.

Другим важным когнитивным механизмом оценочной концептуализации и категоризации выступает сравнение. Н.Н. Болдырев отмечает, что когнитивный механизм сравнения заключается в соотношении оцениваемого объекта с определенной системой ценностей, индивидуальной или общественной [Болдырев 2000а]. Когнитивный механизм сравнения позволяет нам определить, насколько те или иные характеристики объекта соответствуют нашим ожиданиям.

Когнитивный механизм сравнения состоит в соотношении концептов объектов или явлений в сознании на базе сходного признака. М.Е. Прохорова, исследуя образные сравнения, отмечает, что когнитивный механизм сравнения тесно связан с разрабатываемой в когнитивной лингвистике идеей о взаимодействии концептов. В сравнении концепт объекта сравнения и концепт объекта-репрезентанта признака соотносятся друг с другом, и в результате взаимодействия концептов образуется новая концептуальная сущность [Прохорова 2010: 61-65]. Например:

There was a great number of books on his table piled like a mountain [BNC].

На уровне языка этот механизм может быть реализован за счет использования сравнительных конструкций (as...as), степеней сравнения прилагательных (more/less), описательных и оценочных прилагательных, через синтаксическую структуру.

Метафорический и метонимический переносы также могут выступать когнитивным механизмом формирования оценочных смыслов. Исследованием когнитивной метафоры занимались многие учёные [Aarts, Calbert 1979; Kovecses 2002; Fauconnier, Turner 2008; Апресян 1993; Телия 1988; Маккормак 1990; Лакофф, Джонсон 2004а]. Согласно Дж. Лакоффу, метафора и метонимия являются не только поэтическими тропами; они пред-

ставляют собой базовые когнитивные процессы, когнитивные модели сознания, с помощью которых мы познаем мир. Ученый подчеркивает: «...метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004а: 25].

Благодаря когнитивному механизму метафоры, мы можем осмыслять один предмет в терминах другого. В метафорическом структурировании участвуют две концептуальные области: область-источник (source) и область-мишень (target). Концептуальные характеристики области-источника проецируются на область-мишень (оцениваемую структуру), причем область-источник является более известной и понятной. В результате происходит переструктурирование области-мишени в соответствии с особенностями структурной организации области-источника. Концептуальный механизм метафоры обеспечивает понимание абстрактных сущностей через более конкретные, является средством перехода от знакомого к менее знакомому. Результатом процесса метафоризации является выведение нового знания. Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют три типа метафор: структурные метафоры, когда один концепт метафорически структурирован в терминах другого, ориентационные метафоры, придающие концепту пространственную ориентацию, онтологические метафоры, позволяющие понимать абстрактные сущности в терминах конкретных сущностей и вещей [Лакофф, Джонсон 2004а].

Метафоричность проявляется и в процессе осмысления различных концептуальных областей через концептуальную область ландшафтов, где последняя выступает в качестве области-источника. В процессе метафоризации происходит перенесение концептуальных характеристик ландшафтов в иную концептуальную область, и результатом данного процесса становится образование нового, оценочного смысла, например: *a sea of flowers, a mountain of garbage, oceans of space*.

Концептуальная метонимия как один из основных механизмов формирования смысла также рассматривается в работах многих лингвистов [Падучева 2003; Лакофф 2004а; V. Evans, M. Green 2006; Ungerer, Schmid 1996 и др.]. Когнитивный механизм метонимии основывается на отношениях замещения. Одна сущность используется для ссылки на другие, которая с ним связана. Особым типом метонимии, который объединяет концепты на основе отношения «часть-целое», является синекдоха. Метонимия позволяет нам сконцентрировать внимание на отдельных областях объекта [Лакофф, Джонсон 2004а: 61-67]. Метонимия, в отличие от метафоры, действует только одну концептуальную область. Метонимические концепты позволяют осмыслить явление в рамках его связей с другими явлениями действительности, а основной функцией метонимии является выделение, высвечивание отдельных компонентов исходной области и использование их для репрезентации других компонентов в рамках той же области или структуры [Маховикова 2012: 37].

Представляется, что на исследуемом материале возможно выделение ещё одного когнитивного механизма, лежащего в основе образования оценочных смыслов ландшафтной лексики - метафтонимии. Термин «метафтонимия» был введен Л. Гуссенсом. Л. Гуссенс понимает под метафтонимией концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии и выделяет три основных типа метафтонимии: метафора из метонимии, метонимия внутри метафоры, метафора внутри метонимии (см. подробнее: [Goosens 1995]).

Первый тип метафтонимии – метафора из метонимии – может быть проиллюстрирован глаголом “snap at” в значении “say something angrily”. С одной стороны, snap at обозначает действие быстрого сжатия челюстей говорящего, поэтому для него – это метонимия. С другой стороны, животные инстинкты соотносятся с эмоциональной сферой человека, следовательно, здесь также присутствует метафоризация.

Второй тип метафтонимии – метонимия внутри метафоры – представлен метафорическими выражениями, в которых ещё остались метонимические корни. Этот тип метафтонимии, как правило, передаётся через части тела, например, *I could bite my tongue off*. Данное выражение представляет собой метафору с метонимией внутри: способность говорить в целом представлена через смежный элемент целого – язык.

Третий тип метафтонимии – метафора внутри метонимии – является оппозицией второму типу метафтонимии. Данный тип представлен метонимическими выражениями, имеющими также метафорическую особенность. Например, выражение “*get up on one’s hind legs*” в значении «встать, чтобы сказать или оспорить что-либо на публике» является концептуальной метонимией, т.к. глагол *get up* одновременно называет и физическое действие «встать, подняться», и действие «участвовать в общественных обсуждениях». Однако соотношение со сферой физиологии животных, подразумевающей наличие передних и задних ног, придаёт данному выражению метафорическое значение, и в целом, выражение представляет собой метонимию с вкрапленной метафорой и имеет юмористический подтекст [Goosens 1995]. О.С. Шарманова считает, что первый и второй типы метафтонимии слабо различимы и являются частными случаями метонимического расширения сферы-источника [Шарманова 2011: 196]. Оценочные смыслы ландшафтной лексики также могут формироваться на пересечении механизмов метафоры и метонимии, например: *a sea of smiling faces*, *a forest of hands*.

Важным механизмом формирования оценочных смыслов является когнитивный контекст (“*cognitive domain*” в терминологии Лэнекера, “ментальные пространства” Ж. Фоконье [Langacker 1991; Fauconnier 1998]). Вслед за Н.Н. Болдыревым, под когнитивным контекстом в настоящей работе понимаются блоки знаний, стоящие за значениями слов и обеспечивающие их правильное понимание [Болдырев 2000б]. Когнитивный контекст содержит дополнительную информацию, которая помогает осознать

выделенные характеристики объекта. В случае оценочной концептуализации когнитивный контекст может включать в себя знание стереотипов, общественных норм и стандартов. Когнитивный контекст служит выделению центральных характеристик, основанных на коллективном знании. Языковой контекст, в свою очередь, способствует выделению нецентральных характеристик, основанных на субъективном знании.

Суммируя сказанное выше, стоит отметить, что оценочная концептуализация в языке основана на формировании оценочных концептов, имеющих релятивный характер и приобретающих конкретное содержание при взаимодействии с другими концептуальными структурами. Конкретное содержание оценочного концепта определяется набором характеристик, присущих другому концепту, с которым он связан.

В данной работе исследуется оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке. Интерес представляют единицы ландшафтной лексики, содержащие оценку в системе языка, и использование ландшафтной лексики для оценки различных областей знаний о мире. Тот факт, что оценочные концепты и оценочные когнитивные процессы являются по своей природе релятивными, подводит нас к мысли о том, что оценочный потенциал ландшафтной лексики зависит от концептуальных характеристик самих ландшафтов и от концептов области определения. Мы предполагаем, что основные характеристики ландшафтов ложатся в основу оценки тогда, когда перестают быть дескриптивными и переносятся на другую область. Предположительно, основными когнитивными механизмами формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики являются названные выше профилирование, сравнение, метафора, метонимия и метафтонимия.

4.3. Особенности оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке

Ландшафтная лексика объективирует в языке различные типы пространства, что и создаёт условия для её использования в оценочной функции, т.е. определяет её оценочный потенциал. Это обуславливает необходимость рассмотрения концепта пространства и его основных характеристик. Пространство является одной из важнейших онтологических категорий. Оно является неперенным условием человеческого существования, неотъемлемой частью жизни человека, средой, в которой человек осуществляет свою деятельность. Как отмечает А.Э. Левицкий, пространство предстаёт в качестве одного из измерений человеческого бытия как в физическом, так и в духовном плане. Обустроивая пространство, человек изменяет его не только внешне, создавая новые ландшафты, но и создает и называет новые территориальные образования. Пространство воспринимается человеком не просто как объект мироздания, но как антропоцентрически преобразованное им самим образование [Левицкий 2008: 697]. Категория пространства является важной для человеческого сознания и получает своё отражение в языке.

С тех пор, как человечество стало рассуждать, об устройстве мира, было выработано несколько концепций пространства. Так, архаическое понимание пространства, являющееся частью мифопоэтической картины мира, основывалось на следующих его свойствах: неотделимость от времени, неразрывная связь с вещами, которые конституируют пространство, отделенность пространства от того, что им не является, составность пространства (членение и соединение). На позднем этапе мифопоэтической эпохи выработалась тенденция понимания пространства как чего-то относительно однородного, измеряемого, того, в чём ориентируются [Топоров 1983: 241-242].

В рамках естественных наук наиболее известны две концепции пространства: концепция И. Ньютона и концепция Г.В. Лейбница. По И. Нью-

тону, пространство – «нечто первичное, самодостаточное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящимися»; по Г.В. Лейбницу пространство – «нечто относительное, зависящее от находящихся в нём объектов, определяемое порядком сосуществования вещей...» [цит. по: Топоров 1983: 228]. По замечанию Е.С. Яковлевой, ньютоновское пространство является скорее абстракцией, принципиальным отвлечением от фактора восприятия пространства человеком; пространство Лейбница, напротив, трактуется, прочитывается человеком. Пространство Ньютона принадлежит физике и геометрии; лейбницевское пространство, скорее, относится к области человеческих представлений о мире, к «наивной философии» мира. «Постулаты» этой философии лежат в основании картины мира [Яковлева 1993].

Противопоставление концепций пространства Ньютона и Лейбница соотносится с разграничением абсолютного и относительного пространства в современной науке. Это разграничение основывается на несоответствии между реальным пространством и тем представлением о пространстве, которое складывается в голове человека в процессе познания мира. В этом смысле абсолютное пространство – это объективированное, реально существующее пространство; относительное пространство – это пространство, отраженное в сознании человека, результат обработки человеческим сознанием. Языку свойственна антропоцентричность, и в отношении пространства антропоцентричность понимается как «присвоение субъектом пространства». Следовательно, пространственные характеристики, отраженные в языке, можно рассматривать как относительные [Яковлева 1993].

В современной научной картине мира, синтезирующей результаты развития философии с данными естественных наук, пространство понимается как всеобщая форма материи и её важнейший атрибут и наделяется следующими свойствами: 1) неразрывная связь со временем и движением материи, 2) зависимость от структурных отношений и процессов развития в материальных системах, 3) протяженность (рядоположенность и сосуще-

ствование различных элементов – точек, отрезков, объемов, возможность прибавления к каждому данному элементу некоторого следующего элемента, либо возможность уменьшения числа элементов), 4) связность (отсутствие «разрывов» в пространстве и нарушения близкодействия в распространении материальных воздействий в полях), 5) относительная прерывность (раздельное существование материальных объектов и систем, имеющих определенные размеры и границы), 6) трехмерность. Специфические свойства пространства подразделяются на метрические (связанные с измерениями) – размеры, расстояния между телами и т.д. и топологические – связность, асимметрия и т. д. [Философский энциклопедический словарь 1983: 541-542].

По мнению И.М. Кобозевой, в большинстве случаев вербальные описания пространства вне философского и научного контекстов воплощают стандартно-бытовое понимание пространства. Это обыденное понимание пространства отличается как от научного, так и от мифопоэтического, при этом имея с ними ряд общих черт. Общим для всех концепций пространства (кроме ньютоновского «пустого») является его неразрывная связь с вещами (материальными объектами). Обыденное понимание пространства – это конфигурация объектов, находящихся между собой в определенных – «пространственных» – отношениях.

Обыденное понимание пространства (как и мифопоэтическое) отдаёт приоритет топологическим свойствам над метрическими. Это проявляется, в частности, в отсутствии в описаниях пространства точных количественных характеристик размера объектов, расстояний между ними, угловых мер и т.п. «Топологичность» обыденного понимания проявляется также в семантике пространственных предлогов, которые идеализируют пространственные характеристики объектов и схематизируют отношения между ними [Кобозева 2000: 154-155].

Описание концепта пространства приводит Е.С. Кубрякова [Кубрякова 1997; Кубрякова 2004: 459-474]. Е.С. Кубрякова понимает простран-

ство как целостность, среду, обладающую объёмом и протяженностью, вмещающую объекты и человека и осознаваемую им. Учёный считает, что физическое пространство находит отражение в сознании человека в виде концептуальной структуры, включающей как архаичное, наивное понимание пространства, так и достижения современной науки. Об этом свидетельствуют представления о пространстве: целостность, чувственная основа, протяженность, трехмерность, связь со временем, материальная сущность и т.д. Е.С. Кубрякова считает, что концептуальная структура пространства включает в себя ряд самостоятельных концептов, важнейшими из которых являются концепты объекта и места [Кубрякова 1997: 27; Кубрякова 2004: 465-466].

Объект, по мнению учёного, является особой «встроенной» частью пространства. Пространство и объект противопоставляются друг другу по принципу фона и фигуры и оказываются членами одного гештальта, одной структуры, т.е. одно немыслимо без другого. Концепт объекта складывался как «представление о топологически замкнутой части пространства, концентрирующей конкретную разновидность материи в виде особого тела, обладающего определенными физическими характеристиками: контурами, размером или объемом, цветом, формой и т.п.» [Кубрякова 1997: 27]. Поскольку объект является ограниченной частью пространства, на него органично распространяются и свойства пространства: целостность, перцептуальная самостоятельность и определенность. Концепт места взаимосвязан с концептами пространства и объекта и занимает по отношению к ним подчинённое положение. Место определяется как часть пространства, занимаемого объектом и ограничиваемая им. Подобно пространству, оно может характеризоваться как объем, плоскость, поверхность и даже как точка (покажи мне место Москвы на карте) [Кубрякова 1997: 27].

Концептуализация пространства основана на восприятии человеком реального физического пространства, обладающего определенными свойствами. Так, среди наиболее важных, наиболее значимых для человека ха-

рактических характеристик физического пространства выделяют: протяженность, связность, непрерывность, трехмерность. Протяженность понимают как рядоположенность различных элементов пространства, а также возможность прибавления элементов или, наоборот, уменьшения числа элементов, вытянутых в одну цепочку. Под связностью пространства понимают отсутствие разрывов в пространстве. Пространство обладает топологической структурой, т.е. представляет собой объединение множества частей, которые называют областями. Области пространства взаимодействуют между собой. Они могут либо пересекаться, т.е. иметь общие точки, либо включаться друг в друга, т.е. одна область может содержаться внутри другой, и это и является проявлением связности пространства. Непрерывность (относительная прерывность) пространства проявляется в том, что пространство каждой материальной системы незамкнуто, непрерывно переходит в пространство другой системы, которое может отличаться по метрическим и другим локальным свойствам.

Пространство, в зависимости от позиции наблюдателя и его задач, воспринимается либо как непрерывное, либо как дискретное (относительно прерывное). Объекты как бы прерывают пространство. Ещё одной неотъемлемой характеристикой физического пространства является трехмерность. Пространство характеризуется тремя параметрами: осевые горизонтальные и вертикальные измерения, понятие вместимости. Однако в некоторых случаях трехмерность пространства следует понимать условно, т.к. плоскость и линия являются также выразителями пространства, хотя они соответственно одномерны и двумерны. Трехмерность пространства воспринимается человеком как объективное свойство окружающей действительности в результате опыта взаимодействия человека с миром [Кравченко 1996: 29-31].

Ученые также выделяют такой признак пространства, как реверсивность (симметрия). Это свойство предполагает возможность движения в

пространстве и возврата назад. Данное свойство пространства отличает его от времени [Вригт 2000а: 7-8].

Такое свойство пространства, как трехмерность, находит отражение в структуре концепта вместилища. Двухмерные плоскости и трехмерные пространства могут осмысляться как вместилища. Концепт вместилища является важным в концептуальной картине мира человека; его изучением занимались многие лингвисты [Langacker 1991; Кравченко 1996; Кубрякова 2004 и др.]. Вместилище представляет собой область пространства, имеющую определенные границы, внутреннюю область и внешнюю и обладающую вместимостью, т.е. способностью содержать в себе другие объекты. Концепт вместилища представляется в виде когнитивной образной схемы «вместилище», структурными элементами которой являются: внутренняя часть (внутреннее пространство), граница, внешняя часть (внешнее пространство). Характеристикой концепта может выступать также наполняемость.

В.М. Топорова отмечает, что схематизация является важным когнитивным механизмом человеческого сознания. Знание о предмете включает его схематическое представление. Одним из способов схематического представления вещи является её контурное изображение, геометрическая форма.

Понятие формы, в первую очередь, соотносится с внешним очертанием, наружным видом предмета. Форма есть видимая граница, очерк предмета. Закономерности человеческого восприятия пространства на базе геометрических представлений позволяют определить форму как пространственно-геометрическую конфигурацию. Форма есть вид упорядочения субстанции в пространстве, она составляет материальную основу пространственных характеристик. Пространственная форма является одним из свойств физической реальности [Топорова 1999].

Суммируя всё вышесказанное, можно выделить основные характеристики пространства, значимые для человеческого восприятия. Среди них

протяженность, связность, непрерывность (относительная прерывность), трехмерность, форма. Ландшафтная лексика репрезентирует в языке виды ландшафтов – различные формы пространства, и её семантика отражает основные характеристики концептов ландшафтов. Основные характеристики концептов ландшафтов были рассмотрены выше; в основном, это пространственные характеристики, такие как *размер, объём, протяженность, форма, особенности расположения в пространстве, соположение с другими формами ландшафта*. Основные концептуальные характеристики, передаваемые ландшафтной лексикой, по нашему предположению, ложатся в основу категоризации ландшафтов и формируют оценочный потенциал английской ландшафтной лексики. В связи с этим также представляется необходимым пояснить понятие потенциала слов.

О содержательном потенциале слов, который делает возможным метафорическое, метонимическое, гипонимическое варьирование слов, писал М.В. Никитин. По М.В. Никитину, метафорический потенциал слова состоит в характере сильного импликационала (набор семантических признаков), его объеме, содержании, структуре (взаимозависимости признаков), вероятностной мере признаков (сила, яркость ассоциирования признаков). При метафорическом переосмыслении импликациональные признаки вовлекаются в перестройку семантики слова. Часть признаков «осмысляется извне» – из новой предметной области, в которую метафора переклюкает слово сообразно контексту и замыслу говорящего. По мнению ученого, слово в своем производном значении (метафорическом, метонимическом) «чаще всего значит больше, чем норма позволяет ему обозначить» [Никитин 2007: 203-207; 242].

О семантическом и деривационном потенциале слов также писали такие ученые, как В.Г. Гак [Гак 1972], И.А. Стернин [Стернин 1985], Д.Н. Шмелев [Шмелев 1973]. Так, в рамках дифференциальной семасиологии В.Г. Гак рассматривал такое явление в языке, как потенциальные семы. Потенциальные семы являются компонентами значения слова, которые

выражают дополнительные черты денотата. Данные семы не являются обязательными для различения одного видового понятия от другого. Однако потенциальные семы также содержат важную информацию в значении слова, т.к. обнаруживаются группы слов, целостность семантической структуры которых невозможно объяснить без учета потенциальных сем. В.Г. Гак отмечает, что потенциальные семы играют важную роль в речи: с ними связано появление переносных значений у слов, на их основе строятся различные тропы [Гак 1972].

Д.Н. Шмелев пишет об ассоциативных признаках, под которыми он понимает компоненты значения, отражающие как реальные свойства предмета, так и свойства, приписываемые ему в данном языковом коллективе. По Д.Н. Шмелеву, ассоциативные признаки сопутствуют слову при его употреблении в речи (например, таять – перен. исчезать) [Шмелев 1973: 25]. Ассоциативные признаки у слов могут развиваться различными способами: из знания человека, полученного опытным путем, но не являющегося признаком ситуации, при обозначении несущественных признаков денотата, также это могут быть признаки, не мотивированные логически. Ассоциативные признаки слов служат основой для трансформации языковых значений [Шмелев 1973].

В рамках функциональной лексикологии И.А. Стернин пишет о коммуникативно релевантных семах. Согласно И.А. Стернину, в процессе формирования смысла в речевом акте происходит актуализация значения слова, которая подчинена конкретной коммуникативной задаче, т. е. происходит актуализация коммуникативно релевантных сем для данной ситуации. Коммуникативно нерелевантные семы в данном процессе игнорируются. Процесс актуализации значения зависит от контекста. В процессе формирования актуального смысла коммуникативно релевантные семы для данной ситуации могут подвергаться изменению (усиление, ослабление), либо в качестве коммуникативно релевантных сем могут выступать периферийные семы значения, что приводит к нетрадиционным употреб-

лениям слов. В целом, реально функционирующее значение слова невозможно свести к числу его ядерных сем [Стернин 1985].

Таким образом, семантический и деривационный потенциал слов обосновывался разными учеными в рамках разных подходов. Под потенциалом слов в общем смысле понимается семантическое содержание слова и дополнительные, ассоциативные признаки, которые делают возможным варьирование слов и подвергаются модификациям в процессе формирования смысла в речи.

В данной работе рассматривается оценочный потенциал английской ландшафтной лексики с позиций интерпретирующей функции языка. Оценочный потенциал английской ландшафтной лексики заключается в ее возможностях передавать смыслы для описания различных концептуальных областей и базируется на основных концептуальных характеристиках ландшафтов, перечисленных ранее. Данные характеристики перестают быть дескриптивными и становятся основой оценочных смыслов при переносе в другую концептуальную область. Любой ландшафт представляет собой пространство с определенным набором признаков, свойственных данной местности. Единицы ландшафтной лексики репрезентируют характеристики концептов ландшафтов. Определенная комбинация концептуальных характеристик даёт тот или иной способ концептуализации пространства. Например, комбинация характеристик «пространство+объём» позволяет концептуализировать пространство как вместилище (*sea of money, ocean of guilt, mountain of paperwork*). Подробнее об особенностях категоризации ландшафтов и оценочном потенциале ландшафтной лексики современного английского языка речь пойдёт в Главе II настоящего исследования.

Выводы по Главе I

Анализ научной литературы позволяет говорить об интересе исследователей к проблемам языковой категоризации и оценки в языке. В рамках когнитивного направления эти проблемы являются одними из наиболее исследуемых на сегодняшний день. Процессы категоризации и оценочной концептуализации и категоризации являются базовыми для нашего сознания, и язык является главным средством доступа к изучению данных процессов. Однако многие области по-прежнему остаются малоизученными. К ним, в частности, относятся проблемы категоризации ландшафтов и оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке. Анализ научной литературы и фактического материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Ландшафтная лексика отражает знания о категориях естественных объектов. Соответственно, категории ландшафтной лексики являются лексическими категориями, т.е. логическими, аналоговыми категориями по отношению к категориям естественных объектов. Следовательно, категории ландшафтной лексики в английском языке строятся по инвариантно-вариантному принципу согласно общим принципам лексической категоризации. Категории ландшафтной лексики строятся вокруг инвариантов, т.е. слов с наиболее обобщённым значением. Остальные единицы, входящие в состав той или иной категории, являются вариантами. Отнесение к той или иной категории базируется на концептуальных характеристиках ландшафтов.

2. Представляется возможным выделить 5 наиболее общих типов ландшафтов: природные водные ландшафты, земная поверхность, пограничные участки между сушей и водой, антропогенные наземные и водные ландшафты. Соответственно, было выделено 5 основных пластов английской ландшафтной лексики и их наполнение.

3. Анализ словарных дефиниций единиц, номинирующих различные формы ландшафта, позволил выделить основные характеристики концеп-

тов ландшафтов. Для концептов **водных ландшафтов** основными характеристиками являются: *водная поверхность, определенный размер, объём, протяженность в пространстве, форма, происхождение, определенное расположение по отношению к земному ландшафту, характер течения воды, перцептивные характеристики, присутствие человека*. Для концептов **наземных ландшафтов** основными характеристиками являются: *участок земной поверхности, определенный размер, ровная поверхность/горный рельеф, наличие определенной растительности, вертикальное/горизонтальное положение, расположение выше/ниже уровня земной поверхности, определенная форма, расположение по отношению к водному ландшафту, характеристики почвы, присутствие человека*. Выявленные характеристики, по нашему предположению, лежат в основе категоризации ландшафтов и, соответственно, оценочного потенциала ландшафтной лексики.

4. Ландшафтная лексика английского языка способна передавать оценочные смыслы. Она может выступать средством оценки различных концептуальных областей. Оценочный потенциал ландшафтной лексики определяется концептуальными характеристиками самих ландшафтов. В основе оценки в данном случае лежат основные характеристики ландшафтов, когда они переносятся на другую область и, вследствие этого, перестают быть дескриптивными. Однако в языке постоянно появляются новые смыслы, в которых могут актуализироваться различные характеристики концептов, в том числе, не отраженные в системном значении слова. Поэтому не исключено, что в оценочных смыслах ландшафтной лексики могут находить отражение также концептуальные характеристики ландшафтов, не зафиксированные словарём. Предположительно, в качестве основных когнитивных механизмов формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики могут использоваться: профилирование, концептуальная метафора, метонимия, метафтонимия, концептуальное сравнение.

Конкретный анализ механизмов лексической категоризации и выявление оценочного потенциала ландшафтной лексики современного английского языка проводится в Главе II данной работы.

Глава II. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал английской ландшафтной лексики

1. Категоризация ландшафтов в современном английском языке

Как уже было замечено в Главе I, категоризация является одним из фундаментальных понятий когнитивной лингвистики, одним из базовых мыслительных процессов. В процессе познания окружающего мира мы обращаемся к категориям, так как наше мышление стремится некоторым образом систематизировать и упорядочить всё многообразие предметов и явлений. В данной работе явление категоризации и принципы формирования языковых категорий рассматриваются на материале ландшафтной лексики современного английского языка.

Как отмечалось ранее, категоризация ландшафтов существует и в рамках наивной, и в рамках научной картины мира. В каждом случае она основана на разном знании. Категоризация ландшафтов в рамках наивной картины мира основана на знании о категориях естественных объектов, которое присутствует в обыденном сознании человека, без опоры на какие-либо дополнительные теоретические знания.

В то же время понятие ландшафта является значимым и для научной картины мира, т.к. широко исследуется в рамках естественных наук. Существует классификация природных ландшафтов в рамках научной картины мира. Она основана на теоретическом знании, доступном лишь узкому кругу специалистов. Различие между типами знаний проявляется и в различных типах классификаций. Применительно к географической науке можно говорить о таксономии. Она принимает в расчёт такие данные, как почвенные, биологические, климатические характеристики, генетический тип рельефа и другие, то есть признаки, которые не осознаются большинством носителей языка и лишь частично находят отражение в языковых значениях. В качестве названий категорий в этом случае выступают тер-

минологические единицы, такие как: «гидроморфные ландшафты», «элювиальные ландшафты» и другие (см. также: [Чистякова 2014a]).

Наиболее интересно в нашем случае выделение собственно языковых категорий ландшафтной лексики. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «<...> всякому знанию предшествует онтологическая реальность <...>» [Кубрякова 2009: 22]. Лексические категории также отражают результаты нашего познания действительности, знание категорий естественных объектов. Напомним, что согласно утверждению Н.Н. Болдырева, лексические категории представляют собой аналоговые (по отношению к категориям естественных объектов) категории и имеют логическую по своей природе структуру. В основе их формирования лежит инвариантно-вариантный, логический принцип, в соответствии с которым центром категории становится слово с наиболее общим значением, которое одновременно служит названием категории, её инвариантом и основным идентификатором по отношению к другим элементам данной категории – словам с конкретным значением, т.е. вариантам [Болдырев 2009: 31]. Анализ словарных дефиниций показывает, что разграничение ландшафтов в лексике английского языка происходит, прежде всего, по типу поверхности (вода или суша). Также важным критерием является «присутствие человека». Язык отражает тот факт, что ландшафты могут быть «природными» и «искусственными», т.е. такими, к которым человек имеет прямое отношение.

Проведённое исследование показывает, что инвариантами категорий ландшафтной лексики являются единицы “**area of land**” и “**area of water**”, называющие компоненты значения, являющиеся интегральными компонентами значения единиц ландшафтной лексики. Это позволяет нам, прежде всего, разделить единицы ландшафтной лексики на две большие, наиболее общие категории – **Area of Land** и **Area of Water** (Участки земной и водной поверхности).

Признаки, указывающие на тип поверхности, который лежит в основе формы ландшафта, зафиксированные в дефинициях, являются инте-

гральными компонентами значения единиц ландшафтной лексики. Остальные элементы значения можно рассматривать как дифференциальные. Дифференциальные характеристики служат основанием для разграничения подкатегорий.

Внутри наиболее общих категорий можно выделить варианты, которые уточняют инварианты рядом дополнительных концептуальных характеристик. Как уже было замечено выше, важным критерием для выделения подкатегорий является значение присутствия человека. Выделение подкатегорий, основанных на этом признаке, возможно в категориях и водных, и наземных ландшафтов, однако во втором случае такие единицы более многочисленны. В данную категорию входит лексика, репрезентирующая группу ландшафтов, к которым человек имеет непосредственное отношение, на которых он проживает и которые были им преобразованы. Признаком, интегрирующим данные единицы в одну категориальную область, является присутствие человека на данных территориях или признаков, говорящих о его деятельности (*buildings, houses, shops, etc.*).

Таким образом, и в категории наземных, и в категории водных ландшафтов возможно выделение подкатегорий «Природные ландшафты» и «Антропогенные ландшафты». Так, в категории наземных ландшафтов подкатегория антропогенных ландшафтов будет представлена единицами, называемыми городские (*town, city, megalopolis, metropolis, conurbation, seaport, dockside, street, square, boulevard, avenue, road, esplanade, park, beltway, highway, motorway, tunnel, crescent, bypass, byway, alley, thoroughfare, fork, neighbourhood, crossroads, turnpike, industrial zone, railway crossing, pavement, sidewalk, parkway, downtown, midtown, outskirts, suburb*) и сельские ландшафты (*village, country, countryside, lane, plantation, garden, farm, homestead, estate, orchard, backwoods, byway, rut, pit, gutter, hinterland, pasture, paddock, hamlet, lawn, moat*). Дальнейшее выделение подкатегорий в категории антропогенных наземных ландшафтов базируется на концептуальных характеристиках городских и сельских ландшафтов. Например,

городские ландшафты дифференцируются по характеристикам размера (*town, city, metropolis* и *seaport, boulevard* и *alley* отличаются друг от друга по размеру), формы (*square* характеризуется наличием нескольких сторон, *avenue, boulevard, highway, tunnel* – продолговатой формой, *beltway, crescent* – округлой формой), расположения (*outskirts, suburb, boondocks*), наличия растительности (*avenue, boulevard, park*).

Подкатегории единиц, репрезентирующих сельский ландшафт, могут быть выделены на основании характеристик размера (*village - a very small town in the countryside, plantation - a large area of land in a hot country <...>* [Longman 2005: 1839, 1249]), наличия определенного вида растительности (*plantation, garden, farm, orchard, timberland, pasture, lawn*), степени преобразованности человеком (*backwoods - a distant and undeveloped area away from any towns, garden - the area of land next to a house, where there are flowers, grass, and other plants, and often a place for people to sit* [Longman 2005: 95, 665]). Высокая степень преобразованности человеком характерна для ландшафтов, репрезентируемых единицами *plantation, garden, farm, homestead, orchard, lawn*. Основанием для выделения подкатегории внутри категории единиц, репрезентирующих сельские ландшафты, служит также характеристика формы: *lane, byway* характеризуются продолговатой формой (*lane - a narrow road in the countryside, byway - a small road or path which is not used very much* [Longman 2005: 902, 205]), *yard* характеризуется наличием нескольких сторон (*yard - the area around a house, usually covered with grass* [Longman 2005: 1915]).

Для концептов природных наземных ландшафтов характерны такие признаки, как *участок земной поверхности, определенный размер, ровная поверхность/горный рельеф, наличие определенной растительности, вертикальное/горизонтальное положение, расположение выше/ниже уровня земной поверхности, определенная форма, характеристики почвы, расположение на границе с водным ландшафтом*. Данные характеристики ложатся в основу выделения подкатегорий природных наземных ландшаф-

тов. Так, лексические единицы репрезентируют ландшафты больших или меньших площадей. Большая площадь характерна для объектов, представленных в языке единицами *plain, prairie, grassland, moorland, heath, veldt, forest, desert, wilderness, plateau, tableland, savannah, cliff, mountain, range, cavern, cave, massif, steppe, tundra, pampas*; меньшая площадь характерна для объектов, репрезентированных единицами *copse, coppice, dell, gully, hillock, knoll, hummock, mound, spinney, wood*. Так, *forest* отличается от *woods* именно по размеру, что фиксируется в словаре: «*Forest* – a large area of land that is covered with trees», в то время как «*the woods* a small forest <...>» [Longman 2005: 631, 1899].

Характер рельефа является важным признаком для объектов, репрезентированных в языке единицами *hill, mountain, cliff, crag, hummock, palisades, precipice, bluff, escarpment, donga, gulch, gully, butte, scar, scarp*. В их дефинициях присутствует компонент значения «steep», указывающий на характерный горный рельеф (*cliff* - a large area of rock or a mountain with a very steep side, often at the edge of the sea or a river, *bluff* - a very steep cliff or slope [Longman 2005: 276, 153]). В то же время для объектов, представленных единицами *plain, plateau, tableland, savannah, prairie, fen, steppe, pampas*, характерна ровная поверхность (*plain* - a large area of flat dry land [Longman 2005: 1248]).

Лексические единицы содержат дифференциальные характеристики, указывающие на наличие растительности или её определенного вида: *forest, woods, grove, jungle, oasis, copse, coppice* содержат компонент значения «covered with trees», в то время как для *meadow* характерен иной тип растительности: «wild grass and flowers» [Longman 2005: 831, 1019]. Для объектов, названных единицами *grassland, pasture, lea, veldt*, одной из базовых характеристик является: «<...> covered with (wild) grass <...>» [Longman 2005: 707, 1204], для объекта *prairie* характерным является тип растительности «grass or wheat» [Longman 2005: 1284], для объекта, представленного единицей *heath*, характерна растительность «rough grass and bushes»

[Macmillan Dictionary Online], для объектов, представленных единицами *spinney, scrubland, thicket*, характерна растительность «trees and bushes» [Longman 2005: 1594], для объекта *jungle* – «large plants growing very close together» [Longman 2005: 877], для объекта, представленного единицей *moorland*, – «grass, bushes, and heather» [Macmillan Dictionary Online]. Лексические единицы, содержащие характеристики малого количества или полного отсутствия растительности, формируют отдельную подкатегорию. В нее входят единицы *desert, wilderness, wasteland, glade, moonscape* (*desert* – a large area of land with few plants and little water and where the weather is always dry [Macmillan Dictionary Online], *moonscape* – an area of land with no plants that looks like the surface of the moon [Longman 2005: 1066]).

Подкатеорию вертикального/горизонтального расположения составляют единицы, репрезентирующие объекты, обладающие определенной высотой относительно уровня земной поверхности (*mound, hill, hillock, hillside, knoll, hummock, mountain, cliff, range, peak, butte, bluff, foothills, highlands, massif, palisades, precipice, scar, scarp, tor, uplands, ridge, crag, escarpment, volcano*), и единицы, называющие объекты, горизонтально расположенные в пространстве (*plain, plateau, tableland, prairie, field, meadow, heath, lea, path, forest, wood, glade, spinney, thicket, scrubland, steppe, flatland, jungle, grove, wilderness, wasteland, desert*).

Подкатеорию обозначения расположения по отношению к уровню земной поверхности составляют лексические единицы, обозначающие ландшафты, расположенные выше (*mountain, hill, mound, knoll, hummock, cliff, range, butte, bluff, massif, palisades, precipice, ridge, escarpment, crag*), либо ниже (*lowland, hollow, wetland*) уровня земной поверхности.

Ландшафтные объекты характеризуются определённой формой. Для объектов, обозначаемых единицами *mound, knoll*, характерна холмообразная форма: (“*mound* – <...> looks like a small hill” , “*knoll* – a small round hill” [Longman 2005: 1073, 893]), для объектов, репрезентированных единицами *valley, canyon*, характерна продолговатая форма (“*valley* – an area

of lower land between two lines of hills or mountains, usually with a river flowing through it”, “*canyon* – a deep valley with very steep sides of rock that usually has a river running through it” [Longman 2005: 1827, 216]). Продолговатая форма также присуща объектам, репрезентированным в языке единицами *donga, gulch, gully, ravine, gorge* (*donga* – a long narrow valley with steep sides [Macmillan Dictionary Online]).

Характеристика состояния почвы земных ландшафтов также выступает основанием для выделения подкатегории. Характеристика заболоченности почвы присуща объектам, представленным в языке единицами *marsh, swamp, bog, fen, mire, morass, quagmire* (*marsh* – an area of low flat ground that is always wet and soft [Longman 2005: 1009]).

Отдельную подкатеорию образуют единицы, обозначающие наземные ландшафты, расположенные на границе с водным ландшафтом. К данной категории относятся такие единицы, как *basin* (*basin* – an area of land that is lower at the centre than at the edges, especially one from which water runs down into a river [Longman 2005: 108]), *beach* (*beach* – an area of sand or small stones at the edge of the sea or a lake [Longman 2005: 112]), *atoll, archipelago, bay, bank, berth, bight, bottom, bund, cape, catchment area, cay, coast, coastline, dock, embankment, firth, foreshore, harbour, headland, island, islet, isthmus, lido, reef, mudflats, peninsula, promenade, promontory, quay, riverside, lakeside, seaside, oceanside, seaboard, seashore, shore, shoreline, shoal, spit, strand, well, waterfront, waterside, wharf, cove, fjord*.

Вторая наиболее общая категория, водные ландшафты, может быть подразделена на природные водные ландшафты и водные антропогенные ландшафты. Концептам природных водных ландшафтов присущи такие признаки, как *водная поверхность, определенный размер, объём, протяженность в пространстве, форма, определенное расположение по отношению к земному ландшафту, характер течения воды, перцептивные характеристики*.

Водные природные ландшафты характеризуются различным размером, объёмом. Большой размер характерен для объектов, репрезентированных словами *sea* (“the large area of salty water that covers much of the earth’s surface” [Longman 2005: 1475]), *seaway, ocean, lake, river, gulf, cataract, bayou, estuary, mouth*. Меньшим размером отличаются объекты, представленные в языке единицами *pond* (“a small area of fresh water that is smaller than a lake, that is either natural or artificially made” [Longman 2005: 1268]), *burn, beck, brook, creek, cascade, stream, millpond, cove, rivulet, tributary, puddle*.

Характеристикой протяженности в пространстве, продолговатой формой обладают объекты, репрезентированные в языке единицами *river* (“a <...> continuous flow of water in a long line” [Longman 2005: 1422]), *stream* (“a <...> flow of water that moves across the land” [Longman 2005: 1641]), *creek* (“a long narrow area of water that flows from the sea into the land” [Longman 2005: 369]), *inlet* (“a long narrow area of water that continues into the land from a lake or sea” [Macmillan Dictionary Online]).

Природные водные ландшафты обладают определенной формой. Дифференциальная характеристика формы обнаруживается в дефинициях слов *river, stream, creek, inlet*. В определениях подчёркивается продолговатая форма водоёмов. В дефиниции слова *lake* часто присутствует указание на округлую или замкнутую форму водоёма: «lake – a large area of water surrounded by land» [Longman 2005: 900]. Для объектов, репрезентированных словами *bay, cove*, характерна полукруглая форма, что находит отражение в дефинициях (*bay* – “a part of the sea <...> partly enclosed by a curve in the land”; *cove* – “part of the coast where the land curves round so that the sea is partly surrounded by land” [Longman 2005: 111; 361]).

Участки водной поверхности могут быть по-разному расположены по отношению к земной поверхности. Так, объекты, репрезентированные единицами *lake, bay, gulf, sea, pond, brook, creek, pond, millpond, cove, fjord, inlet*, расположены на границе с наземным ландшафтом, например, *gulf* оп-

ределяется как «a large area of sea partly enclosed by land» [Longman 2005: 722], единица *sea* также раскрывает такую характеристику, как близкое, пограничное положение по отношению к наземным ландшафтам: “sea – the salt water that <...> surrounds <...> continents and islands” [Oxford Advanced Learner’s Dictionary of Current English: 1057]. С другой стороны, у объекта, представленного единицей *waterfall*, обнаруживается иной характер соположения относительно других форм наземного ландшафта: «a place where water <...> falls down over a cliff or rock» [Longman 2005: 1862], т.е. расположение над наземным ландшафтом. Такое же расположение по отношению к наземному ландшафту характерно для объектов *cascade, cataract*.

Природным водоёмам присущ различный характер течения воды. Неспokoйный характер течения воды является обязательной концептуальной характеристикой объекта, репрезентированного словом *waterfall* (“a place where water <...> falls down over a cliff or rock” [Longman 2005: 1862]). Также неспокойный характер течения воды является признаком объектов *cascade, cataract, midstream, current, whirlpool, rapids* (*rapids* – “part of a river where the water looks white because it is moving very fast over rocks” [Longman 2005: 1357]). Более спокойный характер течения воды является признаком объектов, репрезентированных в языке единицами *river* (“a natural and continuous flow of water in a long line across a country into the sea” [Longman 2005: 1422]), *stream* (“a natural flow of water that moves across the land and is narrower than a river” [Longman 2005: 1641]), *backwater* (“a part of a river away from the main part, where the water does not move” [Longman 2005: 95]). У объектов, репрезентированных единицами *spring, hot spring, geyser*, отмечается особое направление движения воды вверх (*spring* – a place where water comes up naturally from the ground; *geyser* – a natural spring that sends hot water and steam suddenly into the air from a hole in the ground [Longman 2005: 1603, 678]).

Водные ландшафтные объекты обладают также перцептивными характеристиками. Характеристикой «солёности» обладает вода в водоемах,

которые репрезентированы в языке единицами *sea* (the large area of salty water that covers much of the earth's surface [Longman 2005: 1475]), *ocean* (the great mass of salt water that covers most of the Earth's surface [Longman 2005: 1134]), *brine*, *briny*. Кроме того, водные ландшафты обладают такими специфическими характеристиками, как способностью к отражению света (блеск, мерцание и т.д.), изменчивость поверхности (рябь, волны).

Подкатегорию водных антропогенных ландшафтов составляют единицы *canal*, *fountain*, *pond*, *reservoir*, *tank*, *irrigation channel*, *ditch*, *weir*. Признаками, объединяющими соответствующие концепты в одну категорию, являются участие человека в создании водоёма и непосредственная предназначённость объектов для использования людьми. Дифференциальными характеристиками водных антропогенных ландшафтов являются размер, протяженность. Протяженностью, продолговатой формой отличаются объекты, репрезентированные в языке единицами *canal*, *ditch*, *weir* (*canal* – a long passage dug into the ground and filled with water <...> [Longman 2005: 213]). Для объекта, представленного в языке единицей *tank*, характерен большой размер, для объекта *pond* – относительно небольшой. Дифференциальной характеристикой водных антропогенных ландшафтов также может выступать их предназначённость для конкретного использования. Так, объект, названный в языке единицей *canal*, предназначен для водного транспорта либо для поставки воды в другое место: *canal* – a long passage dug into the ground and filled with water, either for boats to travel along, or to take water to a place [Longman 2005: 213]. Объект *irrigation channel* используется для орошения почв: *irrigation channel* – a passage dug in the ground and used for bringing water to land in order to make plants grow [Macmillan Dictionary Online]. Объект *reservoir* предназначен для того, чтобы хранить в нем воду до того, как она поставляется в дом человека: *reservoir* – a lake, especially an artificial one, where water is stored before it is supplied to people's houses [Longman 2005: 1398]. Объект, репрезентированный в языке единицей *fountain*, предназначен для декоративных

целей : *fountain* – a structure from which water is pushed up into the air, used for example as decoration in a garden or park [Longman 2005: 637].

Категоризация пространства также опирается на когнитивные схемы. Когнитивные схемы основываются на опыте физического взаимодействия с миром и передают знание о мире схематически, что обеспечивает его определенную организацию и упорядоченность, т.к. схемы придают созерцанию «его категориальную структуру» [Философский словарь: <http://enc-dic.com/philosophy/Shema-2312/>]. Схемы представляют собой упрощенное мысленное изображение чего-либо; при осмыслении абстрактных понятий мы часто прибегаем к схемам, т.к. они позволяют сделать абстрактное наглядным [там же]. По наблюдению Дж. Лакоффа, мы часто обращаемся к когнитивным схемам при осмыслении повседневного опыта. Этот подход ученый назвал гипотезой пространственного представления формы (The Spatialization of Form hypothesis). Данная гипотеза предполагает метафорическое отображение физического пространства в «концептуальном пространстве». Дж. Лакофф, в частности, выделяет такие когнитивные схемы, на которые опирается наше мышление, как: «вместилище», «часть – целое», «связь», «центр – периферия», «источник – путь – цель», «верх – низ», «передняя сторона – задняя сторона», «линейный порядок» [Лакофф 2004: 368]. Следует отметить, что применительно к настоящему исследованию, под когнитивной схемой мы понимаем упрощенное, контурное мысленное изображение пространственных объектов, которое может использоваться как при первичной концептуализации и категоризации объектов, так и при формировании оценочных смыслов при помощи единиц, номинирующих данные пространственные объекты.

Д. В. Маховикова, исследуя лексическую концептуализацию времени в современном английском языке, приходит к выводу, что она опирается на пространственные схемы, и выделяет такие схемы, как: точка, отрезок, прямая линия, полупрямая, пунктир, круг, спираль, вместилище, часть – целое [Маховикова 2012: 58]. Некоторые из этих схем используются при

концептуализации и категоризации ландшафтов, например, осмысление объектов, представленных в языке единицами *river, stream, creek*, опирается на когнитивную схему «прямая линия» благодаря наличию у данных объектов характеристики продолговатой, вытянутой формы. Концептуализация объектов, характеризующихся определенным объемом, происходит при помощи когнитивной схемы «вместилище». Для когнитивной схемы «вместилище» характерны такие структурные элементы, как: «внутреннее содержание», «границы», «внешний фон» [Лакофф 2004: 355].

Характеристика объема, присущая определенным ландшафтам, подразумевает характеристику внутреннего содержания, наполняемости и концептуализируется как способность вмещать в себя объекты и явления. При помощи когнитивной схемы «вместилище» происходит осмысление объектов, представленных такими единицами, как *plain (The horizon, the wide plain of dust and wind)*, *prairie (a wide-open prairie of opportunity)*, *desert (desert of air)*, *wilderness (wilderness of things)*, *plateau (a plateau of garbage)*, *tableland (a massive tableland of specialized knowledge)*, *savannah (savannah of political power)*, *sea (a sea of change)*, *ocean (an ocean of hurt)*, *lake (a lake of lava)*, *river (river of tears)*. Характеристика «внутреннего содержания» делает возможным «наполняемость» различным концептуальным содержанием при сочетании с другими концептами и, таким образом, обеспечивает формирование оценочных смыслов.

Таким образом, категории природных ландшафтов имеют свои особенности и различные принципы формирования в рамках наивной, научной и языковой картины мира. В языковых категориях отражаются и научное, и обыденное знание, однако обыденное знание отражено в большей степени. Языковые категории ландшафтной лексики строятся согласно общим принципам лексической категоризации, по инвариантно-вариантному принципу. Инвариантами категорий английской ландшафтной лексики являются единицы “area of land” и “area of water”, которые называют наиболее общие значения единиц исследуемой в настоящей работе

лексики. На основании данных инвариантных значений выделяются наиболее общие категории единиц ландшафтной лексики: Area of Land и Area of Water, внутри которых выделение подкатегорий основано на различных дифференциальных характеристиках концептов ландшафтов (см. Схема 1, 2, 3). Категоризация ландшафтов в современном английском языке также опирается на когнитивные схемы, в частности, «прямая линия» и «вместилище». Данные когнитивные схемы также формируют оценочный потенциал английской ландшафтной лексики, делают возможным создание оценочных смыслов, о которых речь пойдёт позже в данной главе. Выделенные концептуальные признаки ландшафтов, формирующие субкатегории ландшафтной лексики, являются основой оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке. Исследуемые единицы ландшафтной лексики служат средством концептуализации определенных характеристик – размера, формы, особенностей расположения в пространстве, характера движения, наполненности растительностью, и именно это создает основу для их использования в оценочной функции, т.е. основу оценочной концептуализации аналогичных характеристик объектов и явлений других концептуально-тематических областей.

Схема 1. Категоризация ландшафтов в современном английском языке

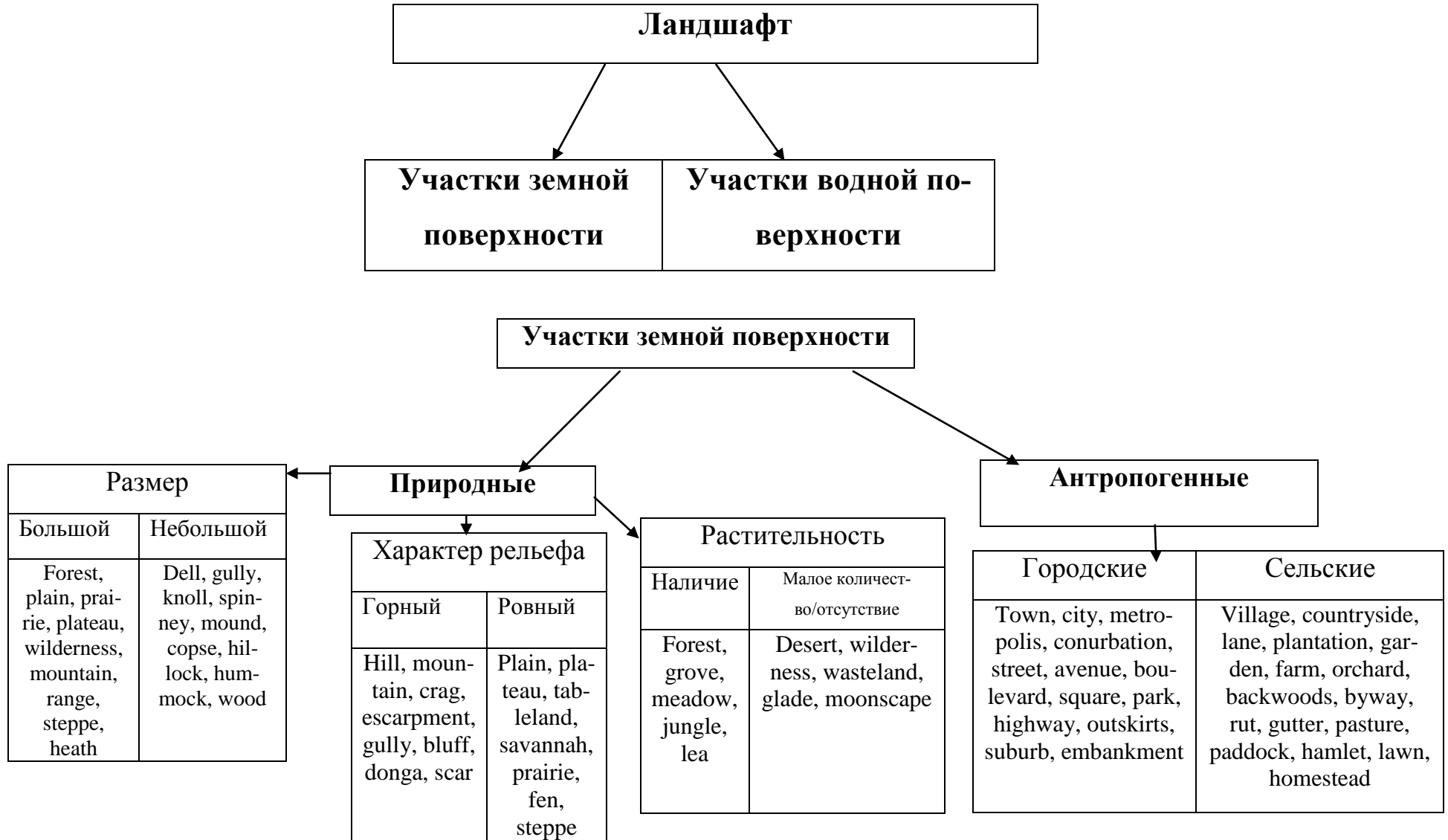

Схема 2. Участки земной поверхности

Природные (начало на стр. 91)

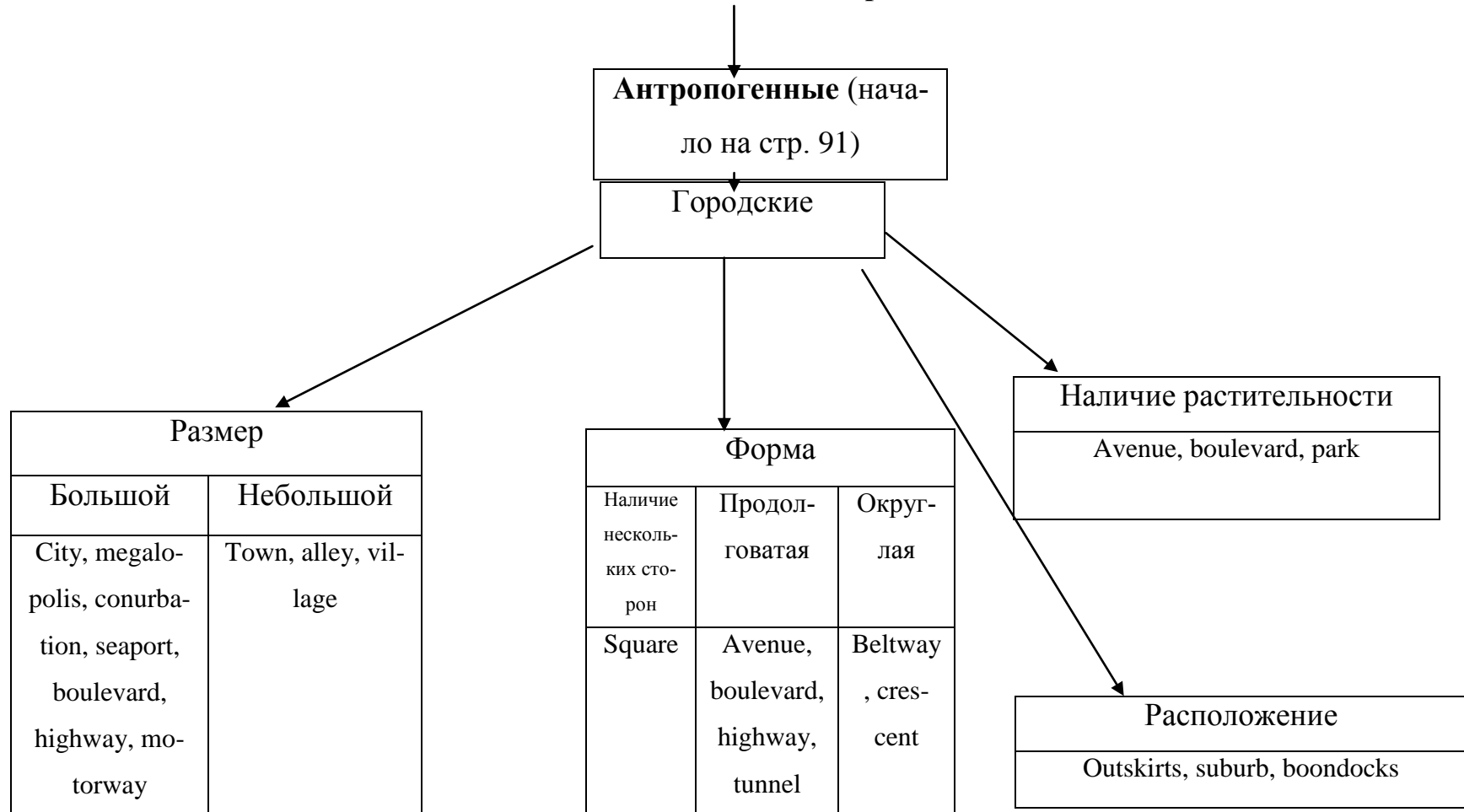
Расположение				
Вертикальное	Горизонтальное	Выше уровня земной поверхности	Ниже уровня земной поверхности	На границе с водным ландшафтом
Mound, hill, hillock, hillside, knoll, hummock, mountain, cliff, range, peak, butte, bluff, foothills, highlands, massif, palisades, precipice, scar	Plain, plateau, tableland, prairie, field, meadow, heath, lea, path, forest, wood, glade, spinney, thick- et, scrubland, steppe, flatland, jungle, grove	Mountain, hill, mound, knoll, hummock, cliff, range, butte, bluff, massif, palisades, precipice, ridge, escarpment, crag	Lowland, hollow, wetland	Basin, beach, atoll, archipelago, island, bank, cape, coast, coastline, shore, shoreline

Форма	
Холмообразная	Продолговатая
Mound, knoll, hill	Valley, canyon, donga, gulch, gully, ravine, gorge

Характеристики почвы

Заболоченность
Marsh, swamp, bog, fen, mire, morass, quagmire

Участки земной поверхности

Участки земной поверхности

Антропогенные (начало на стр. 91)

Сельские

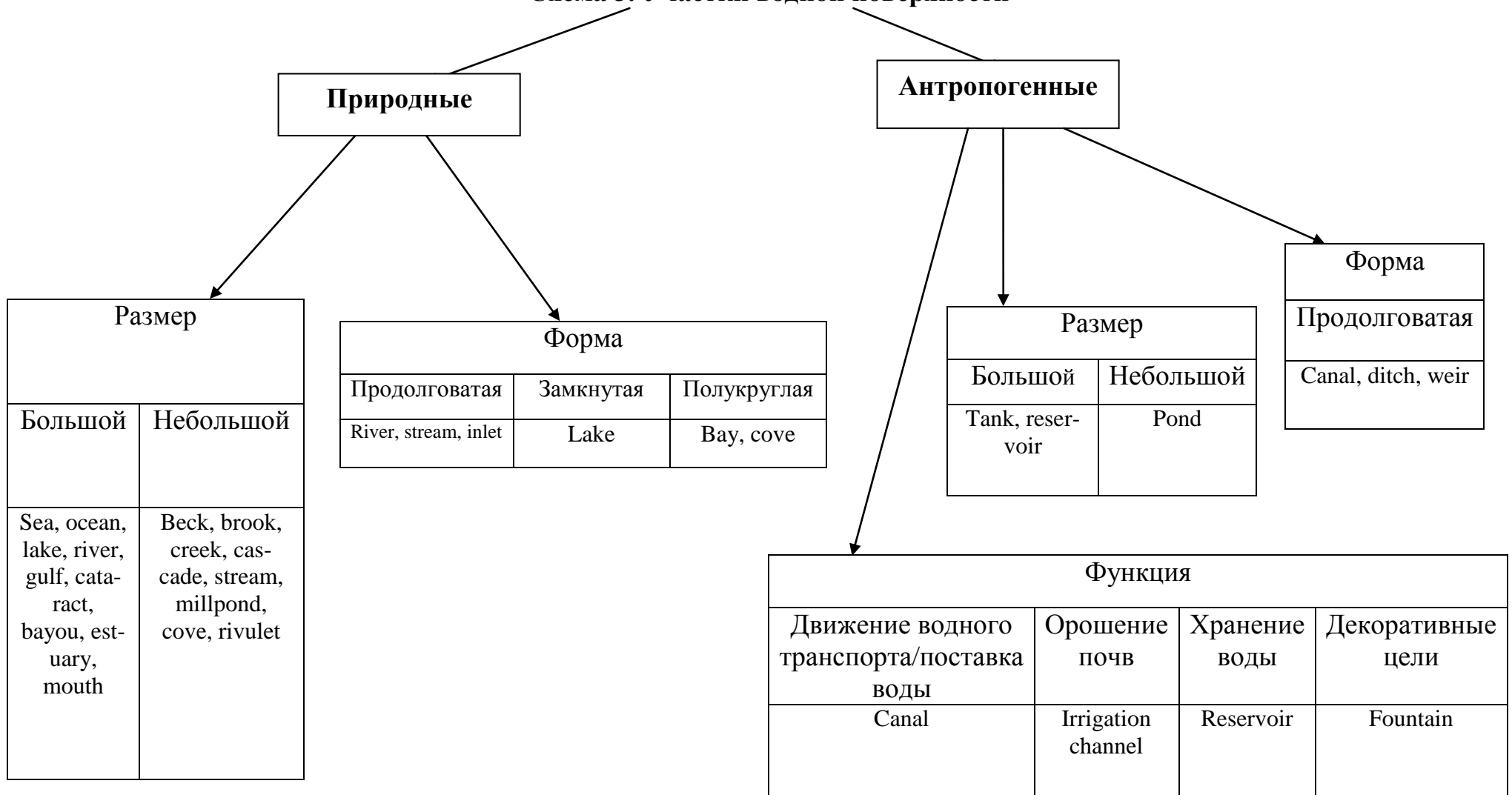
Размер	
Большой	Небольшой
Countryside, plantation	Village, hamlet, paddock

Форма	
Продолговатая	Несколько сторон
Lane, byway	Yard

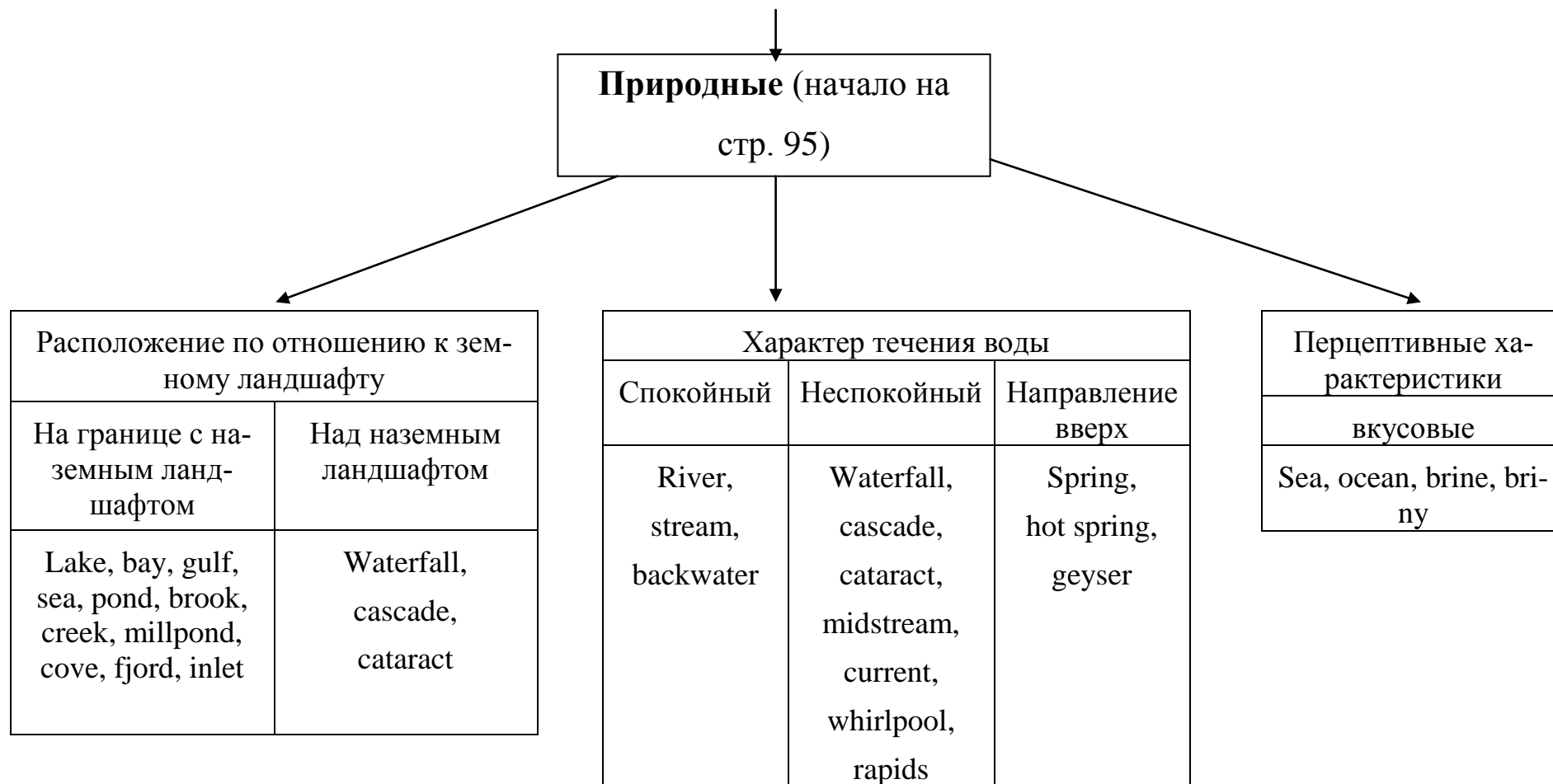
Наличие растительности
Plantation, garden, farm, orchard, timberland, pasture, lawn

Степень преобразованности человеком	
Высокая	Невысокая
Plantation, garden, orchard	Backwoods

Схема 3. Участки водной поверхности

Участки водной поверхности

2. Уровни категоризации ландшафтов в современном английском языке

Прототипический подход к категоризации позволяет выделить аспекты категоризации: вертикальный и горизонтальный. Горизонтальный аспект предполагает объединение на горизонтальном уровне категориальных объектов одной и той же степени обобщения, в то время как вертикальный аспект подразумевает выделение иерархически расположенных уровней категоризации, которые образуют таксономическую модель. В таксономической иерархии обычно выделяют три уровня категоризации, один из них признаётся как базовый. Именно базовому уровню уделяется особое внимание, т.к. считается, что именно на нем располагаются прототипы категории, т.е. те концепты и стоящие за ними объекты, которые воспринимаются гештальтно, не требуя привлечения дополнительных теоретических знаний. Уровень наибольшего обобщения, располагающийся над базовым, называется суперординатным; уровень, на котором происходит конкретизация, располагается под базовым и называется субординатным [Болдырев 2000: 84-85].

Идея базового уровня связана с именем американского психолога Э. Рош, которая в конце прошлого века в ходе психологических экспериментов, связанных с изучением фокусных и нефокусных цветов, установила, что фокусные цвета обладают большей перцептивной выделенностью, точнее запоминаются, их названия легче усваиваются детьми. Э. Рош доказала, что данные цвета являются центром категории соответствующего цвета, и это даёт основания предполагать, что существуют естественные прототипы. В результате последовавших экспериментов это предположение было доказано, и оно же легло в основу прототипического подхода к категоризации естественных объектов [Rosch 1975].

Согласно Дж. Лакоффу, категории базового уровня характеризуются следующими параметрами:

- с точки зрения восприятия – целостностью воспринимаемого внешнего вида; единым ментальным образом; быстрой идентификацией;

- с точки зрения коммуникации на базовом уровне располагаются наиболее короткие, наиболее общеупотребимые и контекстуально нейтральные слова;

- с точки зрения организации знаний, большинство признаков членов категории хранится на этом уровне (см. подробнее [Лакофф 2004: 72]) .

По мнению Н.Н. Болдырева, главным основанием отнесения лексических единиц к тому или иному уровню категоризации является их семантика. В частности, для отнесения глаголов к базовому уровню категоризации существенными будут являться такие критерии, как: 1) использование глаголов в словарных дефинициях единиц нижележащего подуровня или уровня в качестве гештальтного обозначения события; 2) морфологическая непроецируемость; 3) стилистическая нейтральность; 4) широкая сочетаемость; 5) историческая принадлежность к основному лексическому фонду данного языка; 6) частотность употребления в современном языке [Болдырев 2012: 48].

О гештальтности восприятия единиц ландшафтной лексики свидетельствует то, что некоторые из них используются в дефинициях других лексических единиц, выполняя тем самым функцию когнитивной точки референции, например:

Bay – a part of the sea... [Longman 2005: 111].

Gulf – a large area of sea... [Longman 2005: 722].

Mound – a pile of earth ... that looks like a small hill... [Longman 2005: 1073].

Hummock – a very small hill... [Longman 2005: 796].

Grove – a group of trees; a small wood [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995: 526].

City – a large important town [Longman 2005: 266].

Scar – a cliff on the side of a mountain [Longman 2005: 1463].

Meadow – a field with wild grass and flowers [Longman 2005: 1019].

Strand – a beach or area at the edge of a sea, lake or river [Macmillan Dictionary and Thesaurus Online].

Highway – a wide main road that joins one town to another [Longman 2005: 768].

Byway – a small road or path which is not used very much [Longman 2005: 205].

Использование единиц *sea, hill, wood, town, cliff, field, beach, road, path* в дефинициях других слов говорит о целостности их восприятия и быстрой идентификации, т.к. именно на эти единицы мы опираемся в процессе усвоения нового знания. В то же время, данные слова базового уровня характеризуются морфологической простотой, т.е. являются наиболее короткими, односложными (*sea, hill*) по сравнению с морфологически более сложными единицами, принадлежащими другому уровню (*waterfall, headland*) (см. также [Чистякова 2012а]).

Ещё одной особенностью единиц базового уровня является их стилистическая нейтральность, показателями которой являются не только отсутствие в дефиниции лексической единицы какого-либо указания на стилистическую окрашенность, но и способность функционировать в текстах различных стилей. Слово *sea*, например, является стилистически нейтральным и поэтому может употребляться в разных контекстах:

1. *The day was fair and sunny, sea and sky*

Drank its inspiring radiance, and the wind

Swept strongly from the shore, blackening the waves [Shelley: 67].

2. *In study of Oahu, one of the Hawaiian islands, Wentworth (1939) attributed the solution not so much to the action of the sea but more to the effect of fresh water seeping from the land at sea level [BNC].*

3. *“Aren’t we lucky to have met and to have this whole day to ourselves and the sea and the sky,” Rose said enthusiastically [BNC].*

В первом примере слово *sea* употреблено во фрагменте поэтического текста, в примерах 2, 3 – в фрагментах публицистического текста из периодических изданий, причём последний пример демонстрирует использование рассматриваемой лексической единицы в разговорной речи.

С точки зрения организации знаний, объекты, располагающиеся на базовом уровне, должны обладать большинством признаков, характерных для данной категории. Категория наземных ландшафтов включает ряд характеристик, таких как тип природного ландшафта, особенности рельефа, размера, наличие растительности, вертикальное/горизонтальное положение, расположение выше/ниже уровня земной поверхности, определенная форма, присутствие человека. Основными признаками категории водных ландшафтов являются тип природного ландшафта, положение относительно земной поверхности, особенности размера, объёма, формы, перцептивные характеристики воды, определенное расположение по отношению к наземному ландшафту, характер течения воды, присутствие человека. Единицы ландшафтной лексики базового уровня отражают большую часть этих характеристик. Так, в дефинициях всех единиц, репрезентирующих и наземные, и водные ландшафты есть указание на тип поверхности, лежащий в основе формы ландшафта; в дефиниции единицы *hill* присутствуют компоненты значения, указывающие на вертикальное положение, расположение выше уровня земной поверхности:

Hill – an area of land that is higher than the land around it... [Longman 2005: 769].

В дефиниции единицы *wood* есть указание на особенности размера и наличие растительности:

Wood – an area of land smaller than a forest, covered with growing trees [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995: 1373].

Единица *sea* из категории водных ландшафтов содержит в своей семантике указания на размер и расположение по отношению к земной поверхности, перцептивную характеристику воды:

Sea – a large area of salty water that is mostly enclosed by land [Longman 2005: 1475].

Sea – the salt water that <...> surrounds <...> continents and islands [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English: 1057].

Важно ещё раз подчеркнуть, что характеристики, представленные словами базового уровня, воспринимаются гештальтно, в целостности; единицы базового уровня вызывают в нашем сознании единый образ предмета, обладающего определенными характеристиками, что определяет их большой оценочный потенциал.

Слова базового уровня, являясь стилистически нейтральными, характеризуются также широкой сочетаемостью с другими лексическими единицами. Это выражается, во-первых, в том, что существительные базового уровня сочетаются с глаголами разных типов, например, с переходными и непереходными глаголами:

Mother loved it as she could watch the sea in all its moods [BNC].

We haven't come to the sea in three years [BNC].

Trixie saw the black cliff of the freighter bludgeoning its way towards them [BNC].

So they drive over a cliff and it finishes [BNC].

Единицы базового уровня также сочетаются как с акциональными, так и с неакциональными глаголами соответственно:

Jay stripped his clothes and ran into the sea [Longman 2005: 1475].

Even before it took Peter from me, I hated the sea [BNC].

She dashed across the road to the Welcome Café, owned by her friends, the Taylors [BNC].

The distant road lay almost due north of the clearing and the straightest line to the road lay well to the left of the paint trail [BNC].

О широкой сочетаемости единиц базового уровня свидетельствует и тот факт, что в синтаксической структуре предложения они могут выступать в различных позициях: субъекта, объекта, обстоятельства, например:

The black sea came nearer, and the white foam moaned like a leper [Wilde: 187].

And in the morning the Priest went forth to bless the sea, for it had been troubled [Wilde: 188].

The beach was less than a furlong from the centre [BNC].

She had been so terrifically busy lately that she had scarcely had time to go near the beach, except for odd moments snatched while she was shopping [BNC].

Кроме того, существительные базового уровня встречаются в сочетаниях с различными типами прилагательных, например:

In the south were cliffs of the same pale gold, and rocky bays lapped by vivid blue sea [BNC].

Mud bound tideposts staggered out into the creck, and out across the flats a marram-fastened line of sand-dunes concealed the distant sea [BNC].

The sea was wild, frightening, terrible [BNC].

В первом примере рассматриваемая единица *sea* употреблена в сочетании с прилагательным с семантикой цвета, во втором – с прилагательным с семантикой расстояния, в третьем – с прилагательными, передающими оценку, что ещё раз свидетельствует о широкой сочетаемости слова.

Иногда отмечают ещё один критерий базового уровня – этимологический. Единицы базового уровня имеют германское происхождение и являются исконно английскими (см. подробнее: [Белау 2009: 12]). Согласно данным этимологического словаря, рассматриваемые нами единицы удовлетворяют данному параметру:

Sea Old English *sæ* = <...> Old High German *sē(o)* [The Concise Oxford Dictionary of English Etymology 1996: 425];

Hill Old English *hyll* = Low German *hull* [The Concise Oxford Dictionary of English Etymology 1996: 216];

Wood Old English *wudu*, later form of *wi(o)du* = Old High German *witu* [The Concise Oxford Dictionary of English Etymology 1996: 544];

Town XIX Old English *tun* = <...> Old High German *zūn* [The Concise Oxford Dictionary of English Etymology 1996: 500];

Cliff Old English *clif* <...> from Proto-Germanic **kliban* [Online Etymology Dictionary];

Field Old English *feld* [Online Etymology Dictionary];

Beach from Old English bæce [Online Etymology Dictionary];

Road Old English rad [Online Etymology Dictionary];

Path Old English paþ, pæþ, from West Germanic *patha- [Online Etymology Dictionary].

Однако базовый уровень не однороден, в нём возможно разграничение других, переходных уровней. Переходные уровни представляют собой дополнительные переходные зоны, обеспечивающие континуальность категориального пространства. Перечисленные выше единицы *sea, hill, wood, town, cliff, field, beach, road, path* составляют категории базового уровня, так как удовлетворяют всем критериям, предложенным для базового уровня. Между тем, существуют также уровни, пограничные между базовым и субординатными уровнями. На пограничных уровнях располагаются единицы, которые соответствуют не всем, а лишь части критериев, предложенных для базового уровня. Часть слов, например, *river, lake, mountain, village, forest, garden, park, coast, pond, city, valley*, имеет не германское происхождение:

River – <...> (O)F. riviere <...> : - Rom. *riparia [The Concise Oxford Dictionary of English Etymology 1996: 406];

Lake – <...> (O)F. – L. lacus [The Concise Oxford Dictionary of English Etymology 1996: 257];

Mountain – XIII – OF. montaigne <...> Rom. *montania [The Concise Oxford Dictionary of English Etymology 1996: 303];

Village – from O.Fr. village, from L. villaticum [Online Etymology Dictionary];

Forest – from Old French forestier [Online Etymology Dictionary];

Garden – from Old North French gardin [Online Etymology Dictionary];

Park – from Old French parc [Online Etymology Dictionary];

Coast – from Old French coste [Online Etymology Dictionary];

Pond – from Old French coste [Online Etymology Dictionary];

City – from Old French cite [Online Etymology Dictionary];

Valley – from Anglo-Norman valey, Old French valee [Online Etymology Dictionary];

Ocean – from Old French ocean [Online Etymology Dictionary];

В то же время данные единицы используются в дефинициях других лексических единиц и, таким образом, также выполняют функцию когнитивной точки референции, например:

Stream – a small river <...> [Longman 2005: 1641].

Hill – an area of land that is <...> like a mountain but smaller [Longman 2005: 769].

Town – a large area <...> larger than a village [Longman 2005: 1758].

Jungle – a thick tropical forest with many large plants growing very close together [Longman 2005: 877].

Gulch – a narrow deep valley formed in the past by flowing water, but usually dry now [Longman 2005: 722].

Использование вышеупомянутых единиц в дефинициях других слов свидетельствует о гештальтности их восприятия, о том, что они являются базовыми для нашего сознания. Таким образом, данные единицы принадлежат уровню, который является переходным между базовым и субординатным.

Единица waterfall имеет германское происхождение (Old English wætergefeal [Online Etymology Dictionary]), однако является морфологически сложной, что позволяет нам отнести её к переходному уровню. Слово countryside является сложным и имеет также не исконно германское происхождение (countryside – country+side; country from Old French contree [Online Etymology Dictionary]), однако его использование в дефинициях других слов дает основание относить его к переходному уровню:

Village – a very small town in the countryside [Macmillan Dictionary and Thesaurus Online].

На субординатном уровне категоризация осуществляется на основе концептов и характеристик, передающих конкретную специфику объектов [Болдырев 2012: 44]. К субординатному уровню будут относиться единицы:

1. Определяемые в словаре через единицы базового и переходного уровней: bay, gulf, lagoon, lough, beck, brook, creek, feeder, geyser, cove, canyon, donga, mound, knoll, hummock, butte, bluff, bight, fjord, cascade, cataract, scarp, scar, jungle, reservoir, gorge, gulch, ravine, mouth, estuary, midstream, rapids, backwater, avenue, boulevard, lane, byroad, byway, outskirts, suburb, metropolis, conurbation, alley, tank, highway, crossroads.

2. Морфологически сложные слова, т.к. они производны от других слов: grassland, lowland, headland, scrubland, savannah, palisades, highlands, neighbourhood, thoroughfare, precipice, foreshore, riverside, billabong, tributary, archipelago, backwater, moorland, foothills, plantation, escarpment, backwoods, tableland, quagmire, peninsula, promontory, beltway, motorway.

3. Слова, обладающие стилистической окрашенностью: vale, dale, briny, mere, brink, glade, islet, morass, conurbation.

Единицы, называющие части более крупных ландшафтных форм, будут находиться ниже уровня, на котором располагаются слова, обозначающие более крупные ландшафты, т.к. первые, соответственно, определяются через вторые, например:

Mouth – the part of a river where it joins the sea [Longman 2005: 1074];

Estuary – the wide part of a river where it goes into the sea [Longman 2005: 532];

Midstream – the middle part of a river [Longman 2005: 1039];

Backwater – a part of a river away from the main part, where the water does not move [Longman 2005: 95];

Outskirts – the parts of a town or city that are furthest from the centre [Longman 2005: 1172];

Suburb – an area where people live which is away from the centre of a town or city [Longman 2005: 1658].

К субординатному уровню относятся единицы, называющие формы ландшафта, характерные для определенных, конкретных территорий: *fjord* (Норвегия), *chaparral* (юго-запад США), *fen* (Восточная Англия), *burn* (Шот-

ландия), *prairie* (Северная Америка), *steppe* (юго-восточная Европа или Азия), *glen* (Шотландия), *downs* (юго-восток Англии), *kraal* (юг Африки).

Категории суперординатного уровня обладают высокой степенью обобщения и абстрактности. Они строятся на основе концептов логического плана, обобщающих постоянные характеристики, которые свойственны целым классам объектов [Болдырев 2012: 44]. Суперординатный уровень, как правило, задаёт область категоризации объектов. На этом уровне обычно располагаются слова широкой и абстрактной семантики [Болдырев 2009: 60]. Мы предполагаем, что в нашем случае на суперординатном уровне будут располагаться единицы *area of land* и *area of water*, т.к. именно эти словосочетания называют две наиболее общие категориальные группы ландшафтов в современном английском языке. Данные словосочетания выполняют функцию наибольшего обобщения и называют тот основной признак, который будет характерен для большинства членов соответствующей категории безотносительно каких-либо других характеристик. Слова, находящиеся на нижеследующем, базовом уровне, определяются через “*area of land*” и “*area of water*”, т.е. через их соотнесение с категориями суперординатного уровня.

Таким образом, категоризация ландшафтов в современном английском языке осуществляется на трёх основных уровнях: базовом, суперординатном и субординатном. Были выделены элементы категорий базового уровня в соответствии с критериями гештальтности восприятия, морфологической простоты, стилистической нейтральности, максимальной концентрации знания об элементах категории на данном уровне, широкой сочетаемости и исконно германского происхождения, а также определены единицы субординатного и суперординатного уровней в соответствии со степенью обобщения рассмотренных категорий. Также выделен уровень, переходный между базовым и субординатным, к которому относятся единицы, удовлетворяющие лишь части критериев базового уровня (см. Таблицу 1).

Наибольшим оценочным потенциалом обладают единицы базового уровня и переходного уровня между базовым и субординатным. Единицы,

принадлежащие данным уровням, вызывают в нашем сознании образы объектов, воспринимаемые гештальтно, что делает содержание данных уровней наиболее «легким материалом» для интерпретирующей функции сознания, для обработки знания, передаваемого единицами данных уровней и его применения к различным тематическим областям. Тот факт, что единицы данных уровней обладают наибольшим оценочным потенциалом, связан с количеством характеристик, располагающихся на разных уровнях категоризации. На базовом уровне сосредоточено большинство характеристик категории. Количество характеристик определяет количество возможных оценочных смыслов.

На субординатном уровне происходит конкретизация знания об объектах на основе какой-либо характеристики, соответственно, на данном уровне располагается меньшее количество характеристик категории. В связи с этим единицы субординатного уровня обладают меньшим оценочным потенциалом. В оценочной функции употребляются обычно как морфологически простые (mound, gulf, knoll, jungle, alley, creek), так и морфологически сложные (cascade, midstream, savannah, precipice, archipelago, backwater, tableland, quagmire) единицы субординатного уровня, обладающие стилистической нейтральностью. Единицы суперординатного уровня репрезентируют абстрактное знание и, вследствие этого, не обладают оценочным потенциалом.

Таблица 1. Уровни категоризации ландшафтов в современном английском языке

<p>Суперординатный уровень</p> <p><i>area of land, area of water</i></p>
<p>Базовый уровень</p> <p><i>sea, hill, wood, town, cliff, field, beach, road, path, spring, street</i></p>
<p>Переходный уровень</p> <p><i>river, lake, ocean, mountain, village, countryside, forest, garden, park, coast, pond, city, valley, stream, waterfall, pool, meadow, marsh, bog, swamp</i></p>
<p>Субординатный уровень</p> <p><i>bay, gulf, lagoon, lough, beck, brook, creek, feeder, geyser, cove, canyon, donga, mound, knoll, hummock, butte, bluff, bight, fjord, cascade, cataract, scarp, scar, jungle, reservoir, gorge, gulch, ravine, spinney, mouth, estuary, midstream, rapids, backwater, avenue, boulevard, , highway, crossroads, lane, byroad, byway, outskirts, suburb, metropolois, conurbation, alley, tank, grassland, lowland, headland, scrubland, savannah, palisades, highlands, neighbourhood, thoroughfare, precipice, foreshore, riverside, billabong, tributary, archipelago, moorland, foothills, plantation, escarpment, backwoods, tableland, quagmire, peninsula, promontory, beltway, motorway, vale, dale, briny, mere, brink, glade, islet, morass, chaparral, kraal, fen, burn, prairie, steppe, glen, downs.</i></p>

3. Дополнительные характеристики оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке

Описание лингвистических единиц может происходить либо на системном, либо на функциональном уровне. Рассмотрение лексических единиц на системном уровне позволяет выделить характеристики объектов, которые фиксируются в системе языка. В процессе использования лексических единиц в речи мы часто оперируем не общим содержанием языковых единиц, а формируем новые смыслы, не представленные в системе языка. В результате формирования нового, дополнительного смысла на функциональном уровне слово может изменить свой статус в языковой категории. На формирование нового смысла влияет не только лексическое, но и грамматическое значение слова [Болдырев 2000].

В данном параграфе нас будет интересовать репрезентация характеристик ландшафтов в процессе функционального использования соответствующих словарных единиц. В значении слова обычно фиксируется ряд характеристик объекта, представленного данным словом в языке. Концепт включает потенциально неисчислимое до конца количество характеристик, часть которых представлена лексическим значением слова-репрезентанта. Функциональное использование слова предполагает выделение конкретного признака объекта, одного или нескольких одновременно. Н.Н. Болдырев отмечает, что «... функциональное осмысление слова <...> обеспечивается использованием необходимых слов в определенной грамматической форме и в определенном сочетании друг с другом в рамках конкретной грамматической структуры высказывания.» (см. подробнее: [Болдырев 2000: 98]). Анализ примеров функционального использования ландшафтной лексики (далее – ЛЛ) показал, что характеристики объектов, представленных в языке данными лексическими единицами, репрезентируются, в основном, за счет сочетания существительных с предлогами, прилагательными и глаголами. Рассмотрим далее каждый из случаев более подробно.

Репрезентация характеристик ландшафтов в сочетании «предлог + ЛЛ»

Предлоги передают различные отношения между членами предложения или словосочетания. В.В. Виноградов, опираясь на семантический критерий, выделяет такие виды отношений, передаваемых предлогами, как локальные или пространственные, темпоральные, комитативные, аблятивные и другие [Виноградов 1947: 685-691]. В результате анализа примеров использования единиц ландшафтной лексики было установлено, что за счет использования предлогов происходит репрезентация, в основном, пространственных характеристик объектов, а также некоторых других признаков. Н.Ю. Конева в своей диссертации, посвященной английским предлогам, исследует различные подходы к классификации предлогов и выделяет подгруппы пространственных предлогов (см. подробнее: [Конева 2004: 31]). Далее мы используем термины, предложенные автором в этой работе:

1) предлоги, обозначающие расположение объектов в вертикальной плоскости (*down, up, over, on, upon, under, below*), обычно репрезентируют такую характеристику объектов, как вертикальное расположение объектов в пространстве, расположение на более высоком уровне относительно земной поверхности, например:

1. *Tess went down the hill to Trantridge Cross, and inattentively waited to take her seat in the van returning from Chaseborough to Shaston [Hardy: 51].*

2. *His feet seemed hardly to touch the ground as the wind drove him up the slope [BNC].*

3. *Rosa, who is poorest of all, lives in the gypsy camp over the slope at the far end of the valley [BNC].*

4. *She heard the sea under the cliff, low and ceaseless [BNC].*

Вышеназванная характеристика объектов, обозначенных единицами ландшафтной лексики, в первом случае репрезентируется за счет антонимического противопоставления: характеристика возвышения передается предлогом *down*, основное значение которого “to or towards a lower place or position” [Longman 2005: 469], т.е. значение направления «вниз», о котором

можно говорить только в тех случаях, когда описываемый предмет характеризуется определенной высотой. Во втором примере характеристика высоты объекта *slope* подчёркивается также ближайшим лингвистическим контекстом: использование глагола *drive* в значении “to force a person or animal to go somewhere” [Longman 2005: 480] вместе с личным местоимением в объектном падеже акцентирует внимание на трудности преодоления пути в связи с тем, что *slope* располагается не горизонтально, выше уровня земной поверхности. В примере (3) предлог *over* (“above or higher than something” [Longman 2005: 1173]) также указывает на более высокое положение объекта относительно земли. В последнем примере характеристика вертикального расположения объекта *cliff* репрезентируется за счет предлога *under* “below or at a lower level than something” [Longman 2005: 1800], передающего в данном контексте значение расположения на более высоком уровне относительно уровня моря.

2) предлоги, обозначающие местонахождение или движение, связанное с наличием или преодолением преграды (*through, across, over*), обычно указывают на характер местности описываемого вида ландшафта либо на вовлеченность пространства объекта в ситуацию.

5. *She passed through the grove like a shadow, and like a shadow she sailed across the garden [Wilde: 32].*

6. *She was wishing she could find the courage to go through the wood by the path [BNC].*

7. *Just follow this path through the forest until you reach a little cottage in the woods [CoCA].*

8. *Their house has wonderful views across the valley [Macmillan 2007: 1653]*

9. *Harbour lights were visible across the bay [Macmillan 2007: 111].*

10. *An avalanche of bricks and glass spilled over the road before them [CoCA].*

Предлог *through* (примеры (5), (6), (7)) содержит в своей семантике компоненты значения “from one side of an area to the other or between a group of things” [Longman 2005: 1731] и указывает на преодоление пространства при наличии препятствий на пути движения, в данных контекстах – на наличие растительности, деревьев, расположенных достаточно близко друг к другу. Предлог *across* (примеры (8), (9)) определяется как “from one side of something to the other” [Longman 2005: 14], т.е. обозначает вовлечённость всей площади ландшафта в ситуацию. Предлог *over* (пример (10)) определяется словарем как “from one side of something to the other side of it” [Longman 2005: 1173] и также указывает на вовлечённость всей площади объекта в описываемую ситуацию.

3) предлоги, выражающие транзитные отношения, связанные с обозначением направления движения и перехода в новое состояние (*into*, *to*), в случае с водными формами ландшафта раскрывают значение глубины, в случае наземных форм ландшафта – указывают на довольно обширную площадь объектов:

11. I ran across the beach and into the sea [Macmillan: 1336].

12. Scientists have discovered that the tons of dust which fall into the ocean provide vital minerals (particularly iron) to plankton and krill, shrimp-like animals at the beginning of the food chain [BNC].

13. He threw it deep into the wood and the dog chased after it [BNC].

14. For the keen walker, there are miles of well-marked paths into the mountains and you can still visit the working salt mines with their underground lakes [BNC].

В примерах (11), (12) за счёт предлога *into* передаётся не только значение направления, но и характеристика глубины или, если интерпретировать в строгом соответствии с дефиницией, наличия внутренней части под поверхностью объекта: “into – to the inside or inner part of a container, place, area etc.” [Longman 2005: 853]. В двух последующих примерах при помощи предлога передаётся характеристика довольно большой площади внутри ландшафтных

объектов. Данный тип предлогов в сочетании с ландшафтной лексикой репрезентирует характеристику довольно большого пространства, водного или земного.

Те же характеристики объектов (наличие довольно большой площади) обычно репрезентируют предлоги, связанные с выражением интернальных отношений (*in, inside, within*) в сочетании с единицами ЛЛ, например:

15. *He also planned an archaeological park to embrace most of the classical monuments inside the city [BNC].*

16. *Location of plants, features, events within the Garden [BNC].*

17. *There is no other game in town [CoCA].*

4) некоторые пространственные предлоги указывают на особенности формы объекта:

18. *We went along the river [Longman 2005: 1422].*

19. *Then he hurried back through the wood, down the field and along the road past the stream [BNC].*

В данных примерах раскрываются характеристики протяженности объектов в пространстве, вытянутой, продолговатой формы за счет предлога *along*: *along* – “from one place on something such as a line, road, or edge towards the other end of it” [Longman 2005: 40].

Репрезентация характеристик ландшафтов в сочетании «прилагательное + ЛЛ»

Прилагательные также выступают репрезентантами той или иной характеристики объекта, представленного в языке единицей ландшафтной лексики. Выделенные ранее (п.1) характеристики ландшафтов подтверждаются возможностью сочетания единиц ЛЛ с прилагательными соответствующей семантики. Так, характеристики различных размеров ландшафтов подтверждаются сочетаниями единиц ЛЛ с прилагательными с семантикой размера и объёма, например:

1. *A wide, wide ocean with a small island [BNC].*

2. *The vast plains in the central states of the US [Macmillan: 1133].*

3. *The enemy Dragoons had seen Sharpe and ridden to the water's edge, but none tried to cross the deep river [BNC].*

4. *So the boy climbed up the hill till he came to an enormous lake [BNC].*

5. *The air was amazingly clear, as it often is after a wet day, and as they climbed the hill which would take them back to Pinehurst they could see, far ahead, the lights of several villages and one big town [BNC].*

6. *Fording the Kale Water, they turned up its far bank into the quickly narrow shallow valley [BNC].*

Прилагательные wide, small, vast, deep, enormous, big, narrow, shallow содержат в своей семантике непосредственные указания на характеристики размера и объёма и передают соответствующие особенности размеров ландшафтов.

Также с единицами ЛЛ сочетаются прилагательные, косвенно указывающие на особенности размера или объёма объектов, которые уточняют соответствующие характеристики, например:

7. *Every summer thousands of tourists travel to this rugged stretch of California coast whose soaring mountain cliffs and sweeping ocean views have inspired writers from Henry Miller to Jack Kerouac [CoCA].*

8. *Only in the heart of quickest perils; only when within the eddyings of his angry flukes; only on the profound unbounded sea, can the fully invested whale be truly and livingly found out [CoCA].*

9. *She kneels beside the bottomless ocean [CoCA].*

10. *The grass was greener*

The light was brighter

The taste was sweeter

The nights of wonder

With friends surrounded

The dawn mist glowing

The water flowing

The endless river [Pink Floyd, "High Hopes"].

Так, в примере (7) прилагательное sweeping (“including a lot of information about something” [Longman 2005: 1679]) указывает на вовлеченность в поле зрения наблюдателя большого объема объекта и, следовательно, косвенно передает соответствующие характеристики самого объекта. В примерах (8), (9), (10) прилагательные unbounded (“extreme or without any limit” [Longman 2005: 1798]), bottomless (“a bottomless hole, sea etc is one that is extremely deep” [Longman 2005: 167]), endless (“very large in amount, size, or number” [Longman 2005: 516]) передают такие особенности ландшафтов, как большой объем, глубина, размер, воспринимаемая человеком безграничность.

Прилагательные с семантикой формы в сочетании с ЛЛ подчёркивают особенности форм ландшафтов, например:

11. *This popular seaside resort, beautifully set on a crescent-shaped sandy bay has been welcoming visitors since the early days of seaside holidays [BNC].*

12. *Outside his window the moon had risen over the fells and it was reflected exactly in the round lake [BNC].*

13. *He eventually found himself trapped in a long valley [BNC].*

В примере (11) несколько атрибутов раскрывают характеристики объекта, представленного в языке единицей bay: crescent-shaped указывает на форму объекта, в то время как прилагательное sandy описывает особенности поверхности прибрежного ландшафта. В примере (12) прилагательное round также обозначает форму объекта, в примере (13) прилагательное long репрезентирует характеристики продолговатой формы объекта, а также признак достаточно большого размера.

Прилагательные со значением высоты в сочетании с единицами ЛЛ репрезентируют характеристики вертикального расположения, положения выше уровня земной поверхности:

14. *Climbed a very high hill today called An Teallach and am just starting to recover now [BNC].*

15. *At Beckenried is an aerial railway to the Klewenalp, a winter sports and summer resort on the high plateau [BNC].*

16. *Gunter took our picture as we stood against a magnificent backdrop of a deep lake and a soaring mountain [CoCA].*

Прилагательные, косвенно указывающие на высоту объектов, также сочетаются с ЛЛ и объективируют наличие у объектов соответствующих характеристик:

17. *When we finally found it at the top of a huge hill, we were completely out of breath and drenched in sweat <...> [CoCA].*

18. *The immense mountains bite into a sky that's as gray as the river [CoCA].*

В данных примерах указание на высоту объектов осуществляется за счет прилагательных, а в примерах (17-18) – не только за счет использования прилагательных huge (“extremely large in size, amount, or degree” [Longman 2005: 795]), immense (“extremely large” [Longman 2005: 811]), обозначающих признаки большого размера, но и за счет контекста: в примере (17) присутствует указание на верхнюю часть объекта, до которой долго и трудно добираться (*the top of a huge hill*), в примере (18) есть указание на особенности визуального восприятия наблюдателя, которому кажется, что горы соприкасаются с небом.

С единицами ЛЛ сочетаются прилагательные с семантикой движения. В случае с водными формами ландшафта они раскрывают характер течения воды в водоёме, например:

19. *It's a big, deep, fast flowing river [BNC].*

20. *“Slow River” [Nicola Griffith].*

21. *They hurried past the ruined ship and down the dark sweet throat from which the candyshop scents issued, the stagnant river lapping at their side [CoCA].*

В примере (19) прилагательные big и deep обозначают размер и объём объекта, в то время как прилагательное flowing, уточняемое наречием fast,

указывает на особенности течения воды в реке. В примере (20) прилагательное указывает на медленное течение реки. В примере (21) прилагательное stagnant (“stagnant water or air does not move or flow and often smells bad” [Longman 2005: 1610]) указывает на видимое отсутствие движения воды в реке.

Прилагательные, обозначающие состояние водных ландшафтов на определенный момент времени, также указывают на характер движения воды:

22. *Forster stared through the near side window at the raging sea [BNC].*

23. *In Ouessant, the artist creates a brooding view of an island set in a stormy sea viewed from a dark shore beneath a lowering sky [CoCA].*

24. *Heavy wind and a rough sea caused our vessels to labor very heavily, and some were obliged to cut loose from the vessels they were towing [CoCA].*

В данных примерах прилагательные raging, stormy, rough передают состояние моря и беспокойный характер движения воды.

Прилагательные, обозначающие особенности поверхности ландшафтов, могут указывать на тип растительности, присущий ландшафту, на особенности рельефа, внешние характеристики ландшафтных объектов:

25. *She looked back up the grassy slope [Longman 2005: 1557].*

26. *The sun shone over a wide grassy valley [BNC].*

27. *A valley surrounded by wooded hills [Macmillan 2007: 714].*

28. *At the end of the garden there is a steep slope [Macmillan 2007: 1407].*

29. *Wycliffe was always reminded of the hymn which sang of ‘saints casting down their golden crowns around the glassy sea’ [BNC].*

30. *Without half a bottle of red wine inside me I might have slipped on the slimy breakwater, but I jump onto the stony beach and chase her along the shore [BNC].*

31. *Instead of landing on a sandy beach stretching some way inland, the men were trapped on a rocky shore north and south of the craggy headland of Ari Burnu [BNC].*

В примерах (25-27) благодаря прилагательным репрезентируется такое качество, как наличие определенного типа растительности на поверхности объектов, в примере (28) прилагательное “steep” обнаруживает характер рельефа. В примере (29) за счёт прилагательного “glassy” (“smooth and shining, like glass” [Longman 2005: 685]) описывается внешний вид поверхности воды, спокойный, отражающий свет, что одновременно сообщает о состоянии ландшафта на данный момент. В примере (30) прилагательное раскрывает тип покрытия пляжа, в (31) прилагательные обозначают особенности рельефа, неровную поверхность земных ландшафтов.

Помимо того, что на функциональном уровне за счет сочетаемости единиц ЛЛ с другими единицами уточняются основные характеристики концептов ландшафтов, отраженные в словарных значениях единиц ЛЛ, функциональное использование единиц ЛЛ также позволяет выявить дополнительные характеристики концептов ландшафтов, которые также определяют возможность использования данной лексики в интерпретирующей функции и периферийно входят в её оценочный потенциал, о чем речь пойдёт далее в настоящем исследовании.

Так, прилагательные с семантикой цвета в сочетании с ЛЛ обычно передают цвет какой-либо части ландшафтного объекта, например, воды, растительности, поверхности за счет метонимического переноса:

32. *Rain sped along the wide empty road between the blue sea and the high mountains where ochre patches were precarious villages [BNC].*

33. *Suddenly she was among mountains carpeted with dark green forest, pines, larches [BNC].*

34. *Before us stretched an enormous view of mountain, promontory and shimmering sea [BNC].*

35. *We ambled with a young German couple to the peak of Værøy, some 650 metres directly above an inaccessible golden beach [BNC].*

В примере (32) прилагательное цвета передает цвет морской воды, в (33) примере – цвет растительности, заполняющей ландшафт. В примере (34)

прилагательное описывает особенности вида воды в море в определенный момент времени, красивое мерцание волн за счет солнечного цвета, способность воды отражать свет. В примере (35) прилагательное указывает на цвет поверхности объекта.

Прилагательные со значением ощущений, воспринимаемых органами чувств, описывают перцептивные характеристики, свойственные ландшафтам:

36. Salty sea [BNC].

37. *The noble lion may be the anointed king of the jungle, but beneath the briny sea, it's the lobster that's the undisputed king of the crustaceans* [CoCA].

38. *We swam in the chilly river of the Titou Gorge where it winds through caverns underground* [BNC].

В примерах (36), (37) прилагательные раскрывают вкусовые характеристики воды в море, в (38) прилагательное передает температурную характеристику воды в реке.

Прилагательные также передают состояние ландшафтного объекта в данный момент времени:

39. *There was a muddy pond at the bottom of Lavender's garden and this was the home of a colony of newts* [BNC].

40. *It was a calm sea, endless* [BNC].

41. *Some distance to the south, three vessels lost their struggle, and the last flickering flames were swallowed by the violent sea*. [<http://www.lingvo-online.ru/ru/Examples/en-ru/violent>].

В первом примере прилагательное передаёт состояние загрязненности объекта, в двух последующих за счет прилагательных объективируются противоположные состояния покоя и активного движения воды в море.

Прилагательные могут свидетельствовать о происхождении ландшафта, например:

42. *The hill that faced her was bearded like a prophet with a wild white waterfall* [BNC].

43. *Fortunate indeed is the gardener blessed with a natural pond [BNC].*

44. *Farmers will be permitted to dump dirty water into the big artificial pond for a fee, and the pollution is supposed to magically disappear [CoCA].*

Прилагательные *wild, natural* в примерах (42), (43) употребления единиц ландшафтной лексики раскрывают естественное, природное происхождение водоёмов и, напротив, прилагательное *artificial* в (44) свидетельствует о непосредственной причастности человека к происхождению водоёма.

Прилагательные с семантикой наличия/отсутствия активной деятельности сообщают о присутствии/отсутствии людей на названных объектах в конкретный момент времени, а также о присутствии/отсутствии какого-либо вида деятельности на данный момент. Метонимически такие прилагательные также описывают состояние ландшафтов в конкретный момент, например:

45. *Sarah drew closer, one of a crowd in the busy street [BNC].*

46. *Once we were alone again he walked over to the window and gestured to the crowded street outside [CoCA].*

47. *But today the square was unusually quiet [BNC].*

В примерах (45), (46) прилагательные *busy, crowded* передают характеристику присутствия людей и активной деятельности на улице. В примере (47) за счет прилагательного *quiet* объективируется противоположное, спокойное состояние городского ландшафта на определенный момент времени.

Прилагательные оценочной семантики, сочетаясь с единицами ЛЛ, передают субъективную оценку ландшафтов человеком:

48. *Here she was, in a strange country, in a beautiful medieval city, with a man who stood head and shoulders above the others in the lounge, so why not enjoy it?[BNC].*

49. *We allowed a day or two for sightseeing along the south coast, visiting the historic parliament site of Tingvellir, the magnificent waterfall of Gullfoss and the spouting hot springs of Geysir[BNC].*

50. *And now Kyoto will escape this disgusting city with him for good [CoCA].*

В примерах (48), (49) за счет семантики прилагательных “beautiful” (“someone or something that is beautiful is extremely attractive to look at” [Longman 2005: 116]), “magnificent” (“very good or beautiful, and very impressive” [Longman 2005: 990]) передаётся положительная оценка ландшафтов говорящим. В примере (50) прилагательное disgusting (“extremely unpleasant and making you feel sick” [Longman 2005: 47]) выражает отрицательную оценку говорящего, его отвращение по отношению к описываемому объекту.

Репрезентация характеристик ландшафтов в сочетании «глагол + ЛЛ»

Глаголы в сочетании с существительными также способны раскрывать характеристики описываемых объектов. Особенности комбинаторики единиц ландшафтной лексики с глаголами позволяют выделить различные характеристики самих ландшафтов. Рассмотрим случаи сочетания единиц ЛЛ с глаголами различной семантики подробнее.

Глаголы со значением негоризонтального движения подчеркивают характеристику высоты, вертикального расположения ландшафта в пространстве:

1. *It was three weeks after the marriage that Clare found himself descending the hill which led to the well-known parsonage of his father [Hardy: 275].*

2. *The old man claimed that he would go down the mountain in the morning and find some salve for burns [CoCA].*

3. *«They were walking and climbing in the mountains » [Macmillan 2007: 977].*

В примерах (1), (2), (3) раскрывается значение возвышения объектов над уровнем земной поверхности за счёт глаголов descend, который определяется как “to move from a higher level to a lower one” [Longman 2005: 422], go down (“get lower” [Longman 2005: 691]) и climb – “to move up <...> using your feet and hands, especially when this is difficult to” [Longman 2005: 276]. В предложении (3) глагол раскрывает, помимо характеристики вертикального расположения объекта, особенности рельефа. Характерный для данного объекта горный рельеф также затрудняет восходящее движение.

Глаголы, содержащие в своей семантике указание на размер охватываемого пространства, характеризуют размер ландшафта, репрезентированного единицей ЛЛ:

4. *The sea stretched for miles from the prospect of Hobart, populated at closer quarters by the comforting bustle of shipping [BNC].*

5. *The headland looming ahead of us out of the growing daylight would be the one immediately to the west of the cottage [BNC].*

6. *The street spread into an avenue of stone mansions with steps that were guarded by iron gates and marble lions [CoCA].*

Глаголы stretch, loom, spread содержат в своих значениях указания на вовлечение в ситуацию большого пространства (stretch – “to spread out or cover a large area of land” [Longman 2005: 1643], loom – “to appear as a large unclear shape, especially in a threatening way” [Longman 2005: 958], spread – “if something spreads or is spread, it becomes larger or moves so that it affects more people or a larger area” [Longman 2005: 1602]). Использование данных глаголов указывает на большие размеры объектов, обозначенных единицами sea, headland, street, что в контексте предложения (4) также подчёркивается словосочетанием “for miles”.

Глаголы со значением перемещения определенным образом или в определенном направлении могут уточнять особенности расположения или строения ландшафтов, например:

7. *It goes on at some length to persuade people not to climb up this waterfall and muck about in it [BNC].*

8. *Not a boat's riding light; this was the small, dodging light of an electric torch coming round the path that skirted the headland [BNC].*

В первом предложении глагол climb акцентирует внимание на расположении водопада на возвышенности с горным рельефом. Во втором случае глагол skirt (“to go around the outside edge of a place or area” [Longman 2005: 1549]) указывает на такую характеристику объекта headland, как обрывистость, конечность пространства.

Глаголы со значением физических процессов, происходящих в человеческом организме, также могут передавать особенности расположения или строения ландшафтов:

9. *Other walkers were struggling up the dusty track, sweating and wheezing their way to the high plateau [BNC].*

В данном примере глаголы sweat (в значении “to have drops of salty liquid coming out through your skin because you are hot, ill, frightened, or doing exercise” [Longman 2005: 1678]), wheeze (“to breathe with difficulty, making a noise in your throat and chest” [Longman 2005: 1879]) указывают на трудность преодоления пути, вследствие чего возникают подобные физические процессы, в связи с высотным расположением плато, что одновременно подчёркивается прилагательным high.

Глаголы со значением падения, резкого и мощного движения в сочетании с единицами, репрезентирующими водные формы ландшафта, передают особенности движения воды в водных ландшафтах:

10. *Near Seix the road goes into a tunnel and a waterfall cascades dramatically over the top and into the sea [BNC].*

11. *Seljalandsfoss is a ponytail of a waterfall throwing itself clear of the rim of its cliff to look like a 1950s American college girl shaking her head [BNC].*

12. *Below the well, a waterfall tumbled across an artificial rockery [BNC].*

13. *Homes in east Kent were flooded and abandoned cars tossed in the air as the sea crashed over the coastal road at Sandgate [BNC].*

Во всех примерах, приведенных выше, глаголы подчёркивают активный, бурный характер движения воды в водных ландшафтах. В предложении (10) глагол cascade (“to flow, fall, or hang down in large quantities” [Longman 2005: 227]) передает силу течения воды, что также подчёркивается наречием dramatically. В предложениях (11), (12) глаголы throw (“to push someone or something roughly and violently” [Longman 2005: 1731]), tumble (“to fall down quickly and suddenly, especially with a rolling movement” [Longman 2005: 1784]) также акцентируют внимание на силе и резкости движения воды в во-

допадах. В предложении (13) глагол *crash* (“to hit something or someone extremely hard while moving <...>” [Longman 2005: 366]), описывает силу движения воды в море, что в то же время указывает на состояние водного ландшафта в конкретный момент времени.

Глаголы, в семантике которых содержится указание на форму, указывают на форму объекта:

14. The main street, which circles round a clocktower, is busy [BNC].

Глагол *circle* (“to move in the shape of a circle around something” [Longman 2005: 264]) обозначает округлую форму объекта, которая в то же время подчеркивается предлогом *round*.

Глаголы с семантикой звучания передают звуковые характеристики, присущие ландшафтам и их частям в определенном состоянии:

15. The sky whipped like a rag on a clothes-line, and the sea roared white up the shore [BNC].

16. A stream bubbled along the side of the track, watering shaded plots of carrots and onions [BNC].

В первом случае глагол *roar* (“to make a deep, very loud noise” [Longman 2005: 1424]) передаёт звуковую характеристику моря в данный момент времени, что также может свидетельствовать о сильном движении волн. Кроме того, способность издавать глубокий, громкий звук свидетельствует о значительном размере объекта. В предложении (16) глагол *bubble* (“to make the sound that water makes when it boils” [Longman 2005: 189]) указывает на сравнительно более «лёгкое» звучание водного ландшафта и также свидетельствует о достаточно быстром характере движения воды в нём, а также о малом размере объекта.

Таким образом, на функциональном уровне в различных контекстах и различных сочетаниях могут проявляться характеристики ландшафтов, зафиксированные в системе языка и представленные в значениях слов-репрезентантов, такие, как: особенности размера, высота, вертикальное расположение, характер течения воды, происхождение, некоторые перцептив-

ные характеристики, особенности рельефа. Однако на функциональном уровне характеристики, закрепленные в языке, могут интерпретироваться и быть представлены отличными от системных значений. Также на функциональном уровне репрезентируются дополнительные, функциональные характеристики объектов: цвет, определенный характер поверхности объекта, состояние на конкретный момент времени, характер течения воды на данный момент времени, различные другие перцептивные характеристики, присутствие/отсутствие людей, густая однотипная растительность, субъективная оценка ландшафта человеком, звуковые характеристики. Функциональные характеристики концептов ландшафтов также периферийно входят в оценочный потенциал английской ландшафтной лексики, в дополнение к основным концептуальным характеристикам ландшафтов, составляющим основу оценочного этого оценочного потенциала.

4. Оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке

Язык репрезентирует окружающий мир с различных сторон. С одной стороны, в языке представлена объективная действительность, предметы, явления окружающего мира, а также человек с его мыслями, чувствами, отношениями и поступками, и эту сторону языковых значений рассматривают как дескриптивную. С другой стороны, в языке отражается взаимодействие действительности и человека в самых разных аспектах, одним из которых является оценочный. Объективный мир, пропущенный сквозь ценностную систему человека, весьма сложным образом отражен в языковых структурах [Вольф 2002: 5].

Как уже было упомянуто ранее, в рамках когнитивной лингвистики особое внимание отводится исследованию процессов оценочной концептуализации и категоризации и появляющихся в результате этих процессов оценочных концептов и категорий. Оценочная концептуализация является ре-

результатом наложения двух концептуальных систем, отражающих две стороны восприятия мира человеком – буквальную и ценностную. В самом общем виде под оценочной концептуализацией понимают оценочное осмысление объектов окружающего мира и образование в результате этого оценочных концептов в нашем сознании, а под оценочной категоризацией – группировку объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие оценочные классы и категории [Болдырев 2002: 104].

В данном исследовании нас интересует оценочный потенциал ландшафтной лексики современного английского языка. Следует оговориться, что эта проблема интересует нас в двух аспектах: единицы ландшафтной лексики, которые содержат оценочные значения в системе языка, и оценочные смыслы, которые формируются при участии единиц ландшафтной лексики и выражают оценку объектов и явлений различных концептуальных областей (см. также: [Болдырев, Чистякова 2012; Чистякова 2012б]).

Анализ словарных дефиниций показал, что оценку в своём системном значении содержат относительно небольшое число лексем, например: *wasteland*, *bog*, *donga*, *backwoods*, *slough*, *shoal*, *morass*, *pothole*, *desert*. *Wasteland* определяется словарем как «an unattractive area, often with old ruined buildings, factories, etc. on it» [Longman 2005: 1859], *bog* определяется как «wet soft ground formed of decaying plants» [Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English 1995: 121]. Как следует из приведенных дефиниций, оба объекта *wasteland* и *bog* оцениваются отрицательно. Негативные характеристики объекта *wasteland* подчеркиваются в дефиниции неоднократно, во втором случае, в дефиниции единицы *bog* элемент «decaying» также несет негативный оттенок. В дефинициях *donga* и *backwoods* также обнаруживаются компоненты значения, передающие отрицательную оценку: *donga* – a long narrow valley with steep sides, formed because the land has been damaged and the soil has gradually disappeared [Macmillan Dictionary and Thesaurus Online], *backwoods* – a distant and undeveloped area away from any towns [Longman 2005: 95]. В семантике единиц *slough*, *shoal*, *morass*, *pothole*, *desert* также содержатся ком-

поненты значения с негативным оттенком: *slough* - an area of land covered in deep dirty water or mud [Longman 2005: 1557], *shoal* - a small hill of sand just below the surface of water that makes it dangerous for boats [Longman 2005: 1516], *morass* - a dangerous area of soft wet ground [Longman 2005: 1067], *pothole* - a large hole in the surface of a road, caused by traffic and bad weather, which makes driving difficult or dangerous [Longman 2005: 1279], *desert* - a large area of land where it is always very hot and dry, and there is a lot of sand [Longman 2005: 423].

Негативная оценка названных объектов часто проявляется и на функциональном уровне, например: «It is a barren and featureless wasteland without even a tree to relieve the dreariness of the landscape» [BNC].

Тот факт, что при оценочной концептуализации происходит наложение двух концептуальных систем, буквальной и ценностной, а оценочные концепты являются релятивными, зависимыми от соответствующих естественных концептов, наводит на мысль о том, что часто в основе оценочных смыслов, передаваемых единицами ландшафтной лексики, лежат характеристики соответствующих естественных концептов природных ландшафтов.

Анализ словарных дефиниций позволяет выделить основные характеристики концептов, репрезентируемых в языке единицами ландшафтной лексики. Напомним, что для концептов водных форм ландшафта это: *определенный размер, объём, протяженность в пространстве, форма, происхождение, определенное расположение по отношению к земному ландшафту, характер течения, перцептивные характеристики*; для концептов наземных форм ландшафта основными характеристиками являются: *определенный размер, ровная поверхность/горный рельеф, наличие определенной растительности, вертикальное/горизонтальное положение, расположение выше/ниже уровня земной поверхности, определенная форма, характеристики почвы, присутствие человека и следов его деятельности*. Оценочные смыслы, передаваемые ландшафтной лексикой, формируются на основе выделенных нами

характеристик при перенесении их и соотнесении с другой концептуальной областью.

Способность ландшафтной лексики входить периферийно в оценочные категории в своих вторичных значениях также раскрывает её оценочный потенциал. Оценочная категория представляет собой класс лингвистических объектов, выполняющих определенную оценочную функцию [Болдырев 2012]. Единицы ландшафтной лексики, входящие в какую-либо оценочную категорию, выполняют определенную оценочную функцию наряду с другими единицами, входящими в состав данной категории. Для систематизации оценочных функций, которые может выполнять английская ландшафтная лексика, рассмотрим подробнее, в какие оценочные категории она периферийно входит в своих вторичных значениях, передавая соответствующие оценочные смыслы:

BIG AMOUNT

1. *Huge rolling skies that freeze time blow gently across an ocean of grass [BNC].*

2. *On the gray moisture of the grass were marks where the cows had lain through the night – dark-green islands of dry herbage the size of their carcasses, in the general sea of dew [Hardy :144].*

3. *Family reconstitution and literary archaeology have revealed a mountain of more or less valuable information [BNC].*

4. *I've got mountains of paperwork to deal with [Longman 2005: 1073].*

5. *You've got oceans of space [Macmillan 2007: 1031].*

6. *She looked out over a sea of smiling faces [Macmillan 2007: 1335].*

7. *A city that is very optimistic about the future [Macmillan 2007: 238].*

В основе формирования оценочных смыслов в приведенных примерах лежит концептуальная характеристика размера, объёма ландшафтных объектов. В результате процесса концептуальной деривации характеристика большого размера данных ландшафтных объектов переносится на другие области

и формируется новый смысл множества, большого количества чего-либо (травы, росы, информации и т.д., примеры 1-7).

SMALL AMOUNT

8. *Shadwell put his elbow out half-way across the table in a puddle of tea, resting his cheek on the palm of his hand, and stared at me [BNC].*

9. *Even so, she shifted uncomfortably as a tiny rivulet of sweat ran between her shoulderblades [BNC].*

В данных примерах в основе формирования оценочных смыслов лежит характеристика малого объема соответствующих ландшафтных объектов, которая соотносится с объектами других концептуальных областей, образуя смысл небольшого количества жидкости.

FAST MOVEMENT OF OBJECTS

Такая характеристика, как определенный характер движения воды в водоёме, также может быть основой формирования оценочных смыслов:

10. *But over the last twelve months the trickle of disclosures, has grown into a river of revelations [BNC].*

11. *A waterfall of yellowing snaps fell out onto the floor and Mollie picked one up [BNC].*

12. *Studio Choo's planter box in your "Wild Inside" story on foraging for home decorations (December, page 79) brought back a cascade of memories [Co-CA].*

В данных примерах такие характеристики, как объём и активное движение воды в реке или водопаде, лежат в основе образования новых смыслов. Признаки объёма и активности движения в процессе концептуальной деривации переносятся на другие области: в примере (10) раскрывается активность процесса получения и большое количество новой информации, в примере (11) – активность процесса падения предметов, в примере (12) описываются нахлынувшие воспоминания в большом количестве, а также стремительность происходящего в сознании человека процесса. В примерах (10), (11) признаки активности, увеличения скорости происходящих процессов

подчеркиваются языковым контекстом: в первом случае за счет противопоставления и семантики глагола “to grow”, во втором примере – за счет семантики глагола “to fall”.

LONG FORM

В основе оценочного смысла может также лежать характеристика протяженности в пространстве:

13. *Seeing only the whirlpools and counter-currents but not the progress of the long river of history only reveals the observer’s political short-sightedness [BNC].*

14. *Below, a serpent of flame wreathed the ground: a burning river of light which wound from behind a dark knoll and spilled, slow as honey, towards the blind gates of Famagusta [BNC].*

15. *I looked out at the small creek of rainwater in the gutter, moving along faster than we were, and clarity seized me [CoCA].*

В примере (13) новый смысл формируется за счет метафорического переосмысления характеристики протяженности объекта в пространстве, которая переносится на концептуальную область времени и в результате обозначает временную, историческую протяженность. В примере (14) характеристика протяженности, присущая водному ландшафту, переносится на другую предметную область и образуется смысл протяженности огня, который также подчеркивается языковым контекстом: “ <...> which wound from behind a dark knoll and spilled, <...>, towards <...>”. В примере (15) характеристика протяженности в пространстве, присущая объекту creek, соотносится с количеством дождевой воды, выпавшей в результате непогоды и занявшей относительно протяженный участок пространства, что на языковом уровне подчеркивается за счет предлога *along* (*along* – from one place on something such as a line, road, or edge towards the other end of it [Longman 2005: 40]).

ROUND FORM

16. *She poured the lake of bleach on the bathroom floor [CoCA].*

В данном примере характеристики относительно округлой формы и объёма, присущие водному ландшафту, лежат в основе формирования оценочного смысла. Концепты “lake” и “bleach” способны в процессе концептуальной деривации образовывать новый смысл, так как они взаимодействуют друг с другом на основе аналогичных характеристик наличия жидкости и относительно округлой формы.

HILL-LIKE FORM

17. *The man burst into the kitchen carrying a great mound of kindling which he dumped in a pile by the door [BNC].*

18. *On a cloth before him was a mound of soft tomatoes, and another of spoiling melons [BNC].*

19. *In east Brighton, 10 acres of vacant land southwest of Bridge Street - one of the city's main roads - and 50th Avenue also are classed as agricultural, although the land is overgrown with weeds and saplings, and a hill of dirt has been dumped at one end[CoCA].*

20. *Their front drive was a white river of rock hewn between mounds of wild prairie grass and the entrance to my favorite place in the world [CoCA].*

В примерах (17), (18), (19) холмообразная форма природного объекта переносится на другую, бытовую область, и образуется новый смысл: хворост/томаты, сложенные поверх друг друга и образующие холмообразную форму, довольно большое количество грязи, возвышающееся над землей холмообразно. В примере (20) оценочные смыслы формируются на основе характеристик продолговатой и холмообразной формы, присущих объектам *river* и *mound* соответственно.

SALTY OBJECTS

21. *Her tears were bitter and salty as seawater [BNC].*

В данном примере характеристика вкуса морской воды переносится в область физической природы человека, благодаря чему описание проявления эмоции становится более «осязаемым».

OBJECTS MOVING REPEATEDLY

22. *Waves of anger jolted through him and his face seemed suddenly magnified while it flattened like a jellyfish [BNC].*

23. *He didn't deserve it, yet she couldn't stop the cold sick waves of fear she felt at what might happen to him [BNC].*

В примерах (22-23) характеристика движения волн на поверхности водоемов переносится в эмоциональную область человека, на основе механизма концептуальной метафоры формируются смыслы эмоциональных состояний, охватывающих человека, которым трудно противостоять, проявляющихся раз за разом.

HARDENED CHARACTER

Что касается наземных форм ландшафта, то одним из признаков, который лежит в основе формирования оценочного смысла, является характер рельефа объекта, соотнесённый с другой концептуальной областью, например:

24. *He was a man who had started out in his career simple and full of hope, but his life had been so marked by violent and terrible happenings that his character was now seamed and rocky like a mountain face which had been opened up by movements of the earth, then partly sealed by lava flows [BNC].*

В данном развернутом сравнении внешний признак неровности горного ландшафта переносится на характер человека, в результате чего формируется новый смысл – закаленный, сильный характер описываемого человека, испытавшего много трудностей.

THE PECULIARITIES OF POSITION IN SPACE (HIGH, LOW)

25. *The immediate cause was a mountain of surplus coal, generated by two mild winters and a slowing down of economic growth: coal stocks had quadrupled from 7 to 31 million tons since 1957 [BNC].*

26. *“You would never name our daughter Kayley,” Art said from the hollow of his own sleep [CoCA].*

В примере (25) такие характеристики концепта *mountain*, как вертикальное расположение в пространстве, расположение выше уровня земной поверхности, лежат в основе оценочного смысла. Вследствие перенесения этих характеристик в другую область образуется новый смысл: множество остатков угля, сложенных друг на друга и возвышающихся над уровнем земной поверхности. В примере (26) в основе оценочного смысла лежит такая характеристика концепта *hollow*, как более низкое расположение относительно земной поверхности, углубление в земной поверхности. Данный оценочный смысл описывает сон как состояние, которое может «утянуть» человека в себя, в которое можно «провалиться».

DANGEROUS SITUATION

27. *The morass of such reasonings is very treacherous and many have disappeared into it, suffocating in its mud [BNC].*

28. *To reverse this process at a stroke would be impossible, and every compromise suggested so far has foundered in a fearful bog of legal and financial complications [BNC].*

29. *You cannot build a fair system on that stinking swamp of menace and malice and neglect [BNC].*

Объектам, представленным в языке единицами *morass*, *bog*, *swamp*, присуща характеристика заболоченности почвы (*morass* – an area of soft wet ground that is dangerous to walk on [Macmillan Dictionary Online]), которая делает их труднопроходимыми и опасными для человека. При переносе данной характеристики на область человеческой жизнедеятельности формируется смысл трудноразрешимой, опасной или непредсказуемой ситуации. Негативные смыслы, формируемые на основе данной характеристики, усиливаются на языковом уровне за счет слов с негативной семантикой: *treacherous*, *suffocating* (пример (27)), *fearful*, *complications* (пример (28)), *stinking*, *menace*, *malice*, *neglect* (пример (29)).

Таким образом, оценочный потенциал английской ландшафтной лексики – это возможность единиц ландшафтной лексики формировать оценочные

смыслы, описывающие различные области действительности. Он определяется структурой и содержанием соответствующих концептов. Когнитивную основу оценочного потенциала ландшафтной лексики создают основные дифференциальные характеристики ландшафтов, которые являются конституирующими для соответствующих объектов и которые, соответственно, лежат в основе их языковой категоризации. Это такие характеристики, как: размер, объём, протяженность в пространстве, характер течения воды, перцептивные характеристики, форма, особенности рельефа, наличие растительности, особенности расположения в пространстве, характеристики почвы, присутствие человека. Структуру оценочного потенциала могут также определять дополнительные характеристики ландшафтов, не имеющие категориально-значимого статуса, например: цвет, звук, близкое расположение однотипной растительности, характер движения воды в определенный момент времени, состояние на определенный момент времени, характеристики поверхности объекта. Единицы, обозначающие наземные ландшафты, чаще передают оценочные смыслы, сформированные на основе характеристик размера, объема, большого количества однотипных объектов, формы, особенностей рельефа, особенностей расположения в пространстве, присутствия людей. Единицы, репрезентирующие водные ландшафты, передают оценочные смыслы, сформированные на базе характеристик объема, размера, протяженности в пространстве, формы, движения воды.

Оценочные категории, в которые периферийно входят единицы ландшафтной лексики, формируются на основе выделенных характеристик (характеристик большого/малого размера, объема, определенной формы, определенного характера движения, определенного расположения в пространстве, характера рельефа и др.) и включают в себя, в первую очередь, слова соответствующей семантики (big, small, long, fast, many, little, salty, moving, round, hill-like, hard, high, low, dangerous); единицы ландшафтной лексики, выступая средством концептуализации вышеназванных характеристик в языке, входят в эти категории в своих вторичных значениях, когда они используются по

отношению к другим концептуальным областям. Формирование оценочных смыслов ландшафтной лексики происходит за счет различных когнитивных механизмов; репрезентацию в языке оценочные смыслы получают благодаря языковым механизмам. Когнитивные и языковые механизмы, формирующие и передающие оценочные смыслы ландшафтной лексики в современном английском языке, рассматриваются в следующем параграфе.

5. Когнитивные и языковые механизмы формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики

Как уже было отмечено в Главе I, формирование оценочных смыслов основывается на процессе концептуальной деривации и определенных когнитивных механизмах, позволяющих соотносить одну концептуальную область с другой и формировать в результате новые смыслы. Основными когнитивными механизмами, лежащими в основе формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики, являются механизмы профилирования, концептуального сравнения, концептуальной метафоры, метонимии, метафтонимии.

Свою репрезентацию в языке оценочные смыслы получают благодаря языковым механизмам. С.Д. Кацнельсон отмечает, что деятельность сознания и языка неразрывно связаны. Языковые формы сопутствуют мысли, и, при необходимости передачи наших знаний другим, мы переводим наши мысли в вербальную форму [Кацнельсон 1972]. Основными языковыми механизмами формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики являются номинация, развитие полисемии, сочетаемость единиц ландшафтной лексики. Например:

1. It's not a lake, it's an endless ocean [BNC].

В данном примере формирование оценочного смысла происходит за счёт противопоставления и номинации одного ландшафта другим и, таким образом, приписывания объекту свойств другого объекта, отложившихся в восприятии говорящего.

Изменение семантики единиц, развитие полисемии также выступает языковым механизмом формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики. Например, в семантике единиц *mountain*, *ocean* присутствуют варианты значения “a very large pile or amount of something”, “a lot of something, especially a liquid” [Longman 2005: 1073, 1134].

Механизм сочетаемости единиц ландшафтной лексики проявляется в большинстве случаев формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики. Распространенным языковым механизмом формирования оценочных смыслов является сочетаемость единиц ландшафтной лексики с единицами «неландшафтной» семантики, например: *stream of thoughts*, *oceans of wine*, *mountain of papers*, *quiet street*, *deep as the sea*.

Отдельным языковым механизмом формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики является фразеологизация. Фразеологизмы – это устойчивые сочетания слов, обладающие грамматической и смысловой цельнооформленностью. Они выступают в качестве средств вторичной номинации. Смысл фразеологизма, в составе которого есть единица ландшафтной лексики, может базироваться на характеристике, входящей в оценочный потенциал английской ландшафтной лексики, например:

2. *Make a mountain out of a molehill.*

3. *A mountain to climb.*

Фразеологизм (2) имеет значение “<...> making a small, unimportant problem seem big and important” [Collins Cobuild Dictionary of Idioms 1995: 266], т. е. в основе формирования смысла лежит характеристика большого объёма объекта *mountain*. Фразеологизм (3) употребляется в следующем значении: “If you say that someone has a mountain to climb, you mean that it will be difficult for them to achieve what they want to achieve” [Collins Cobuild Dictionary of Idioms 1995: 266]. В основе формирования данного смысла лежат характеристики вертикального расположения выше уровня земной поверхности и горного рельефа, присущие объекту *mountain* и затрудняющие восхождение

на гору. Данные характеристики соотносятся с другой областью и образуют смысл трудоёмкого и непростого достижения человеком каких-либо целей.

Рассмотрим более подробно когнитивные и языковые механизмы формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики в современном английском языке.

5.1. Профилирование как когнитивный механизм формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики

Действие когнитивного механизма профилирования состоит в выделении на фоне определенной концептуальной базы одной или нескольких концептуальных характеристик, называемых профилями [Langacker 1991: 3]. Профиль выводит на передний план наиболее актуальные и важные характеристики концептуальной базы в данной ситуации.

Применительно к процессу формирования оценочных смыслов единицами ландшафтной лексики английского языка под профилированием следует понимать мысленное выдвижение на передний план одной или нескольких характеристик концептов ландшафтов, которые, соотносясь с другой концептуальной областью, ложатся в основу формируемого оценочного смысла.

Механизм профилирования задействован во всех случаях формирования оценочных смыслов единицами ландшафтной лексики, так как в основе этого процесса лежит выделение характеристик концептов ландшафтов, которое и осуществляется благодаря профилированию, и перенесение их на другую концептуальную область. При формировании оценочных смыслов ландшафтной лексики механизм профилирования оказывается сопряженным с другими когнитивными механизмами.

В частности, если оценочный смысл формируется единицами, номинирующими сельские и городские ландшафты, механизм профилирования оказывается совмещенным с механизмом концептуальной метонимии: *dark streets, dirty town, shabby village, most hospitable town, economically depressed small town, busy street*. В данных примерах профилируется определенная ха-

рактика, описывающая внешний вид городских и сельских ландшафтов, их состояние, атмосферу в них. Однако существенной характеристикой концептов антропогенных наземных ландшафтов является «присутствие человека», поэтому характеристики, описывающие ландшафты, транслируются на концептуальную область «человек» и формируют оценочные смыслы, характеризующие человека, население данных ландшафтов. Так, *dark streets, dirty town* имплицитно передают оценку экономического состояния населения названных ландшафтов, а также черт характера жителей, их отношения к своим улицам, городу; *most hospitable town* имплицитно выражает оценку характера жителей города, их воспитания и настроения (см. также: [Чистякова 2014б]).

Когнитивный механизм профилирования может быть совмещен с механизмом концептуальной метафоры, например: *forest of meanings, stream of people, river of thoughts, lake of tears*. В данных примерах профилируются такие концептуальные характеристики ландшафтов, как наличие растительности (*forest*), объём (*lake*), объём + характер движения воды (*stream, river*), которые благодаря механизму концептуальной метафоры соотносятся с другой концептуальной областью, и на основе взаимодействия концептуальных характеристик двух разных концептуальных областей возникают новые смыслы: множество значений, большой и активно двигающийся поток людей, множество возникающих мыслей, много слёз. На языковом уровне оценочные смыслы репрезентируются благодаря языковому механизму сочетаемости единиц ландшафтной лексики с другими единицами.

Механизм профилирования также совмещён с механизмом концептуального сравнения при образовании оценочных смыслов ландшафтной лексики:

As far as scrap metal is concerned, you can see the tremendous amounts of waste there, piled just like a mountain [CoCA].

В данном примере профилируются такие характеристики концепта *mountain*, как большой размер и вертикальное расположение в пространстве, которые за счет механизма концептуального сравнения сопоставляются с

концептуальной областью человеческой деятельности и её результатов, что приводит к образованию нового смысла: большое количество отходов материалов, сложенных вертикально друг на друга.

Таким образом, когнитивный механизм профилирования позволяет выделять одну или несколько характеристик концептов ландшафтов, которые ложатся в основу оценочных смыслов ландшафтной лексики. При формировании оценочных смыслов при помощи единиц ландшафтной лексики современного английского языка механизм профилирования оказывается совмещенным с другими когнитивными механизмами: концептуальной метонимией, метафорой, концептуальным сравнением. Механизм концептуальной метафоры был частично затронут в данном пункте. Рассмотрим его действие более подробно в следующем параграфе.

5.2. Концептуальная метафора как когнитивный механизм формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики

Процессы человеческого мышления во многом метафоричны; деятельность человека, его мышление, осознание мира вокруг и себя, язык определяются и структурируются при помощи метафоры [Лакофф, Джонсон 2004а]. Н.Н. Болдырев пишет об интерпретационном потенциале концептуальной метафоры и отмечает его обусловленность тем, что «в результате концептуальной метафоры возможно установление человеком связей между различными концептами, репрезентирующими разные сущности в его концептуальной системе (межконцептуальные связи)» [Болдырев 2013б: 14]. Приписывая человеку, событию или объекту определенные характеристики при помощи метафоры, мы привлекаем к ним особое внимание и одновременно выделяем их из всего возможного перечня характеристик за счет обращения к другой концептуальной области [Болдырев 2013б там же].

В основе межконцептуальных связей, продиктованных самой природой метафоры, лежит взаимодействие разных концептуальных областей с

множеством их составляющих и языковых способов их репрезентации. Всё многообразие концептов условно можно свести к ограниченному числу концептуальных или тематических областей, таких как: ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЖИВОТНЫЙ МИР, АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ и т.д. Несмотря на это, взаимодействие множества разных концептов, входящих в эти области, неизбежно приводит к многообразию реализаций концептуальной метафоры на языковом уровне, т.е. в виде языковых метафор [Болдырев 2013б: 14-15].

Ю.В. Алексикова выделяет основные типы межконцептуальных связей, возникающих в процессе взаимодействия двух различных концептов, основанного на работе различных когнитивных механизмов: иерархические, градуальные, связи на основе сходства, контраста и смежности (см. подробнее [Алексикова 2010: 69-73]). Н.Н. Болдырев отмечает, что установление связи между концептами, необходимое для их метафорической интерпретации, требует наличия какой-либо общей характеристики между этими концептами. В качестве такой соотносящей концепты характеристики может выступать, например, внешняя или внутренняя характеристика человека и природного объекта, человека и артефакта, человека и природного явления, человека и животного, человека и пространства, деятельность человека и функция объекта, двух разных событий и т.д. [Болдырев 2013б: 15]. При формировании оценочных смыслов ландшафтной лексики в современном английском языке на базе механизма концептуальной метафоры реализуются связи на основе сходства между концептами ландшафтов и другими концептами или между их отдельными характеристиками.

Для того, чтобы рассмотреть подробнее действие концептуальной метафоры как механизма образования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики, обратимся к примерам. Часто в основе оценочного смысла, сформированного на базе механизма концептуальной метафоры, лежат характеристики объёма, размера ландшафтных объектов, например:

1. *If any of us let go and started breathing again, one of them would fall off into a lake of mud* [BNC].

2. *Did she contain a lake of unshed, festering tears?* [BNC].

3. *There was music and dancing, rich fare, a river of wine, and the whole of society shewing off its most exotic garb* [BNC].

4. *“Good-bye,” said the two girls, giggling away across the lawn under the seas of shade, Tom followed them slowly* [R. Bradbury].

5. *Lavinia called back through the soft ocean of darkness: “To the Elite Theater to see CHARLIE CHAPLIN!”* [R. Bradbury].

В примере (1) метафорический смысл образуется за счет установления межконцептуальной связи на основе сходства в характеристиках объёма, размера концептов *lake* и *mud*. Характеристикой концепта *lake* является большой объём («a large area of water...» [Longman 2005: 900]); *mud* определяется как «wet earth that has become soft and sticky» [Longman 2005: 1080], т.е. конкретная характеристика размера не является основной характеристикой данного концепта, однако функционально участок земной поверхности может быть любого размера, и в данном случае говорящий подразумевает довольно большой участок поверхности, благодаря чему становится возможным установление связи между концептами. В примере (2) связь между концептами *lake* и *tears* устанавливается на основе характеристик объёма и наличия жидкости (*tear* - a drop of salty liquid <...> [Longman 2005: 1701]). В примере (3) межконцептуальная связь между *river* и *wine* образуется на основе характеристик объёма и наличия жидкости: *river* – a large area of water that flows towards the sea [Macmillan Dictionary and Thesaurus Online], *wine* – an alcoholic drink <...>, *drink*–an amount of liquid <...> [Longman 2005: 1891, 480]. В примере (4) межконцептуальная связь образуется на основе характеристики большого объёма. Эта характеристика является неотъемлемой для концепта *sea* (“the large area of salty water <...>” [Longman 2005: 1475]). Для концепта *shade* характеристика объёма, размера не является основополагающей (“slight darkness or shelter from the direct light of the sun made by something

blocking it” [Longman 2005: 1505]), т. е. объём может варьироваться, и в данной ситуации он достаточно большой. В примере (5) межконцептуальная связь образуется на сходстве характеристик объёма, размера: концепт *ocean* обязательно содержит в себе характеристику большого размера (the great mass of salt water that covers most of the Earth's surface [Longman 2005: 1134]), *darkness* в данном случае метонимически репрезентирует пространство, покрытое темнотой.

Подобное употребление единиц ландшафтной лексики в оценочной функции показывает, что осознание оценочных смыслов, в основе формирования которых лежат признаки большого объёма, размера ландшафтов, опирается на когнитивную схему «вместилище». Для когнитивной схемы «вместилище» основными характеристиками являются «внутреннее содержание», «границы», «внешний фон» [Лакофф 2004]. Когнитивные схемы существуют только гештальтно в совокупности своих элементов, однако они являются «динамическими сущностями» [Bartlett 1932], следовательно, отдельные элементы схемы могут быть более выделены, «профилированы», чем другие. Так, при формировании оценочных смыслов ландшафтной лексики в фокус попадают такие характеристики схемы «вместилище», как «внутреннее содержание» и «границы». Ландшафты, обладающие довольно большим объёмом, в оценочных смыслах предстают как вместилища для различного внутреннего содержания (жидкости, эмоций, пространства), в которых также могут профилироваться очерченные границы, как в примере (1-5). На уровне языка данная схема получает репрезентацию благодаря языковому механизму сочетаемости единиц ландшафтной и «неландшафтной» лексики, где единицы ландшафтной лексики номинируют само «вместилище», единицы другой семантики представляют внутреннее содержание.

В то же время, концепты ландшафтов могут осмысляться как вместилища без четко очерченных границ, например:

6. *Boulevard of Broken Dreams* [Green Day].

7. *Moving deeper into the forest of worries, his mind now fixed on Colin's silence and pallor* [CoCA].

Метафорические оценочные смыслы ландшафтной лексики также формируются на основе такой характеристики ландшафтов, как протяженность в пространстве, вытянутая форма, например:

8. *I dreamt that I went down those signless roads to the assembly of Leprechauns by a river of stars, and we embarked in an armada of fairy boats, and sailed till the dawn to an unimaginable sea* [BNC].

9. *In her predawn imaginings there hadn't been any three-masted schooner. Nor rain. Nor the indifferent river of traffic* [CoCA].

В примере (8) в основе образования межконцептуальной связи лежат характеристики объёма и протяженности в пространстве: расположение большого количества звёзд на небе по мере продвижения человеком прямо по своему пути представляется вытянутым, протяженным вдоль всего пути. В примере (9) в основе формирования смысла лежат характеристики движения воды и продолговатой формы концепта *river*. Движение транспорта видится линейным, автомобили последовательно едут один за другим по прямой линии. Непрерывность и прямолинейность движения в нашем сознании отражаются при помощи когнитивной схемы «прямая линия». В языке подобные смыслы получают выражение при помощи единиц ландшафтной лексики, если соответствующие концепты содержат признаки вытянутой формы, протяженности в пространстве.

Оценочные смыслы ландшафтной лексики также часто образуются на основе характеристики особенностей движения воды в водоемах, например:

10. *'What's the matter, Queenie?' he asked, his voice a river of silken reassurance* [BNC].

11. *The docks were experiencing a boom in trade and all day long a steady stream of customers came and went* [BNC].

12. *Listen! The waterfall of birdsong beyond those trees!* [R. Bradbury].

13. *And in her ears the little Seashells, the thimble radios tamped tight, and an electronic ocean of sound, of music and talk and music and talk coming in, coming in on the shore of her unsleeping mind* [R. Bradbury].

В примере (10) связь между концептами *voice* и *river (of silken reassurance)* устанавливается за счёт характеристики протяженного и достаточно спокойного движения в пространстве, присущей концепту *river*, которая в данной ситуации будет также присуща концепту *voice*: *river – a natural and continuous flow of water in a long line* <...>, *flow – a smooth steady movement of liquid* <...> [Longman 2005: 1422, 615]. Звук голоса также распространяется в пространстве, и в данном случае этот процесс характеризуется как постепенный, равномерный, плавный. Характеристики распространения голоса в пространстве и их воздействие на слушателя уточняются словосочетанием *silken reassurance*, передающим манеру говорения, темп речи, тон, особенности тембра говорящего. В примере (11) связь между концептами *stream* и *customers* устанавливается по сходству на основе характеристики стабильного, протяженного в пространстве движения: *stream – a natural flow of water that moves across the land* [Longman 2005: 1641]. Поток приходящих клиентов обладает схожими характеристиками: клиенты постоянно приходили в течение определенного времени, один за другим. Стабильность этого процесса также подчёркивается за счёт сочетания глаголов движения *came and went*. В примере (12) связь между концептами *waterfall* и *birdsong* основана на сходстве характеристик активного движения: *waterfall – a place where water from a river or stream falls down over a cliff or rock* [Longman 2005: 1862]. Для пения птиц также обычно характерно активное движение мелодии. В результате получается смысл активной, бодрой мелодии птичьего пения. В развёрнутой метафоре из примера (13) связь между концептами *ocean* и *sound, music, talk* осуществляется на основе общности характеристик большого объёма и движения: для концепта *ocean* характерны признаки большого объёма и движения волн; музыка, звуковые волны также распространяются в воздушной среде и проделывают в ней определенный путь. Таким образом, в результате

концептуального взаимодействия получается смысл «большой поток звуковых волн, достигающих слушателя».

Рассмотрим также оценочные смыслы единиц ландшафтной лексики, репрезентирующих наземные ландшафты, образованные на основе механизма концептуальной метафоры. Для их формирования также задействуется характеристика размера, объема наземных ландшафтов, например:

14. *He looked at my mountain of luggage* [BNC].

15. *The horizon, the wide plain of dust and wind* [CoCA].

16. *Elsewhere, our eyes see a wilderness of cloud, sky, and blue Pacific water* [CoCA].

В примере (14) межконцептуальная связь создаётся на основе сходства характеристик размера и вертикального расположения: характеристики большого объема и возвышения присущи концепту *mountain*; в данном случае объект, репрезентированный словом *luggage*, обладает похожими характеристиками большого объема и расположения вещей вертикально, друг на друге, и концептуализируется соответствующим образом. В примерах (15), (16) оценочные смыслы образуются также на основе характеристики большого объема объектов *plain*, *wilderness*. Названная характеристика переносится на область горизонта, неба, воды, и формируются смыслы больших объемов природных пространств, помещенных в поле зрения человека. Концептуализация данных оценочных смыслов также осуществляется благодаря когнитивной схеме «вместилище». В примере (15) объем пространства, воспринимаемый человеком, на языковом уровне подчеркивается за счет единицы с семантикой объема «wide».

В следующих примерах образование оценочных смыслов происходит при задействовании характеристики наличия растительности:

17. *More easily now, he made his way along the roof-tops, hidden from sight by the forest of chimney stacks* [BNC].

18. *The borough solicitor, barely comprehensible through a jungle of subordinate clauses, warns councillors that failure to set a rate by midday would make them personally responsible for losses incurred* [BNC].

19. *Through the spinney of her fingers she saw Leon Kennedy standing again by the fire watching her* [BNC].

В примере (17) межконцептуальная связь создается благодаря характеристике наличия большого количества однотипных объектов: массив деревьев является основной характеристикой концепта *forest* (“a large area of land that is covered with trees” [Longman 2005: 631]); расположение дымовых труб на крышах домов напоминает большое количество деревьев в лесу. В примере (18) связь между концептами *jungle* и *subordinate clauses* осуществляется за счёт наличия общей характеристики труднопроходимости, осложнённости на пути к достижению цели. *Jungle* определяется как «a thick tropical forest with many large plants growing very close together» [Longman 2005: 877]. Подобно этому, речь юрисконсульта, осложненная большим количеством придаточных предложений, следующих друг за другом, вызвала у слушателя сложности при её восприятии и понимании. В примере (19) связь между концептами *spinney* и *fingers* осуществляется по сходству: концепту *spinney* свойственна характеристика наличия растительности («a small area of trees and bushes» [Longman 2005: 1594]); прислонив пальцы к лицу и закрыв его таким образом, девочка также создаёт «труднопроходимость», которая свойственна объекту *spinney* из-за наличия растительности. Примеры (17), (18) также могут осознаваться при помощи когнитивной схемы «вместилище» благодаря наличию у объектов *forest*, *jungle* достаточного объёма, однако данные объекты концептуализируются как вместилища без четко очерченных границ.

Характеристика особенностей рельефа также может становиться основой оценочного смысла:

20. *Up and down the street rose the steep cliffs of buildings -- this great cathedral of a city, this place where people hide* [CoCA].

В данном примере оценочный смысл образуется на основе характеристик горного рельефа и размера, присущих объекту *cliff* (*cliff – a large area of rock or a mountain with a very steep side* [Longman 2005: 276]). Характеристики характерного «зазубренного», скалистого рельефа и большого размера переносятся на область городских строений, благодаря чему формируется соответствующий смысл: располагающиеся на разном уровне строения, занимающие достаточно большую площадь, который на языковом уровне подчеркивается прилагательным «steep».

В основе оценочных смыслов, формируемых при помощи единиц ландшафтной лексики, называющих наземные формы ландшафта, также лежат характеристики расположения выше/ниже уровня земной поверхности, например:

21. *During these years we are still on the high plateau of Wordsworth's poetic achievement* [BNC].

22. *Twenty-five years and my life is still trying to get up that great big hill of hope for a destination.* [CoCA].

23. *Your day sinks in a hollow of sleep* [BNC].

В примере (21) связь между концептуальными структурами *plateau* и *Wordsworth's poetic achievement* основана на сходстве концептуальных характеристик «вертикальное расположение в пространстве, возвышение над уровнем земной поверхности» («plateau – a large area of flat land that is higher than the land around it» [Longman 2005: 1250]) и «высокие достижения человека». В данном случае в формировании смысла задействовано также фоновое знание о том, что Уильям Вордсворт – один из известных английских поэтов, относящийся к Озёрной школе. В примере (22) характеристика возвышения над поверхностью, свойственная объекту *hill*, соотносится с эмоциональной сферой жизни человека, и, таким образом, формируется смысл чувства, которое человеку кажется большим, огромным, возможно, непреодолимым и всепоглощающим, что на языковом уровне подчеркивается за счет семантики прилагательных *great, big*. В примере (23) связь между концептами *hollow* и

sleep осуществляется за счёт характеристики более низкого расположения в пространстве, в которое человек может быть «затянут». Для концепта *hollow* свойственна характеристика «a place in something that is at a slightly lower level than its surface» [Longman 2005: 778]. *Sleep* в данном случае концептуализируется как состояние со способностью «утянуть» человека в себя.

Характеристики формы наземных ландшафтов также могут быть перенесены на другие тематические области, и, таким образом, стать основой оценочных смыслов, например:

24. *She lifted a gray gown from the washwater, sopping, heavy, twisted until it stopped dripping and slapped it on the damp hill of clothes beside her* [CoCA].

25. *A mound of pink shopping bags lay on the kitchen table* [CoCA].

В основе формирования оценочных смыслов в данных примерах лежит характеристика холмообразной формы объектов *hill*, *mound*. Она соотносится с другой тематической областью, областью артефактов, и формируется смысл «предметы (одежда, сумки), сложенные друг поверх друга холмообразно».

Прибегая к терминологии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, выделяющих три основных типа концептуальных метафор: ориентационные, структурные и онтологические (см. подробнее: [Лакофф, Джонсон 2004а]), следует отметить, что ландшафтная лексика, в основном, формирует ориентационные и онтологические метафоры. Ориентационные метафоры связаны с пониманием ориентации в пространстве и пространственных отношений. Человеку присуще тело определенной формы, с помощью которого он взаимодействует с миром [там же: 35]. Ориентация в пространстве является значимой для человека, и, вследствие этого, части концептов он придаёт пространственную ориентацию. Например, *plateau of achievement*, *hollow of the night*, *hollow of his envy*.

В отличие от структурных метафор, которые возможны при взаимодействии многокомпонентных концептов [Лакофф, Джонсон 2004а: 97-103],

онтологическая метафора предполагает способ восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п. как материальных сущностей и веществ [там же: 49]. Применительно к ландшафтной лексике английского языка механизм онтологической метафоры означает осмысление событий, эмоций, различных сторон действительности как физических объектов реального мира, природных объектов: *river of time, oceans of sorrow, river of delight, sea of emotions, endless stream of imagination*.

Таким образом, концептуальная метафора является одним из продуктивных механизмов образования оценочных смыслов ландшафтной лексики в современном английском языке. Действие этого механизма основывается на образовании межконцептуальной связи на основе сходства между концептом ландшафта и другим концептом. Наиболее продуктивными для формирования оценочных смыслов на основе механизма концептуальной метафоры характеристиками концептов ландшафтов являются характеристики размера, особенностей рельефа, наличия растительности, вертикального/горизонтального положения, положения выше/ниже уровня земной поверхности, формы, протяженности в пространстве, характера течения воды. Наименее продуктивными в данном отношении характеристиками являются перцептивные характеристики, присутствие человека. Основным языковым механизмом репрезентации оценочных смыслов ландшафтной лексики, сформированных благодаря механизму концептуальной метафоры, является сочетаемость единиц ландшафтной лексики с другими единицами.

Помимо концептуальной метафоры, формирование оценочных смыслов ландшафтной лексики может происходить на основе механизма концептуальной метонимии, а также на основе механизма, объединяющего в себе два вышеназванных механизма – метафтонимии. Рассмотрим их действие в следующем параграфе.

5. 3. Концептуальная метонимия и метафтонимия как когнитивные механизмы формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики

В основе оценочных смыслов ландшафтной лексики может также лежать механизм метонимического переноса. Напомним, что когнитивный механизм метонимии основывается на отношениях замещения. Одна сущность используется для ссылки на другие, которые с ней связаны [Лакофф, Джонсон 2004: 61-67]. Метонимия, в отличие от метафоры, задействует только одну концептуальную область. В рамках концептуальной области, в которой работает механизм метонимии, выделяют элемент, называемый концептом – средством, который замещает другой элемент – концепт-цель. Концепт-средство и концепт-цель связаны между собой отношениями смежности и по принципу «часть вместо целого» [Бабина 2009: 143].

Одним из самых распространенных видов метонимического переноса является перенос «часть вместо целого» [Лакофф 2004]. Данный тип метонимии концентрирует внимание на отдельных аспектах описываемого явления. Ученые выделяют и другие типы метонимии: «целое вместо части», «вместилище вместо содержания», «материал вместо предмета», «производитель вместо продукта», «название места вместо организации», «название места вместо события», «причина вместо следствия» и др. [Ungerer, Schmid 2006: 116].

Наиболее распространенным видом метонимического переноса, формируемого при помощи единиц ландшафтной лексики, является «целое вместо части». Данный вид метонимии обычно задействуется тогда, когда оценку формируют единицы, называющие городской и сельский ландшафт. Компонентом содержания концептов городских и сельских ландшафтов является «присутствие человека», поэтому в таких случаях формируемый оценочный смысл метонимически распространяется и на человека. Концептом-целью в подобных случаях выступает население ландшафтного объекта, проживаю-

щим в его пределах, концептом-средством – ландшафт как территориальная единица. Например:

1. *The whole town fell into the hands of regime forces Wednesday night after army defectors withdrew* [CoCA].
2. *The whole village attended the meeting* [Macmillan Dictionary Online].
3. *The village is sleeping quietly* [BNC].
4. *The latest news kept the whole city in suspense* [BNC].
5. *The city has been living in fear since last week's earthquake* [Longman 2005: 266].

Во всех приведенных примерах состояния и действия, называемые глаголами и глагольными конструкциями, приписываются жителям ландшафтов, обозначенных единицами *town, city, village*, за счет наличия характеристики присутствия людей на данных территориях у соответствующих концептов.

Другим видом метонимического переноса, образованным при помощи единиц ландшафтной лексики, является «вместилище вместо содержания», например:

6. *They have dug huge trenches around Ras Kamboni but have only two options: to drown in the sea or to fight and die* [CoCA].
7. *Take photographs and swim in the lake* [CoCA].

В данных примерах концептом-средством выступают водные ландшафты в целом, как вместилища, хотя фактически подразумевается их содержимое, наполнение - вода.

Ещё одним когнитивным механизмом формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики является метафтонимия. Как уже отмечалось в Главе I, под метафтонимией понимают концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии. Из трёх типов метафтонимии, выделенных Л. Гуссенсом [Goosens 1995], для оценочных смыслов ландшафтной лексики характер-

ным будет второй тип, метонимия внутри метафоры. Данный тип метафтонимии часто передаётся через части тела, например:

8. *Looking at the audience from the stage, she was ready to drown in the ocean of smiles* [BNC].

9. *He looked down over the sea of hands reaching out for him* [BNC].

10. *She felt so lost and lonely in the crowd walking towards the sea of unfamiliar faces* [BNC].

По сути, приведённые выше примеры представляют собой метафорические выражения, но с метонимической частью внутри: *smiles, hands, faces* метонимически репрезентируют людей.

Таким образом, при помощи единиц ландшафтной лексики формируются такие типы метонимии, как «целое вместо части», «вместилище вместо содержания». Действие механизма концептуальной метонимии при формировании переноса «целое вместо части» единицами английской ландшафтной лексики состоит в использовании концептов городских и сельских ландшафтов для репрезентации характеристик населения за счет концептуальной характеристики присутствия людей на данных территориях. Характеристики, действия, процессы и события, приписываемые сельским и городским ландшафтам и вербализованные прилагательными, причастиями, наречиями, глаголами или глагольными конструкциями, благодаря действию механизма концептуальной метонимии распространяются на жителей названных ландшафтов. Вид метонимического переноса «вместилище вместо содержания» формируется, когда сами ландшафтные объекты предстают как вместилища для каких-либо действий. Механизм метафтонимии также задействован при формировании оценочных смыслов английской ландшафтной лексики. Для оценочных смыслов ландшафтной лексики характерен тип метафтонимии «метонимия внутри метафоры».

Ещё одним механизмом, задействованным в процессах формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики современного английского языка

ка, является концептуальное сравнение. Особенности работы данного механизма рассматриваются в следующем параграфе.

5.4. Концептуальное сравнение как когнитивный механизм формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики

Концептуальное сравнение – когнитивный механизм формирования смысла на основе сопоставления разных концептов, концептуальных областей и их содержания. Механизм концептуального сравнения также предполагает перенос характеристики одного концепта на другой, вследствие чего становится очевидным подобие двух объектов, явлений, концептов. Подобие и сопоставление двух объектов возможно при наличии у них какой-либо общей характеристики, следовательно, механизм концептуального сравнения также предполагает образование связей на основе сходства между двумя концептами. В качестве основания сравнения могут выступать различные характеристики ландшафтов, такие, как размер, объём, протяженность, особенности расположения в пространстве, наличие растительности, движение воды.

Рассмотрим примеры оценочных смыслов ландшафтной лексики, в основе которых лежат признаки размера, объема ландшафтов:

1. *But those four miles were like an ocean, which I could not cross!* [BNC].

2. *She looked up at Ruth, her face transparent, almost colourless; but her eyes were as deep as the sea* [BNC].

3. *I howled with the pain, howled again when something like a mountain fell crushingly on me as Posi hurled us straight back up to Highlight* [BNC].

4. *She had her brother drive us to Hammond, Indiana, where she bought a small two-bedroom house in a tract so new the cement stoops and half-built walls still jutted from the mud, all that mud, yard after yard of it spread out like a sea, a suburban sanctuary in the making where little white girls wouldn't have to make their pies in the street* [BNC].

В примере (1) характеристика большого размера, свойственная концепту *ocean*, сопоставляется с *four miles*; смысл формируется за счёт общности размерной характеристики. В примере (2) в основе сравнения лежит характеристика объёма: большой объём, глубина – характеристики, присущие концепту *sea*, сопоставляются с характеристикой внешности человека, с глубиной глаз девушки. В данном примере основание сравнения вербализуется. В примере (3) в основании сравнения лежат характеристики большого размера и объёма, а также тяжелой массы, присущие концепту *mountain*. Смысл, образованный за счет общности данных характеристик, усиливается языковым контекстом: *fell crushingly* (*crushing – very hard to deal with* [Longman 2005: 379]). В примере (4) смысл большого количества образуется за счет характеристики большого размера концепта *sea*, что на языковом уровне подчеркивается за счет семантики глагола *spread out* (*spread out – to cover a large area* [Longman 2005: 1602]). Механизм концептуального сравнения на языковом уровне передаётся за счет использования сравнительной конструкции с предлогами *like, as...as*.

В основе оценочных смыслов, образованных при помощи механизма концептуального сравнения, может лежать также характеристика определенного движения воды в водоемах, например:

5. *Nor could I deny the heartfelt kindness in her expression. My tears flowed like a river and I stopped trying to wipe them away* [CoCA].

6. *At its best, singing can feel like a river of light flowing through a firm yet flexible channel* [BNC].

7. *On the left, the river glistens among the thick willows; on the right, wheat is waving like a sea, an unending carpet, and even if it's all the same color, probably there is nothing more beautiful* [CoCA].

В примере (5) в основе сопоставления концептов *tears* и *river* лежат характеристики довольно большого объёма и движения воды потоком. В примере (6) в основе формирования смысла лежит характеристика движения: характеристикой концепта *river* обычно относительно размеренное движение

воды (river – a natural and continuous flow of water; flow – when a liquid, gas, or electricity flows, it moves in a steady continuous stream [Longman 2005: 1422, 615]). Механизм сравнения здесь совмещен с метафорой, что делает образ более эмоциональным. В примере (7) в основе оценочного смысла лежат характеристики большого объёма и движения волн, присущие объекту *sea*: колосья пшеницы колышутся, и это напоминает движение волн в море, поэтому возможно установление межконцептуальной связи на основе сходства.

В следующих примерах в основе оценочных смыслов лежат характеристики формы соответствующих ландшафтов:

8. *Her things were on the floor, one on another, like a small hill of clothes* [BNC].

9. *Farida Anwari is among the many who don't. Around the corner from Bibi Hanifa, past the bombed-out, rusting military vehicles which serve as jungle gyms for the children, Ms. Anwari's mud hut looks more like a mound of packed earth with an entrance than a house* [CoCA].

В примере (8) в основе сравнения лежат характеристики формы и вертикального расположения в пространстве, свойственные концепту *hill* (hill – an area of land that is higher than the land around it, like a mountain but smaller [Longman 2005: 769]). В примере (8) механизмы концептуального сравнения и метафоры также совмещены. В примере (9) установление межконцептуальной связи по сходству возможно также благодаря схожести форм, контурных очертаний объектов.

Сопоставление двух ландшафтов возможно благодаря наличию у обоих характеристики протяженности в пространстве, вытянутой формы, как в следующем примере:

10. *<...> so that I found myself wandering away from the wreck, across the road that was like a river, and standing on the far side of it, dreaming really, my eyes following the flight of some crows in the distance that were rising and falling in the tops of pecan trees* [CoCA].

В основе оценочного смысла может также лежать характеристика наличия растительности, присущая части наземных ландшафтов:

11. *In the ensuing reaction, long chains of silicon grow up around the particles, producing what looks under the electron microscope like a forest of needles* [CoCA].

12. *Tomato plants had grown to the roof of the greenhouse, so that it looked like a jungle in a box* [CoCA].

В основе данных смыслов лежит характеристика наличия густой растительности концептов forest, jungle. Данная характеристика переносится на другие области, и, таким образом, образуется смысл множества (частиц, растений).

Исследователи также отмечают, что сравнение стимулирует пробуждение образных ассоциаций в нашем сознании, и благодаря этому может происходить активизация сразу нескольких, дополнительных, не объективированных в основании характеристик концепта объекта сравнения. Это связано с особой ролью репрезентанта признака в сравнении. Он активизирует в нашем сознании целостное представление, концепт с набором признаков. В процессе соотнесения концептов могут быть задействованы различные элементы содержания концептов. Элементы содержания концепта репрезентанта проецируются на концепт объекта сравнения, придавая содержанию последнего определенную конфигурацию. В результате в концепте объекта сравнения активизируются определенные элементы, и читатель выводит дополнительную, не выраженную эксплицитно информацию об объекте сравнения (см. подробнее: [Прохорова 2010: 64-65]).

Примеры оценочных смыслов ландшафтной лексики подтверждают эту мысль, т.к. часто на базе когнитивного механизма сравнения образуется сложный, ассоциативный образ, в основе формирования которого лежат несколько характеристик концептов ландшафтов. Например, сравнение может передавать дополнительные цветовые, внешние характеристики объектов:

13. *The sky spread out behind them, bluegreen like the sea* [CoCA].

14. *While he worked, he glanced up at Pete Bouchan's boy and was surprised to see a flash of crooked teeth, gray eyes clear as a river* [CoCA].

15. *Something as tall as a steeple, in a trailing black dress, fair hair cascading; a face turned, looking down at Ruth, with long mocking green eyes that glimmered like the sea* [BNC].

В примере (13) в основании сравнения лежит цветовая характеристика концепта *sea*, которая эксплицируется прилагательным цвета, в результате чего мы получаем визуальное представление об объекте сравнения. Одновременно с этим когнитивный механизм задействует характеристику большого объёма, присущую концепту *sea*; происходит перенос данной характеристики на другую область, *sky*, что на языковом уровне подчёркивается при помощи глагола *spread out* («to cover a large area», [Longman 2005: 1602]). В примере (14) в основе сравнения лежат признаки цвета и состояния объекта, репрезентированного единицей *river*. Цвет чистой, спокойной воды в реке соотносится с чистым серым цветом глаз человека. В примере (15) смысл основывается на такой характеристике концепта *sea*, как способность отражать свет. Волны, отражая свет от поверхности, блестят и мерцают, и эта особенность соотносится с блеском глаз.

В основании сравнения также могут лежать признаки состояния ландшафтов в конкретный момент времени, которые порождают дополнительные смыслы, описывающие динамику событий жизни человека, его чувств, например:

16. *All my life stretches as a river..it floods and loses the banks* [CoCA].

17. *Sentiment engulfed it like the sea* [BNC].

18. *She tried to hold on to the heady rapture that was sweeping her along like a river in flood* [BNC].

В примере (16) задействованы характеристики протяженности в пространстве и движения воды концепта *river*, в данном случае достаточно активного, которые соотносятся с областью человеческой жизни, вследствие чего формируется смысл временной протяженности, а также неустойчивости,

нестабильности и непредсказуемости человеческой жизни. В примере (17) в основе смысла лежат признаки большого объёма и мощного движения воды в определенные моменты объекта *sea*. Они соотносятся с областью человеческих чувств, и образуется смысл сильного чувства, нахлынувшего на человека, что на языковом уровне дополнительно подчеркивается семантикой глагола *engulf* (If an unpleasant feeling engulfs you, you feel it very strongly [Longman 2005: 518]). В примере (18) сравнение основано на такой характеристике объекта *river*, как сильное движение течение воды в реке во время разлива. Этот признак соотносится с чувством, и формируется смысл сильного, нахлынувшего потоком чувства, которому сложно сопротивляться. Этот смысл также дополнительно подчеркивается языковым контекстом, за счет семантики прилагательного *heady* (*heady – very exciting in a way that makes you feel as if you can do anything you want to* [Longman 2005: 751]).

Смыслы, сформированные на основе механизма концептуального сравнения, могут также передавать дополнительные звуковые характеристики объектов сравнения, например:

19. *Santerre bubbled like a stream in spring* [BNC].

20. *Doina burst into laughter. She had a contagious laugh like a waterfall, the tonic laughter of a healthy and self-confident person* [CoCA].

21. *It is rolling past breathtaking views of the ocean and smelling the water's salty brine carried on the breeze. It is whizzing down a twisting mountain road with the wind rushing like a waterfall in your ears and sun-dappled fir trees flickering by in the corner of your eye like a picket fence that wends its way for miles* [CoCA].

В примере (19) сравнение основано не только на признаке характера движения воды в водоёме, но также передает дополнительные характеристики – звуковые за счет семантики соответствующего глагола (*bubble – to make the sound that water makes when it boils* [Longman 2005: 189]). В данном случае эти признаки соотносятся с объектом сравнения, описывая речь человека, который говорит быстро, много и, возможно, не очень разборчиво. В примерах

(20-21) в основе смыслов лежат характеристики звучания падающей воды в водопадах. Так, в примере (20) энергичный и достаточно «упругий» звук падения воды соотносится со звуком смеха человека, дополнительно характеризуя его как здоровый и заразительный. В примере (21) такие характеристики, как скорость, сила, напор падающей воды в водопаде соотносятся с характеристиками другого природного явления, ветра, который также движется со скоростью и силой, что отчетливо ощущается человеком. На языковом уровне данный смысл подчеркивается за счет глагола *rush* (*rush – move quickly* [Longman 2005: 1445]).

Концептуальное сравнение также может передавать другие дополнительные перцептивные характеристики объектов, не заявленные в словарном описании репрезентата признаки, например, запах:

22. *You do smell like a meadow* [CoCA].

Данный смысл построен на взаимодействии двух когнитивных механизмов, концептуального сравнения и концептуальной метонимии («целое вместо части»). Запах цветов, травы, растущих на лугу, соотносится с запахом человека.

Таким образом, концептуальное сравнение также выступает продуктивным механизмом формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики. Этот механизм предполагает установление межконцептуальной связи на основе сходства между объектом сравнения и репрезентантом признака. Механизм концептуального сравнения может задействовать не только основные характеристики концептов ландшафтов, отраженные в системе языка, но и функциональные признаки, такие как цвет, состояние на конкретный момент времени, характер течения воды на данный момент времени, звуковые характеристики, запах.

Как показывает анализ фактического материала и работы когнитивных механизмов, наиболее продуктивными механизмами формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики являются механизмы профилирования, концептуальной метафоры, метонимии, метафтонимии и концеп-

туального сравнения, а наиболее продуктивными языковыми механизмами выражения данных смыслов – номинация, развитие полисемии, сочетаемость единиц ландшафтной лексики, использование конкретных синтаксических структур, сравнительных конструкций. Для формирования оценочного смысла зачастую задействуется не один, а несколько когнитивных механизмов, равно как и в основе смысла может лежать не одна, а несколько характеристик ландшафтов, входящих в оценочный потенциал ландшафтной лексики (см. п. 4), либо периферийно входящих в ее оценочный потенциал (дополнительные, функциональные характеристики концептов ландшафтов, которые задействуются при формировании смысла на основе когнитивного механизма концептуального сравнения). Однако при формировании смыслов характеристики, периферийно входящие в оценочный потенциал английской ландшафтной лексики, как правило, оказываются совмещенными с основными характеристиками оценочного потенциала.

Анализ фактического материала также показывает, что наиболее часто в оценочной функции встречаются единицы базового уровня, уровня, переходного между базовым и субординатным, и часть единиц субординатного уровня. Единицы ландшафтной лексики входят в оценочные категории (категории размера, объема, длины и др., см. п. 4) в своих вторичных значениях как непрототипические элементы данных категорий.

В процессе формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики задействуются различные характеристики концептов ландшафтов в различных комбинациях. Та или иная комбинация концептуальных характеристик концептов ландшафтов и действие того или иного когнитивного механизма определяют тип оценки, передаваемый английской ландшафтной лексикой. Рассмотрим подробнее в следующем параграфе типы оценок, передаваемых средствами ландшафтной лексики современного английского языка.

6. Типы оценок, передаваемых ландшафтной лексикой современного английского языка

Как отмечалось в Главе I, Н.Д. Арутюнова выделяет два основных типа аксиологических значений в языке: общеоценочный и частнооценочный. Они реализуются при помощи прилагательных *хороший – плохой* и их синонимов с различными стилистическими и экспрессивными оттенками. Эти прилагательные выражают аксиологический итог [Арутюнова 1999: 198].

Применительно к материалу исследования следует отметить, что формирование общеоценочных смыслов ландшафтной лексики с аксиологической положительной или отрицательной направленностью определяется особенностями механизма концептуальной деривации при формировании смысла на концептуальном уровне. Сами по себе большинство концептов ландшафтов в английском языке не содержат оценочности. В зависимости от сочетания с теми или иными концептами, которые могут содержать в себе те или иные оценочные компоненты, смыслы ландшафтной лексики могут приобретать положительную или отрицательную аксиологическую направленность. Общеоценочные смыслы единиц ландшафтной лексики формируются при сочетании «пустого» в оценочном отношении концепта ландшафта с концептом, имеющим выраженную аксиологическую направленность. Общий смысл при этом является приближенным к «хороший» или «плохой», например:

1. *Sea of happiness* [BNC] (happiness - the state of being happy [Longman 2005: 738]).

2. *They feast on the abundance of your house; you give them drink from your river of delight* [BNC] (delight – a feeling of great pleasure and satisfaction [Longman 2005: 414]).

3. *At first glance, the fund on the right looks better, since its mountain of wealth is higher* [CoCA] (wealth – a large amount of money, property etc that a person or country owns [Longman 2005: 1867]).

В данных примерах продемонстрированы общеоценочные смыслы с положительной аксиологической направленностью, т. к. концепты, с которыми в ходе концептуальной деривации соединяются концепты ландшафтов, имеют в своей структуре положительные оценочные компоненты.

Также единицы ландшафтной лексики формируют смыслы с отрицательной аксиологической направленностью, например:

4. *I saw the ocean of sorrow in his eyes [BNC] (sorrow – a feeling of great sadness, usually because someone has died or because something terrible has happened to you [Longman 2005: 1579]).*

5. *With this faith, we will be able to hew out of the mountain of despair a stone of hope [CoCA] (despair – a feeling that you have no hope at all [Longman 2005: 425]).*

6. *But pitying junkies was like crying over every death that took place on this earth: it would be a bottomless ocean of grief [CoCA] (grief – extreme sadness, especially because someone you love has died [Longman 2005: 711]).*

Н.Д. Арутюнова также выделяет различные группы и типы частнооценочных значений, дающих оценку одному из аспектов объекта с определённой точки зрения (см. подробнее: [Арутюнова 1999: 198-199]). Частнооценочные смыслы английской ландшафтной лексики выражают не обобщенный аксиологический итог и не приближены по смыслу к «хороший» или «плохой», как общеоценочные смыслы. Частнооценочные смыслы ландшафтной лексики выражают более конкретизированную оценку по какому-либо конкретному параметру. Их аксиологическая направленность менее явно выражена и зависит от сочетания концептов и от когнитивного контекста. В зависимости от сочетания концептов и тематической, концептуальной области, к которой обращён формируемый смысл, единицы английской ландшафтной лексики могут реализовать различные частнооценочные смыслы. В частности, это может быть психологическая оценка:

7. *I could never love anyone who wasn't like the sea [BNC].*

8. *The song is a tribute to her as a crusader for just causes: African independence and women's rights. «She stood like a mountain, gave of herself to make a better life.» The song also notes that every twelve minutes a woman is raped and beaten and signals growing attention to larger issues of violence toward women in the culture [CoCA].*

9. *Russian culture is as great and as deep as the ocean, and as pure [CoCA].*

В примере (7) сопоставлены ландшафт и особенности психологии человека: глубина моря, сила его волн, непредсказуемость соотносятся с глубиной внутреннего мира человека, с его импульсивностью, силой эмоций. В примере (8) такие характеристики, как твёрдость горы, ее мощь, сопоставляются с характером, с психологическим настроем женщины, борющейся за свои права, благодаря чему подчеркивается твердость ее натуры, ее непоколебимость. В примере (9) характеристики глубины, большого объёма и чистой воды в океане сопоставляются с русской культурой, с психологией русского народа, благодаря чему передается смысл чистоты и глубины русской души.

Единицы ландшафтной лексики также передают эстетическую оценку, например:

10. *She pulled the hat from her head and the shining mahogany hair flowed to her shoulders in a stream of dark red beauty that changed her appearance totally [BNC].*

11. *Nikki stood in the sea of beautiful people, watching Jessica make her way to the front foyer [CoCA].*

В примере (10) оценочный смысл ландшафтной лексики описывает внешность человека, воспринимаемую как привлекательную. В основу оценки внешности человека ложится признак плавного движения воды в водоеме из области-источника, которое осознается говорящим как красивое. Положительная эстетическая оценка также усиливается контекстом, за счет единицы *shining* (*shine –to produce bright light* [Longman 2005: 1514]). В примере (11)

единица *sea* также задействована в передаче положительной эстетической оценки.

Для передачи этической оценки используются единицы ландшафтной лексики, служащие средством концептуализации характеристики большого объёма:

12. *People are so nice here. Their sincere attitude feels like the ocean of kindness* [BNC].

13. *"Did I look nervous?" he asked her. She thought for a moment. "Not really. You looked like a performer." He laughed. "I was shaking like a baby rabbit. I've never had so many people looking at me, you know. Girls and stuff. You get up there and they're bearing down on you with their soft Bambi eyes. It killed me. I didn't want to leave. It was like an ocean of generosity."* [CoCA].

14. *So what if some don't love you*

That just means they do not know your heart

Is like the deepest ocean

Full of kindness and compassion [Sinead O'Connor, "Angel"].

В приведённых примерах оценочные смыслы ландшафтной лексики обращены к сфере межличностных взаимоотношений людей, этических качеств человека и выражают положительную этическую оценку.

Е.М. Вольф различает эмоциональные и рациональные оценки. Эмоциональная оценка представляет собой непосредственную реакцию на объект и базируется на индивидуальных, иногда ситуативных стереотипах, содержащихся в представлении конкретного говорящего. Значение рациональной оценки стремится освободиться от временных рамок. Экспрессивность рациональной оценке не свойственна, в отличие от эмоциональной. Она также отмечает, что эмоциональная оценка в языке часто переплетается с рациональной, т.к. язык всегда предполагает рациональный аспект [Вольф 2002: 39-40]. По мнению В.И. Шаховского, эмоциональность и оценка неразрывно связаны друг с другом [Шаховский 2008].

Ландшафтная лексика современного английского языка передает рациональную и эмоциональную оценки. Это в большей степени определяется действием когнитивного механизма, на основе которого формируется смысл. Если в основе формирования смысла лежит механизм концептуальной метонимии, то такая оценка будет в большей степени рациональной, т.к. происходит соотнесение определенной характеристики, приписываемой ландшафту, с человеком в пределах одной концептуальной области, образуется межконцептуальная связь на основе смежности и такое соотнесение концептов будет являться более логичным. При формировании смыслов на основе механизмов концептуальной метафоры и сравнения и установления связей между двумя концептуальными областями на основе сходства будут задействованы процессы ассоциирования, и оценочный смысл будет приобретать эмоциональную составляющую. Особенно наглядно это проявляется при формировании смыслов на базе концептуального сравнения при активизации сразу нескольких концептуальных признаков, например:

15. *They stare down at the City – like an ocean of small lights* [CoCA].

16. *Her hair flowed long and smooth as a river of onyx down her back* [CoCA].

17. *She had only to let her imagination bloom to have the music they would write flow like a river through her head* [CoCA].

Каждая единица английской ландшафтной лексики выступает средством концептуализации определенных характеристик в языке. Формируя оценочные смыслы на базе механизма концептуальной метафоры и выбирая для передачи смысла конкретную единицу ландшафтной лексики, говорящий, по сути, выбирает конкретный способ концептуализации характеризуемого объекта или явления. Так, выражая такой смысл, как “*ocean of space*”, говорящий концептуализирует характеристики пространства, его размер, объём именно через характеристики концепта *ocean*, репрезентируемого в языке соответствующей единицей, а не через другие концепты, которым также присуща характеристика довольно большого размера, объёма (например, *lake*,

river и др.). В этом выборе присутствует видение говорящего, его субъективность, выраженная в языке. Следовательно, оценочные смыслы, сформированные на основе механизма концептуальной метафоры, несут в себе большую эмоциональность по сравнению со смыслами, сформированными на базе метонимии.

Таким образом, единицы ландшафтной лексики современного английского языка передают общеоценочные смыслы и различные типы частной оценки в зависимости от особенностей сочетания концептов в процессе концептуальной деривации, действия того или иного когнитивного механизма, концептуальной области, к которой обращен оценочный смысл.

О том, какие концептуально-тематические области могут быть описаны при помощи оценочных смыслов ландшафтной лексики современного английского языка, речь пойдёт в следующем параграфе.

7. Концептуально-тематические области, описываемые при помощи оценочных смыслов ландшафтной лексики современного английского языка

Передаваемые английской ландшафтной лексикой оценочные смыслы могут описывать объекты и явления, принадлежащие разным концептуально-тематическим областям. Как отмечает Н.Н. Болдырев, и выше об этом уже говорилось, всё многообразие концептов условно можно свести к ограниченному числу концептуальных или тематических областей, таких как: ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЖИВОТНЫЙ МИР, АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ и т.д. [Болдырев 2013б: 15]. Оценочные смыслы ландшафтной лексики могут описывать объекты, явления, принадлежащие всем выделенным областям. Так, например, ландшафтная лексика передает смыслы, характеризующие человека и различные аспекты его жизни и деятельности. Оценочные смыслы, описывающие данную область, формируются при использовании единиц ландшафтной лексики, обозначающих земные

(mound, slope, hill, mountain, forest, wood, jungle, plateau, spinney, thicket, bog, swamp, morass), водные (sea, ocean, lake, current, creek, stream, waterfall, cascade, midstream, gulf, puddle, whirlpool), пограничные (island, shore), городские (highway, crossroads, boulevard, alley) ландшафты на основе таких концептуальных характеристик ландшафтов, как размер, объём, например:

1. *Cookie decided to teach herself Russian, because, after all, it wasn't the language's fault that Gilbert was born there; it was the tongue of Tolstoy, of Dostoevsky and Chekhov, writers deep as the sea who knew all there was to know about life [BNC].*

2. *A mountain of research has shown that the population of a species is commonly limited by shortages of resources in a density-dependent manner; the larger the population the greater the shortage and the more marked the effects of starvation [BNC].*

3. *One time, even, Pete looked down to where P.J. sat and noticed that, in a sea of laughter, everybody at his table was only smiling, knowingly. «The little son-of-a-gun had already told all my best stories; Pete says chortling [CoCA].*

4. *What she needed was to sleep, and she tried to suppress the great mountain of self-pity that threatened to swamp her [BNC].*

Во всех приведенных примерах оценочные смыслы ландшафтной лексики описывают определенную часть концептуальной области ЧЕЛОВЕК: в примере (1) представлена характеристика внутренних качеств человека, глубины ума, мышления и знания русских писателей за счет использования механизма концептуального сравнения и сопоставления глубины мышления и глубины ландшафтного объекта, в примере (2) – значительный результат человеческой деятельности благодаря соотнесению с характеристикой большого размера концепта *mountain*, в примерах (3-4) оценочный смысл соотносится с областью проявления человеческих эмоций за счет использования механизма концептуальной метафоры, характеризуется сила проявления эмоций, их объём. В основе оценочных смыслов (3-4) также лежат характеристики больших объемов, размеров концептов *sea, mountain*.

Также оценочные смыслы, описывающие концептуальную область ЧЕЛОВЕК, формируются на основе характеристики протяженности в пространстве:

5. White-blond hair like a river of silk cascaded over me as he bent to kiss me [CoCA].

6. In the meantime, that river of mourners continues to move through Rome's streets, flowing into St. Peter's Basilica [CoCA].

7. From deep under the openings of papyrus, the sewn-shut eyes of the old woman could be seen, with a hidden creek of vision between the lids [CoCA].

Оценочные смыслы в примерах (5), (6) основаны на характеристиках большого объема и протяженности, вытянутости в пространстве концепта *river*. В примере (5) описывается прическа, объем и длина волос человека, которые дополнительно подчеркиваются про помощи конструкции *cascaded over me* (*cascade – to flow, fall, or hang down in large quantities* [Longman 2005: 227]). В примере (6) характеристика протяженности концепта *river* соотносится с длинным потоком людей,двигающимся сквозь улицы, за счет механизма концептуальной метафоры. В примере (7) в основе оценочного смысла лежит характеристика узости и вытянутости в пространстве объекта *creek* (*creek - a long narrow area of water that flows from the sea into the land* [Longman 2005: 369]). Концептуализация данного объекта происходит при помощи когнитивной схемы «прямая линия». Данные пространственные характеристики за счет механизма концептуальной метафоры сопоставляются с частью лица человека, с узким просветом между закрытыми веками.

Такие характеристики, как особенности поверхности ландшафта, твердость горной породы также ложатся в основу оценочных смыслов, например:

8. Then, I sensed Jeena's presence, solid as the mountain she had been dragging along through space [CoCA].

9. He was built like a mountain [BNC].

В примере (8) такое качество объекта *mountain*, как твердость рельефа, соотносится с настроением человека за счет механизма концептуального сравне-

ния, таким образом, описывается решительность человека. В примере (9) в основе оценочного смысла лежат характеристики большого размера и твердости рельефа концепта *mountain*, которые сопоставляются с внешностью человека, описывается крепкое телосложения человека.

Оценочные смыслы, описывающие вышеназванную концептуальную область, также формируются на основе характеристики наличия определенной растительности в виде множества однотипных объектов, свойственной некоторым концептам ландшафтов, например:

10. *And you journey with them through the forest of decisions that they end up having to make* [CoCA].

11. *However, it is that very centrality that results in a jungle of expectations* [CoCA].

12. *Hawkins shook a ropy forest of braids away from his face* [CoCA].

В примерах (10), (11) смыслы, формируемые на основе характеристики наличия густой растительности концептов *forest, jungle*, соотносятся с областью ментальной деятельности, психологии человека, формируя смыслы наличия множества вариантов решений, множества ожиданий. В примере (12) смысл, создаваемый на основе данной характеристики, описывает внешность человека, его прическу. Формирование данных смыслов происходит за счет когнитивного механизма концептуальной метафоры, а их выражение в языке осуществляется за счет языкового механизма сочетаемости единиц ландшафтной лексики со словами, относящимся к другим лексическим категориям.

Оценочные смыслы также формируются на основе характеристик формы ландшафтов, особенностей расположения в пространстве, расположения выше уровня земной поверхности, например:

13. *Before they turn to walk away, James puts the palm of his hand against the slope of her belly. He says, "Your eyes are a beautiful color in this light" He says, " Blue amber eyes. "* [CoCA].

14. *I put my palm against the hard hill of her belly and felt the kicks of the child she carried within [CoCA].*

15. *The hill of her biceps [CoCA].*

16. *Weakly, Marina pushed herself up on her elbows, looked past the white hill of her knees and saw the crib [CoCA].*

В примере (12) смысл формируется на основе характеристик формы и возвышения над уровнем земной поверхности, присущих объекту *slope* (*slope* – a piece of ground or a surface that slopes; if the ground or a surface slopes, it is higher at one end than the other [Longman 2005: 1557]). Смысл создается на основе использования когнитивного механизма концептуальной метафоры и языкового механизма сочетаемости единиц, принадлежащих разным лексическим категориям. В примерах (14-15) в основе смысла также лежит характеристика возвышения над уровнем земной поверхности, присущая объекту *hill*; данные смыслы описывают участки тела человека, возвышение одного участка тела над другим. В примере (16) в основе смысла лежит не только характеристика возвышения, но и особенности формы объекта *hill*: согнутые колени лежащего на спине человека несколько напоминают холм по форме.

Характеристика определенного характера движения воды в водоемах также используется для формирования смыслов, описывающих человека или определенные области его жизни, например:

17. *God answers those cries in the river of life for all who thirst, in the tree of life for the world [CoCA].*

18. *Silently she hurried past and submerged herself in the stream of students heading for the lockers [CoCA].*

19. *Singing voices cascaded from the high arches like a waterfall of compassion: et lux perpetua luceat eis [CoCA].*

20. *Even as he told himself this, though, something heavy fell over him and he struggled to breathe, swept away in the current of his own violent thoughts [CoCA].*

В примере (17) движение потока воды в реке сопоставляется с движением, с круговоротом жизни. В примере (18) характеристика стремительного движения воды, свойственная объекту *stream*, соотносится с движением толпы студентов за счет использования механизма концептуальной метафоры. В примере (19) в основе формирования смысла лежат характеристики объема, расположения на высоте и падения воды с высоты, присущие объекту *waterfall*: звуки голосов доносились сверху, опускались волной на слушающего человека. В примере (20) в основе оценочного смысла лежит характеристика стремительного движения воды, присущая объекту *current* (*current – a strong movement of water in one direction* [Macmillan Dictionary Online]), которая соотносится с быстрой работой мышления за счет использования когнитивного механизма концептуальной метафоры.

При формировании смыслов, описывающих концептуальную область ЧЕЛОВЕК, могут также быть задействованы дополнительные характеристики концептов ландшафтов, например, цветовые, звуковые характеристики:

21. *Her eyes were blue like the ocean* [BNC].

22. *The words had all come pouring out of her in a single cascade of sound, tumbling over each other like a stream over the edge of a waterfall, and now she sank back in her seat exhausted and pale, one hand over her eyes, too appalled by her own confession to look at him* [CoCA].

В примере (21) описывается внешность человека на основе соотнесения характеристики цвета. В примере (22) оценочный смысл строится на основе характера течения и звуковой характеристики водопада: подобно потоку водопада, с силой и шумом бегущему по камням, слова вырвались из героини и, казалось, обрушились в воздухе.

Оценочные смыслы, описывающие концептуальную область ЧЕЛОВЕК, также формируются на основе характеристики удаленного, изолированного расположения пограничных ландшафтов:

23. *While not exactly a suite at a five star hotel, it offered a small island of quiet and privacy* [CoCA].

24. *She had found her island of happiness and would never swim away from it* [BNC].

25. *And yet the implications of the idea – ocean-size, icy-cold - touched at the shore of his mind, and he felt an appalling fear, old and familiar* [CoCA].

В примере (23) оценочный смысл, сформированный на основе характеристики изолированного расположения объекта *island* (*island – a piece of land that is completely surrounded by water* [Macmillan Dictionary Online]), описывает состояния, которые человек может испытать в определенном месте, где он будет огражден от прочих событий, происходящих в мире. В примере (24) речь идет о том, что героиня нашла своё счастье в чем-то, это сделало ее жизнь особенной, отделило ее от происходящего извне. В примере (25) оценочный смысл основан на характеристике пограничного расположения объекта *shore*, расположения перед другим ландшафтом – водным (*shore – the land that is on the edge of a lake, river, or sea* [Macmillan Dictionary Online]). Смысл фразы “The implications of the idea <...> touched at the shore of his mind <...>” может быть интерпретирован следующим образом: следствия идеи едва поселились в сознании человека, едва проникли в его мышление и еще не успели проникнуть глубже, укорениться. В приведенных примерах смыслы формируются на основе механизма концептуальной метафоры, а на языковом уровне получают выражение за счет механизма сочетаемости единиц ландшафтной лексики и других единиц, обозначающих, в частности, состояния (*quiet, privacy, happiness*), сознание человека (*mind*).

Единицы, называющие городские ландшафты, передают оценочные смыслы, сформированные на основе концептуальных характеристик размера, расположения в пространстве, а также иногда характеристики функции, например:

26. *He thought perhaps all lying would now be over because he was about to rush along the highway to success, fame and fortune* [BNC].

27. *He has, indeed, come to the crossroads of his taekwondo career* [BNC].

28. *We deal with other fears every day, keeping the big one at bay, but when death comes, it wipes away all fears, as it wipes away everything. It's the impassable wall at the end of every alley of life, the nasty finish that awaits every human joyride. Nasty thoughts indeed as Antonia and I board the Long Island Rail Road for a trip out to Sandy Pointe Village* [CoCA].

Единица *highway* определяется как “a wide road built for fast travel between towns and cities” [Macmillan Dictionary Online]. В основе оценочного смысла в примере лежит характеристика функции объекта *highway*. Фразу “*The highway to success, fame and fortune*” можно интерпретировать как быстрое продвижение к желанному успеху, славе и благосостоянию, что на языковом уровне подчеркивается за счет словосочетания “to rush along” (rush – to move very quickly, especially because you need to be somewhere very soon [Longman 2005: 1445]). В примере (27) в основе оценочного смысла лежит характеристика особенностей пространственного расположения объекта *crossroads*: расположения на пересечении двух дорог (crossroads – a place where two roads meet and cross each other [Longman 2005: 376]). Данный оценочный смысл описывает поворотный момент карьеры человека, момент выбора за счет соотнесения пространственных характеристик ландшафта с областью карьеры человека на базе механизма концептуальной метафоры. В примере (28) в основе смысл лежит характеристика протяженности объекта *alley* (alley - a narrow street or passage between or behind buildings [Macmillan Dictionary Online]). За счет использования механизма концептуальной метафоры характеристика протяженности в пространстве ландшафта сопоставляется с протяженностью человеческой жизни во времени.

Оценочные смыслы английской ландшафтной лексики также соотносятся с концептуально-тематической областью ПРИРОДА. Оценочные смыслы, характеризующие данную область, передаются единицами ландшафтной лексики, которые являются средством концептуализации характеристик размера, объема, движения, протяженности в пространстве. Это единицы, называющие наземные ландшафты (mountain, plain, wilderness, jungle), природные

водные ландшафты (sea, ocean, river, waterfall), пограничные ландшафты (island). В данном случае оценочные смыслы формируются на основе когнитивных механизмов концептуальной метафоры и сравнения. При описании концептуально-тематической области ПРИРОДА средствами ландшафтной лексики устанавливаются межкатегориальные связи внутри одной области.

Так, в основе оценочных смыслов, описывающих концептуальную область ПРИРОДА, лежат характеристики объема, размера ландшафтов, протяженности в пространстве, например:

29. *The vast heath stretched away like a sea, beyond this one wide street* [BNC].

30. *At the foot of the high country is a stretch of wiry grass, beyond which lies the rainless desert as far as the sea* [CoCA].

31. *A storm as wide as the horizon. Maybe as wide as the sea* [CoCA].

32. *Haunted by dreams of their lost past and nightmares of a frightening future, the pair journey through a barren wilderness of failed crops and withered vegetation, a forsaken landscape dotted with the monstrous ruins of human habitation* [CoCA].

33. *"See those mountains in the distance?" he asked as we sped past a sandy plain of dunes and mesquite shrubs* [CoCA].

В примерах (29-30) формы наземных ландшафтов *heath*, *desert* характеризуются как большие по размеру, протяженные в пространстве благодаря переносу на них размерных характеристик объекта *sea*. В примере (31) характеризуется размах, сила природного явления посредством сопоставления с характеристикой большого, необъятного размера и мощи объекта *sea* на основе механизма концептуального сравнения. В примерах (32-33) участки растительности и дюн характеризуются как большие за счет сопоставления их с размерными характеристиками объектов *wilderness* и *plain* на базе механизма концептуальной метафоры.

Оценочные смыслы, описывающие тематическую область ПРИРОДА, формируются и за счет других пространственных характеристик ландшафтов, например:

34. *Now a large mountain of ice stood in their path [CoCA].*

35. *She started walking down the lane, wincing in the sunlight, lowering her head between one island of shade and the next [CoCA].*

В примере (34) в основе оценочного смысла лежит не только характеристика большого размера объекта *mountain*, но и характеристика высоты, вертикального расположения в пространстве. В примере (35) в основе смысла лежит характеристика изолированного расположения объекта *island*, передается смысл расположенных изолированно, на определенном расстоянии друг от друга участков тени в пространстве.

Оценочные смыслы, описывающие концептуальную область ПРИРОДА, могут также формируются на основе характеристики движения воды в водоемах, например:

36. *<...> a story Grandmother told me, I felt it a duty to teach my little brothers what was being taught me, but they only wanted to hear more stories of wandering ghosts, and there were mosquitoes and fireflies in the tent and the smell of the forest, and suddenly it began to rain, a waterfall of rain came through the trees, collapsing the tent and sending a river down on our heads, and Badooiki ran around barking and we laughed and collected the wet quilts and ran and Badooiki barked and followed us into the house and he was so wet <...> [CoCA].*

37. *A river of cold air fountained into the hold, drenching everybody in sudden condensation [BNC].*

38. *The morning we chose to pack our four wheel drive Ford and go from Las Galeras to Saman City, the sky was as vibrant as the sea [CoCA].*

В примере (36) сила падения воды в водопаде сопоставляется с силой внезапно обрушившегося дождевого потока. В примере (37) смысл формируется на основе характеристики движения потока воды, свойственной концепту *river*, которая соотносится с движением потока воздуха за счет использо-

вания механизма концептуальной метафоры. В примере (38) такая характеристика объекта *sea*, как небольшое движение волн на ветру, сопоставляется с восприятием неба: по мере того, как люди едут на машине на достаточной скорости, небо представляется немного «перемещающимся». Данные смыслы передаются в языке за счет механизма сочетаемости единиц ландшафтной лексики с другими лексическими единицами

Дополнительные характеристики концептов ландшафтов также могут лежать в основе смыслов, описывающих концептуальную область ПРИРОДА, например:

39. *A sky exactly as gray as the sea has closed down around us* [CoCA].

В данном примере смысл основан на сопоставлении цветовой характеристики моря в конкретный момент времени и неба.

Оценочные смыслы, формируемые английской ландшафтной лексикой, применимы к концептуально-тематической области ЖИВОТНЫЙ МИР. Смыслы, описывающие данную концептуальную область, как правило, передаются единицами ландшафтной лексики, называющими водные ландшафты (*stream, sea*), и формируются на основе таких характеристик ландшафтов, как объем, размер, особенности движения воды, например:

40. *Some bats can send out a stream of two hundred clicks in a single second, each lasting only a thousandth of a second and spaced sufficiently from the other to allow each echo to be heard* [BNC].

41. *The action was as good as it gets, and any shooter who didn't bag a 12-dove limit could only blame his shotgunning ability for a light bird belt. It was as steady a stream of birds as on some of the Mexico whitewing hunts I've experienced* [CoCA].

42. *The telltale sign is the splatter of pink and silver insects on our windshield. We just have to get out and wade into this sea of insects* [CoCA].

43. *Years of boyhood reading about Arctic explorers and the great wildlife spectacles they'd chronicled had teased me and finally lured me here, as had dreams of witnessing the annual sea of animals that washes across the tundra,*

turning the land gray-brown as the massive herd follows its ancient, instinctual callings [CoCA].

В примере (40) в основе формирования смысла лежит характеристика активности движения объекта *stream*, формируется смысл быстроты, активности сигналов, посылаемых некоторыми видами летучих мышей. В примере (41) смысл формируется на основе характеристики движения воды по прямой линии объекта *stream*; птицы летели одна за одной, что подчеркивается на языковом уровне прилагательным *steady* (*steady – continuing <...>* [Longman 2005: 162]). В примерах (42-43) смысл формируется на основе характеристики больших размеров объекта *sea*, передаются смыслы большого количества насекомых, животных.

Концептуальная область ОБЩЕСТВО или отдельные её части также характеризуются средствами ландшафтной лексики. Оценочные смыслы в данном случае передаются за счет использования единиц, называющих природные водные ландшафты (*stream, river, current, waterfall, whirlpool, sea, ocean*) на основе характеристик движения воды, объема; единиц называющих пограничные ландшафты (*island*) на основе характеристик размера, расположения в пространстве и единиц, репрезентирующих городские ландшафты (*crossroads*) на основе признака особенностей расположения в пространстве. В следующих примерах в основе оценочных смыслов лежат характеристики движения воды в водоемах, которые переносятся на область общественных событий и описывают их ход:

44. *During the 1980s, as the economy boomed, banks dished out substantial loans to all and sundry and enthusiastic entrepreneurs launched an endless stream of new companies, the venture capital industry became firmly established [BNC].*

45. *The fast river of revolution swept all that people had before [BNC].*

46. *I'm not saying we don't want stability. We do. But our understanding of stability is very different from communist officials. We want a calm river of so-*

ciety that continually flows. The part officials' idea of stability is a dead body of water. Eventually it starts to stink [CoCA].

В данных примерах оценочные смыслы ландшафтной лексики характеризуют явления в различных сферах жизни общества: в экономической и политической сферах соответственно, процесс развития общества в целом. Характеристики активного движения воды концептов (44-45) ландшафтов сопоставляются со скоростью протекания явлений в жизни общества. В примере (46) характеристика спокойного, размеренного течения реки соотносится с процессом развития общества, формируется смысл желательного постепенного, стабильного процесса общественного развития за счет механизма концептуальной метафоры и языкового механизма сочетаемости различных единиц.

Характеристика объема, размера ландшафтов также задействуется при формировании смыслов, описывающих концептуальную область ОБЩЕСТВО, например:

47. *A conservative island in a sea of liberal bias?* [CoCA].

48. *These differences do not mean that economic historians are cast adrift in a sea of events: they possess the potentially powerful faculty of hindsight, though it can easily be a powerfully deluding one* [BNC].

49. *One hundred years later, the negro lives on a lonely island of poverty in the midst of a vast ocean of material prosperity* [CoCA].

В примере (47) в основе оценочных смыслов лежат относительно малый и большой размер объектов *island* и *sea* соответственно, передается смысл количественного соотношения консервативных и либеральных идей в обществе. В примере (48) смысл множества событий строится на основе характеристики большого размера объекта *sea*. В примере (49) в основе смысла лежат характеристики размеров объектов *island* и *ocean*. На основе механизма концептуальной метафоры данные характеристики сопоставляются с областью материальной обеспеченности различных членов общества, описывается различие в уровне жизни.

Характеристика особенностей расположения в пространстве ландшафтов также ложится в основу смыслов, описывающих концептуальную область ОБЩЕСТВО, например:

50. *At the sociocultural crossroads of powerful economic, political, and racial currents lies the urban public school* [CoSA].

В данном примере в основе в основе смысла лежит характеристика расположения объекта *crossroads* на пересечении дорог. Данная характеристика сопоставляется с областью общественных явлений на основе механизма концептуальной метафоры, формируется смысл существования такого общественного явления, как городская средняя школа, на пересечении нескольких социальных течений.

Оценочные смыслы ландшафтной лексики также относятся к концептуально-тематической области АРТЕФАКТ. Оценочные смыслы, описывающие данную концептуальную область, передаются единицами, обозначающими наземные ландшафты (*mountain, hill, mound, knoll, plateau, valley, canyon, wilderness, forest, wood, spinney*), природные водные ландшафты (*sea, ocean, lake, river, stream, waterfall*). Оценочные смыслы, характеризующие данную область, формируются на основе характеристик размера, объема, особенностей расположения в пространстве, наличия однотипной растительности, движения воды.

Так, зачастую, в основе оценочных смыслов, описывающих концептуальную область АРТЕФАКТ, лежат признаки формы концептов ландшафтов, например:

51. *She was surrounded by a mound of gifts, ranging from an expensive sweater from her parents to a small packet of sweets from her youngest nephew* [BNC].

52. *In the backyard was a raggy hill of garbage* [CoSA].

Смыслы, описывающие данную концептуальную область, формируются также на основе характеристики размеров ландшафтных объектов, например:

53. *A mountain of bundles* [BNC].

54. *They seemed to have made no progress in the mountain of things yet to be sold* [CoCA].

55. *But what may seem like an ocean of tickets for the average fan is actually something like an Olympic-sized pool* [CoCA].

56. *On every hand was a wilderness of balconies, of verandas, of minarets, of shrines, and fantastically carved oriels* [CoCA].

В основе оценочных смыслов в предложениях (53-56) лежат характеристики большого размера объектов *mountain, ocean, wilderness*. За счет механизма концептуальной метафоры и сопоставления с областью артефактов формируются смыслы большого количества артефактов.

Смыслы для описания концептуальной области АРТЕФАКТ также формируются на основе признака определенного расположения в пространстве:

57. *Fifty years ago it was a stately parade of Beaux-Arts hotels and apartment houses that would very likely be preciousy conserved today. Now it is a canyon of corporate boxes, with their own charms for the Modernists* [CoCA].

Смысл расположения зданий в длину и по обеим сторонам улицы в данном случае сформирован на основе характеристик объекта *canyon* (*canyon – a deep valley with very steep sides of rock that usually has a river running through it* [Longman 2005: 216]).

Наличие большого количества однотипной растительности является еще одной характеристикой, на базе которой формируются смыслы, описывающие концептуальную область АРТЕФАКТ:

58. *Around them, the moon rocks have been carved into a forest of skyscrapers and half-licked Tootsie pops* [CoCA].

В данном примере на основе вышеуказанной характеристики формируется смысл довольно большого количества однотипных объектов, расположенных рядом. Для формирования смысла используется механизм концепту-

альной метафоры, для передачи – механизм сочетаемости единиц разных лексических групп.

В основе формирования смыслов для описания данной концептуальной области также могут быть характеристики движения воды в водоеме и особенности расположения водного ландшафта относительно земного, например:

59. *From her right ear there dangled a long silver cascade of tiny orbs* [BNC].

Для формирования данного смысла задействованы характеристики расположения водопада поверх земного ландшафта и соответствующего движения воды в водопаде сверху вниз. Подобно этому движению, длинная сережка в ухе героини спускалась от мочки уха ниже.

Концептуально-тематическая область ПРОСТРАНСТВО также характеризуется при помощи оценочных смыслов ландшафтной лексики. Они передаются единицами, называющими природные водные (sea, ocean, lake), пограничные (island) ландшафты, формируются на основе размерных характеристик концептов ландшафтов, особенностей расположения ландшафтов в пространстве, например:

60. *Next morning the whole village was nothing but an island in a lake of rain* [BNC].

61. *There's a plenty of space in this office, an ocean of square metres* [BNC].

62. *Across the gorge, an archipelago of pastel-colored buttes and temples rise from an ocean of space stretching some 20 miles to the canyon's North Rim* [CoCA].

В приведенных примерах оценочные смыслы, передаваемые единицами ландшафтной лексики, используются для описания различных типов пространства: в примере (60) – для описания антропогенного ландшафта (изначально природного, но преобразованного человеком), в примере (61) – для описания пространства офиса, созданного человеком, в примере (62) –

для описания природного пространства. В примере (60) в основе смысла лежит характеристика изолированного расположения и относительно небольшого размера объекта *island* относительно размера объекта *lake*. В примерах (61-62) в основе смыслов лежит характеристика большого объема объекта *ocean*.

Оценочные смыслы ландшафтной лексики относятся к концептуально-тематической области ВРЕМЯ. Они формируются на основе характеристик объема, размера природных водных ландшафтов (*sea, ocean, river, stream, current*), либо движения воды в водных ландшафтах, например:

63. *River of time* [BNC].

64. *The stream of time flows on, as it always has and always will* [CoCA].

65. *First of all, that one second isn't a second at all, it stretches on forever, like an ocean of time...* [CoCA].

66. *An ordinary thought -- and she felt a timid swirl of resentment, because she had been having more of these small pleasures lately, coming upon them like green atolls in the endless gray sea of days, and she wondered now if she had left them behind again* [CoCA].

67. *So what I had in mind was, sort of metaphorically, the sea of time separating the world that we know from the world of imagination* [CoCA].

В примерах (63-64) характеризуется течение, движение времени, в примерах (65-67) – его объём, большое количество за счет переноса характеристик значительных объёмов объектов *sea, ocean* на область времени. Подобные метафоры являются достаточно распространёнными в английском языке.

Таким образом, оценочный потенциал ландшафтной лексики современного английского языка достаточно широк. Единицы ландшафтной лексики реализуют свой оценочный потенциал, проявляя способность характеризовать большинство концептуально-тематических областей, таких как:

ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЖИВОТНЫЙ МИР, АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ.

Для передачи смыслов, описывающих концептуальную область ЧЕЛОВЕК, используются единицы ландшафтной лексики, относящиеся к большинству выделенных категорий ландшафтной лексики: наземные, водные, пограничные, городские ландшафты. Концептуальная область ПРИРОДА описывается единицами ландшафтной лексики, называемыми водные, наземные и пограничные ландшафты. Формирование смыслов для характеристики данной области осуществляется на основе признаков объема, движения воды, протяженности в пространстве водных ландшафтов и размера и особенностей расположения наземных и пограничных ландшафтов.

Концептуальная область ЖИВОТНЫЙ МИР описывается при помощи оценочных смыслов, передаваемых единицами, называемыми природные водные ландшафты, на основе характеристик размера, объема и движения воды водных ландшафтов. Концептуально-тематическая область ОБЩЕСТВО характеризуется при помощи единиц, называемых природные водные, пограничные и городские ландшафты. В основе оценочных смыслов в данном случае лежат характеристики объема и движения воды водных ландшафтов, размера и особенностей расположения пограничных ландшафтов и особенностей расположения в пространстве городских ландшафтов.

Для описания концептуальной области АРТЕФАКТ используются единицы, называемые наземные и водные ландшафты. Формирование смыслов осуществляется на основе характеристик объема и размера водных ландшафтов и формы, размера, расположения в пространстве, наличия большого количества однотипной растительности наземных ландшафтов. Концептуальная область ПРОСТРАНСТВО описывается при помощи единиц, называемых водные и пограничные ландшафты, на основе характеристик размера и особенностей расположения в пространстве. Концептуально-тематическая область ВРЕМЯ характеризуется, преимущественно, при по-

мощи единиц, репрезентирующих природные водные ландшафты, на основе концептуальных характеристик объема и движения водных ландшафтов.

Для описания концептуальных областей ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА используются оценочные смыслы, сформированные на основе дополнительных, перцептивных характеристик ландшафтов (цвет, звук) совместно с основными концептуальными характеристиками ландшафтов. Наибольшим оценочным потенциалом по отношению к рассмотренным концептуально-тематическим областям обладают единицы, называющие природные водные, наземные и пограничные ландшафты. Единицы, репрезентирующие городские ландшафты, передают оценочные смыслы, описывающие концептуальные области ОБЩЕСТВО и ЧЕЛОВЕК. Наименьшим оценочным потенциалом обладают единицы, репрезентирующие водные антропогенные ландшафты.

Выводы по Главе II

Исследование категоризации ландшафтов и оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке позволило сделать следующие выводы:

1. Категории ландшафтной лексики в английском языке строятся на основании логического, инвариантно-вариантного принципа. Инвариантами категорий ландшафтной лексики являются единицы “*area of land*” и “*area of water*”, которые являются наиболее общими значениями единиц исследуемой в настоящей работе лексики. Данные единицы являются интегральными компонентами значения всех изучаемых единиц, они также задают область категоризации. На основании данных инвариантных значений выделяются наиболее общие категории единиц ландшафтной лексики: *Area of Land* и *Area of Water*, внутри которых выделение подкатегорий основано на различных характеристиках концептов ландшафтов.

2. Категоризация ландшафтов и оценочный потенциал ландшафтной лексики в современном английском языке определяются концептуальными характеристиками ландшафтов. В ходе исследования было выявлено, что основными характеристиками концептов наземных ландшафтов являются: *участок земной поверхности, определенный размер, ровная поверхность/горный рельеф, наличие определенной растительности, вертикальное/горизонтальное положение, расположение выше/ниже уровня земной поверхности, определенная форма, расположение на границе с водным ландшафтом, характеристики почвы, присутствие человека*. Для концептов водных ландшафтов основными характеристиками являются: *водная поверхность, определенный размер, объём, протяженность в пространстве, форма, определенное расположение по отношению к земному ландшафту, характер течения воды, перцептивные характеристики, присутствие человека*. Выделенные характеристики определяют дальнейшую субкатегоризацию в рамках названных категорий.

3. Категоризация ландшафтов в современном английском языке осуществляется на трёх уровнях: базовом, суперординатном и субординатном. Отнесение единиц ландшафтной лексики к базовому уровню осуществляется на основании критериев гештальтности восприятия, морфологической простоты, стилистической нейтральности, максимальной концентрации знания об элементах категории на данном уровне, широкой сочетаемости и этимологического критерия исконно германского происхождения. Представляется возможным выделение уровня, переходного между базовым и субординатным, в случае, если единицы ландшафтной лексики удовлетворяют лишь части критериев базового уровня. Отнесение лексических единиц к субординатному и суперординатному уровню основано на критерии степени обобщения или конкретизации тех или иных характеристик соответственно.

4. Основу оценочного потенциала ландшафтной лексики в современном английском языке составляют перечисленные в п.2 характеристики концептов ландшафтов. При соотнесении этих характеристик по отдельности либо в определенной комбинации с другой концептуальной областью происходит образование оценочного смысла. Периферийно оценочный потенциал английской ландшафтной лексики также определяют дополнительные, проявляющиеся на функциональном уровне характеристики концептов ландшафтов, описывающие цвет, запах, звук, характер поверхности, температуру, состояние ландшафта на данный момент. Эти характеристики формируют оценочный смысл совместно, в дополнение к основным характеристикам оценочного потенциала. Наибольшим оценочным потенциалом обладают единицы базового уровня и переходного уровня между базовым и субординатным. Это обусловлено количеством характеристик, находящихся на разных уровнях категоризации. На базовом уровне сосредоточено большинство характеристик категории. Количество характеристик определяет количество возможных оценочных смыслов.

На субординатном уровне располагается меньшее количество характеристик категории, и единицы, принадлежащие данному уровню, обладают

меньшим оценочным потенциалом. В оценочной функции используются как морфологически простые (mound, gulf, knoll, jungle, alley, creek), так и морфологически сложные (cascade, midstream, savannah, precipice, archipelago, backwater, tableland, quagmire) единицы субординатного уровня, обладающие стилистической нейтральностью. Единицы суперординатного уровня репрезентируют абстрактное знание и, вследствие этого, не обладают оценочным потенциалом.

5. Формирование оценочных смыслов ландшафтной лексики происходит за счет процесса концептуальной деривации и определенных когнитивных механизмов: профилирования, концептуальной метонимии, метафоры, метафтонимии, концептуального сравнения. Когнитивные механизмы могут быть совмещены друг с другом и встречаться в различных комбинациях. Профилирование задействовано во всех случаях формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики, также распространены случаи совмещения когнитивных механизмов: метонимия + метафора (метафтонимия) (*the sea of hands*), сравнение + метафора (*Her hair flowed long and smooth as a river of onyx down her back*), сравнение + метонимия (*You do smell like a meadow*). При образовании оценочного смысла и сопоставлении концепта ландшафта с концептом из другой области происходит образование межконцептуальных связей: связи на основе сходства в случае задействования механизмов концептуальной метафоры и сравнения, связи на основе смежности в случае задействования концептуальной метонимии. Основными языковыми механизмами выражения оценочных смыслов ландшафтной лексики являются номинация, развитие полисемии, сочетаемость единиц ландшафтной лексики с другими единицами, использование конкретных синтаксических структур, сравнительных конструкций.

6. Единицы ландшафтной лексики периферийно, в своих оценочных функциях входят в такие оценочные категории, как: BIG AMOUNT, SMALL AMOUNT, FAST MOVEMENT OF OBJECTS, LONG FORM, ROUND FORM, HILL-LIKE FORM, SALTY OBJECTS, OBJECTS MOVING REPEATEDLY,

HARDENED CHARACTER, THE PECULIARITIES OF POSITION IN SPACE (HIGH, LOW), DANGEROUS SITUATION. Выделенные оценочные категории включают в первую очередь слова соответствующей семантики: big, small, long, fast, many, little, salty, moving, round, hill-like, hard, high, low, dangerous. Единицы ландшафтной лексики входят в данные оценочные категории как непрототипические элементы, в своих вторичных значениях. Оценочная концептуализация тех или иных характеристик с помощью ландшафтной лексики также осуществляется при помощи когнитивных схем «вместилище» (с очерченными границами и без), «прямая линия».

7. Единицы ландшафтной лексики современного английского языка могут формировать и передавать общеоценочные смыслы и различные типы частной оценки (психологическая, эстетическая, этическая, эмоциональная, рациональная оценки) в зависимости от особенностей сочетания концептов в процессе концептуальной деривации, действия того или иного когнитивного механизма, концептуальной области, к которой обращен оценочный смысл. Единицы английской ландшафтной лексики реализуют свой оценочный потенциал, проявляя способность характеризовать большинство концептуально-тематических областей, таких как: ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЖИВОТНЫЙ МИР, АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ. Для характеристики концептуальной области ЧЕЛОВЕК используются единицы ландшафтной лексики, относящиеся к большинству выделенных категорий ландшафтной лексики: наземные, водные, пограничные, городские ландшафты. Концептуальная область ПРИРОДА описывается единицами ландшафтной лексики, называемыми природные водные, наземные и пограничные ландшафты на основе признаков объема, движения воды, протяженности в пространстве водных ландшафтов и размера и особенностей расположения наземных и пограничных ландшафтов.

Концептуальная область ЖИВОТНЫЙ МИР характеризуется при помощи оценочных смыслов, передаваемых единицами, называемыми природные водные ландшафты, на основе характеристик размера, объема и движе-

ния воды водных ландшафтов. Концептуально-тематическая область ОБЩЕСТВО описывается при помощи единиц, называющих природные водные, пограничные и городские ландшафты за счет характеристик объема и движения воды водных ландшафтов, размера и особенностей расположения пограничных ландшафтов и особенностей расположения в пространстве городских ландшафтов.

Для характеристики тематической области АРТЕФАКТ используются единицы, называющие наземные и природные водные ландшафты. Формирование смыслов осуществляется на основе характеристик объема и размера водных ландшафтов и формы, размера, расположения в пространстве, наличия большого количества однотипной растительности наземных ландшафтов. Концептуальная область ПРОСТРАНСТВО описывается при помощи единиц, называющих природные водные и пограничные ландшафты, на основе характеристик размера и особенностей расположения в пространстве. Для характеристики концептуальной области ВРЕМЯ используются, преимущественно, единицы, репрезентирующие водные ландшафты, формирование смысла осуществляется за счет концептуальных характеристик объема и движения водных ландшафтов. Для описания концептуальных областей ЧЕЛОВЕК и ПРИРОДА используются оценочные смыслы, сформированные на основе дополнительных, перцептивных характеристик ландшафтов (цвет, звук) совместно с основными концептуальными характеристиками ландшафтов.

Заключение

Ландшафт представляет собой одну из важных областей бытия человека. Человек существует в пространстве, все события и явления также происходят в пространстве, и категория пространства, природного и «очеловеченного», антропогенного, является одной из фундаментальных категорий человеческого бытия, мышления. Этим объясняется внимание исследователей из различных областей знания, обращенное к категории пространства вообще и ландшафту в частности. Являясь фундаментальным понятием для человека, ландшафт, его различные формы находят отражение в языковой картине мира.

То, что категория ландшафтов является фундаментальной для человека, объясняет тот факт, что концепты ландшафтов «прочно» встроены в человеческое сознание, а ландшафтная лексика, репрезентирующая соответствующие концепты, широко используется в современном английском языке: как в номинативной функции, так и активно используется в оценочной функции. Ландшафты являются частью наивной, научной и языковой картин мира. В самом общем смысле, ландшафты подразделяются по типу поверхности (водные и наземные). Осмысление ландшафтов в рамках наивной картины мира основано на характеристиках, получаемых человеком эмпирически, через органы чувств, непосредственное наблюдение объектов действительности и фиксацию в сознании их наиболее явных признаков; категоризация ландшафтов в рамках научной картины мира базируется на теоретическом, специальном знании, доступном специалисту. Язык, будучи универсальным средством отражения действительности, вбирает в себя знания и наивной, и научной картины мира, однако обыденное знание отражено в языковых значениях в большей степени, поскольку обыденное знание приоритетнее для человека, оно играет большую роль в процессах, протекающих в нашем сознании. На основании данных, передаваемых словарными дефинициями, фиксирующими часть содержания концепта, были выделены основные характеристики концептов ландшафтов в современном английском языке. Основны-

ми характеристиками концептов наземных ландшафтов являются: *участок земной поверхности, определенный размер, ровная поверхность/горный рельеф, наличие определенной растительности, вертикальное/горизонтальное положение, расположение выше/ниже уровня земной поверхности, определенная форма, расположение на границе с водным ландшафтом, характеристики почвы, присутствие человека*. Для концептов водных ландшафтов основными характеристиками являются: *водная поверхность, определенный размер, объём, протяженность в пространстве, форма, определенное расположение по отношению к земному ландшафту, характер течения воды, перцептивные характеристики, присутствие человека*. Выделенные концептуальные характеристики определяют категоризацию ландшафтов в современном английском языке и, соответственно, составляют основу оценочного потенциала английской ландшафтной лексики. Изучение примеров употребления единиц ландшафтной лексики на функциональном уровне позволяет выделить дополнительные характеристики концептов ландшафтов, которые периферийно входят в оценочный потенциал английской ландшафтной лексики.

Категоризация ландшафтов в современном английском языке находит отражение в категориях ландшафтной лексики. Формирование категорий ландшафтной лексики в современном английском языке подчиняется общим принципам лексической категоризации и осуществляется на основе инвариантно-вариантного принципа. Категории строятся вокруг инвариантов, слов с наиболее общим значением. Инвариантами категорий ландшафтной лексики являются единицы *“area of land”, “area of water”*, соответственно, категории *“Area of Land”* и *“Area of Water”* являются наиболее общими категориями единиц ландшафтной лексики в современном английском языке. Внутри наиболее общих категорий возможно выделение подкатегорий по признаку природного или антропогенного происхождения ландшафта, и далее выделение различных подкатегорий происходит на основе концептуальных признаков ландшафтов, перечисленных выше.

Категоризация ландшафтов в современном английском языке осуществляется на трёх уровнях: базовом, суперординатном и субординатном. Отнесение единиц ландшафтной лексики к базовому уровню осуществляется на основании соответствия единиц критериям базового уровня: гештальтность восприятия, морфологическая простота, стилистическая нейтральность, максимальная концентрация знания об элементах категории на данном уровне, широкая сочетаемость и этимологический критерий исконно германского происхождения. Выделяется также уровень, переходный между базовым и субординатным, в случае несоответствия единиц ландшафтной лексики всем критериям базового уровня. Отнесение лексических единиц к субординатному и суперординатному уровню основано на критерии степени обобщения или конкретизации тех или иных характеристик.

Ландшафтная лексика современного английского языка обладает богатым оценочным потенциалом. Оценочные смыслы английской ландшафтной лексики – это смыслы, получающиеся в результате интерпретации знания, стоящего за единицами ландшафтной лексики, применительно к другой концептуально-тематической области. Анализ языкового материала показал, что относительно малое количество единиц ландшафтной лексики содержат оценку в своем системном значении (*wasteland, bog, donga, backwoods*). В основном, оценочный потенциал английской ландшафтной лексики реализуется функционально, вследствие процесса концептуальной деривации, сутью которого является взаимодействие концептов и образование новой концептуальной структуры из знания, представленного исходными концептами. В основе формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики лежат определенные когнитивные механизмы: профилирование, концептуальная метонимия, метафора, метафтонимия, концептуальное сравнение. Когнитивные механизмы могут быть совмещены друг с другом и встречаться в различных комбинациях. При формировании оценочного смысла, сопоставлении концепта ландшафта с концептом из другой области происходит образование межконцептуальных связей: связи на основе сходства в случае

задействования механизмов концептуальной метафоры и сравнения, связи на основе смежности в случае задействования концептуальной метонимии. Основными языковыми механизмами формирования оценочных смыслов ландшафтной лексики являются номинация, развитие полисемии, сочетаемость единиц ландшафтной лексики с другими единицами, использование конкретных синтаксических структур, сравнительных конструкций. Фразеологизация также выступает языковым механизмом формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексики.

Единицы ландшафтной лексики входят в оценочные категории размера, формы, движения, расположения в пространстве и некоторые другие оценочные категории в своих вторичных значениях, как непрототипические элементы. Интерпретация оценочных смыслов ландшафтной лексики также опирается на когнитивные схемы «вместилище» (с очерченными границами и без), «прямая линия».

Единицы английской ландшафтной лексики реализуют свой оценочный потенциал, проявляя способность характеризовать большинство концептуально-тематических областей, таких как: ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЖИВОТНЫЙ МИР, АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что ландшафтная лексика современного английского языка не только отражает обыденную картину мира, репрезентируя знание о категориях естественных объектов, но и обладает богатым оценочным потенциалом, что позволяет активно использовать данную лексику для характеристики различных концептуально-тематических областей. Благодаря тому, что концепты ландшафтов и других объектов и явлений, вовлеченные в процесс формирования оценочного смысла, содержат аналогичные характеристики размера, количества, объема, протяженности, характера движения, т.е. те параметры, которые используются в оценке, возможно установление межконцептуальных связей и использование ландшафтной лексики для характеристики разных концептуально-тематических областей.

Перспектива настоящего исследования состоит в дальнейшем изучении оценочного потенциала пространственных концептов. Проведенное исследование также может послужить основой для изучения категоризации и оценочного потенциала различных пространственных и природных концептов на материале разных языков.

Список использованной научной литературы

1. Алексикова Ю.В. Когнитивные основы формирования эвфемизмов в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Алексикова Юлия Владимировна. – Тамбов, 2010. – 161 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта. Теоретическое исследование. – Волгоград: Перемена, 2003. – 96 с.
3. Анисимова И. Н. Языковые особенности пейзажных описаний переводов новелл Ги де Мопассана на русский язык: Дис....канд. филол. наук: 10. 02. 01. – русский язык / Анисимова Ирина Николаевна. – Казань, 2008. – 161 с.
4. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1993. – № 3. – С. 27 – 39.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа языка русской культуры, РАН, 1995. – 472 с.
6. Арсентьева Е.Ф. Когнитивная лингвистика и категория оценки во фразеологии / Арсентьева Л.Н. // Мат-лы 1 Межд. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 26-30 мая 1998 г. в 2 ч. Ч. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1998. – С. 4-5.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
8. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры: Сб.: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз., общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
10. Бабенко Л.Г. Лексикология русского языка. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та им. А.М. Горького, 2008. – 126 с.

11. Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: Монография. – Тамбов-Москва: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2003. – 264 с.
12. Бабина Л.В. Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 128-149.
13. Бабина Л.В., Макарова И.Ю. Словообразовательная категоризация // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: коллективная монография. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 216-237.
14. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
15. Бабушкина О.Н. Оценочная категоризация профессиональной деятельности средствами фразеологии: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02. 19. – теория языка / Бабушкина Ольга Николаевна. – Челябинск, 2010. – 270 с.
16. Барбашова Е.Н. Пейзажно-бытописательские традиции и стиль сибирского рассказа начала XX века: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – русская литература / Барбашова Елена Николаевна. – Красноярск, 2009. – 190 с.
17. Безукладова И.Ю. Местоимение как средство категоризации индивидуального пространства человека // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. – № 4. – С. 30-38.
18. Белау М.Ю. Глагольная таксономическая модель концепта «Самостоятельное перемещение субъекта» в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Белау Максим Юрьевич. – Тамбов, 2009. – 19 с.
19. Беляевская Е.Г. Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. – М.: РАН ИНИОН, 1994. – С. 84-110.

20. Беляевская Е.Г. Принципы когнитивных исследований: проблема моделирования семантики языковых единиц // Когнитивная семантика: Мат-лы II междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: В 2 ч. Ч.1. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – С. 8-10.
21. Беляевская Е.Г. Культурологическая информация в семантике лексических единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. – № 4. – С. 44-50.
22. Бертова Т.С. Способы репрезентации категорий пространства и времени в текстах англо-шотландских народных баллад // Когнитивная семантика: Мат-лы Второй Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: в 2 частях. Ч. 2. – Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2000. – С. 190-192.
23. Богданова О.Ю. Поэтика пейзажа в романах Чарльза Диккенса: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01. 03. – литература народов стран зарубежья (литература стран германской и романской языковых семей) / Богданова Олеся Юрьевна. – Тамбов, 2006. – 260 с.
24. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т.2. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 391 с.
25. Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты. – С.-Петербург: РГПУ, 1994. – 171 с.
26. Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: Дис. ... докт. филолог. наук: 10.02.04. – германские языки / Болдырев Николай Николаевич. – СПб., 1995. – 445 с.
27. Болдырев Н.Н. Функциональный потенциал глагола и его концептуализация в словаре // Связи языковых единиц в системе и реализации: когнитивный аспект. Вып. 2: Межвуз. сб. науч. трудов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 1999. – С. 3-9.
28. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – 123 с.

29. Болдырев Н.Н. Оценка при категоризации и понятие оценочной категоризации // От слова к тексту: Мат-лы докладов Междунар. науч. конф. – Минск / Беларусь, 13-14 ноября 2000. Ч. I. – Минск, 2000а. – С. 10-14.
30. Болдырев Н.Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // Проблемы современной филологии: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1: МГПИ, 2000б. – С. 36-45.
31. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. науч. тр., посвященный Е.С. Кубряковой. – М. – Воронеж: Изд-во ИЯ РАН, ВГУ, 2002. – С. 103-114.
32. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. – № 1. – С.18-36.
33. Болдырев Н.Н., Гаврилова Е.Д. Специфика оценочных концептов и их место в картине мира // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 10. – Саратов: Научная книга, 2004. – С. 55-60.
34. Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр., посвященный юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С.16-39.
35. Болдырев Н.Н. Прототипический подход: проблемы метода // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2006. – С.34-39.
36. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. – № 4. – С. 17-27.
37. Болдырев Н.Н. Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 25-37.
38. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: кол. моногр. – М.:

- Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С.25-77.
39. Болдырев Н.Н. В поисках оценочного смысла // В поисках смысла: Сб. науч. тр., посвященный памяти профессора А.А.Худякова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – С. 39-53.
40. Болдырев Н.Н. Проблема значения и смысла языковых единиц в контексте познавательных процессов // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл: сб. ст. в честь 70-летия В.А. Виноградова. – М.: Языки славянских культур, 2010а. – С. 219-231.
41. Болдырев Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории// Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. – № 1. – С.5-14.
42. Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X: Категоризация мира в языке: кол. моногр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 17-120.
43. Болдырев Н.Н., Чистякова Е.В. Оценочный потенциал ландшафтной лексики современного английского языка // Вестник Тамбовского университета, серия Гуманитарные науки. Вып. 7(111). – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 22-27.
44. Болдырев Н.Н., Панасенко Н.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013а. – № 2. – С. 5-12.
45. Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. Вып. XV: Механизмы языковой когниции: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013б. – С. 12-21.
46. Борискина О.О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – 211 с.

47. Булыгина Т. В., Шмелев А.Д. Перемещение в пространстве как метафора эмоций // Логический анализ языка. Языки пространств. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 277-289.
48. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. –176 с.
49. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание – М.: Русские словари, 1997. – 413 с.
50. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., Ленинград: УЧПЕДГИЗ, 1947. – 784 с.
51. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С.55-75.
52. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
53. Вригт Г.Х. фон. Модальная логика местоположения // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000а. – С. 7-15.
54. Вригт Г.Х. фон. О локализации ментальных состояний // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000б. – С. 16-19.
55. Гавриленко О.В. Когнитивное освоение ландшафта в британской и американской лингвокультурах: сравнительно-сопоставительное исследование: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Гавриленко Ольга Владимировна. – Владивосток, 2010. – 239 с.
56. Гаврилова Е.Д. Оценочные категории “good” и “bad” в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки, 10.02.19 – теория языка / Гаврилова Елена Дмитриевна. – Тамбов, 2005. – 172 с.

57. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1972. – С.367-395.
58. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка: Язык и время / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – С. 122-130.
59. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
60. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 125-134.
61. Гиззатуллина Э. В. Сопоставительное исследование дендронимической лексики терминополья "Лес" в татарском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 20. – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Гиззатуллина Эльзара Васильевна. – Казань, 2005. – 211 с.
62. Голованевский, А.Л. Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах (на материале русского языка) // Филологические науки. – М., 2002. – №3. – С. 78-87.
63. Голубкова Е.Е. Некоторые принципы концептуального описания единиц пространственной лексики // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С.552-559.
64. Гольдберг В.Б. Контрастивный анализ лексико-семантических групп. – Тамбов: ТГПИ, 1988. – 56 с.
65. Гольдберг В.Б. Структурные связи в лексико-семантической системе языка (на материале русского и английского лексико-фразеологических полей «Биологическое существование человека»): Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. – общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика / Гольдберг Вера Борисовна. – Воронеж, 2000. – 380 с.

66. Гольдберг В.Б. Структурные связи в лексико-семантическом поле языка (на материале русского и английского лексико-фразеологического поля «Биологическое существование человека»): Монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2000а. – 232 с.
67. Гольдберг В.Б. Лексика современного английского языка в свете лингвистических парадигм: методы исследования. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2003. – 92 с.
68. Григорьев А.А. Репрезентация лексических категорий в языковом сознании: Автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10. 02. 19. – теория языкознания / Григорьев Андрей Александрович. – Москва, 2006. – 39 с.
69. Данилевская, Н.В. Место оценки в чередовании старого и нового знания (на материале научного текста) // Филологические науки. – 2005. – №4. – С. 60-69.
70. Демьянков, В.З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория // Язык и структуры представления знаний. – М.: 1992. – С. 39-77.
71. Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке: Сб. научно – аналитических обзоров. – М. , 1994. – С.32-86.
72. Дроздова Т.В. Репрезентация концептов в научном тексте (опыт концептуального анализа) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. – № 1. – С. 31-35.
73. Единство системного и функционального анализа языковых единиц // Мат-лы региональной науч. конференции 8-9 октября 2003 г. Вып.7: В 2 ч. Ч. II. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. – 228 с.
74. Залевская А.А., Каминская Э.В., Медведева И.Л., Рафинова Н.В. Психолингвистические аспекты взаимодействия слова и текста. – Тверь: Изд-во Тверского Гос. Ун-та, 1998. – 206 с.
75. Звегинцев, В.А. Язык и лингвистическая теория. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. – 248 с.

76. Ивашкевич, И.Н. К вопросу о границах и строении категории "Природные пространства" // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. — № 4. — С. 43-53.
77. Ивашкевич, И.Н. Структура и семантическая организация многофокусных языковых категорий (на примере категоризации пространства) // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. — М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. — С. 269-280.
78. Ивашкевич И.Н. Лексическая категоризация // Когнитивные исследования языка. Выпуск X. Категоризация мира в языке: кол. моногр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С.174-199
79. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Изд-во Московского университета, 1970. – 230 с.
80. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Издательство «Наука», 1972. – 216 с.
81. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
82. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
83. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. – 356 с.
84. Кобозева, И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С.152-162.
85. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000а. – 352 с.
86. Кобрина Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика: Мат-лы Второй Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000 г. / Отв.

- ред. Н.Н. Болдырев: в 2 частях. Ч. 2. – Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2000. – С. 170-175.
87. Кобрина Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр., посвященный юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С.77-94.
88. Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. – № 2. – С. 90-100.
89. Козлова Е.А. Метонимия как концептуальная основа функциональной категоризации английского глагола: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Козлова Елена Александровна. – Тамбов, 2001. – 154 с.
90. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
91. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. Изд-е 2-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2005. – 232 с.
92. Конева Н.Ю. Синонимия пространственных предлогов in, on, at: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Конева Наталья Юрьевна. – Череповец, 2004. –168 с.
93. Корнева В.В. Ландшафтная лексика в языковом сознании этноса // Вестник ВГУ, сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. – № 1. – С. 16-23.
94. Корнева В.В. Пространство в единицах и структурах языка: монография. – Москва: АНО ВПО «МГИ», 2008. – 193 с.
95. Кочкина Е.Л. Существительное в свете теории функциональной категоризации (на примере категорииобъекта в современном английском языке) // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр., посвященный юбилею профессора Николая Николаевича Болдырева / Под ред. проф. Е.С. Кубряковой. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – С.213-223.

96. Кравцова Н.М. Оценочная категоризация интеллектуальных способностей человека в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Кравцова Надежда Михайловна. – Тамбов, 2008. – 197 с.
97. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1996. – 159 с.
98. Кубрякова Е.С. Введение. Проблемы представления знаний в языке // Структуры представления знаний в языке. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 5-31.
99. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке вопроса) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – 1997. – Т. 56. – № 3. – С. 22-31.
100. Кубрякова Е.С. О двойкой сущности языковых категорий и новых проблемах в их изучении (Вступительное слово) // Общие проблемы строения и организации языковых категорий. Мат-лы науч. конф. 23-25 апреля 1998 г. – М.: Изд-во ИЯ РАН, 1998. – С. 7-12.
101. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 84-92.
102. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
103. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004а. – №1. – С. 6-17.
104. Кубрякова Е.С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах// Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. – № 3. – С. 5-14
105. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. – № 4. – С. 8-16.
106. Кубрякова Е.С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования язы-

- ка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: Сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 11-24.
107. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: кол. моногр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 11-24.
108. Кузнецова Э.В. Язык в свете системного подхода. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1983. – 96 с.
109. Куксова Н.А. Глагол как средство функциональной категоризации пространства в современном английском языке: Дис...канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Куксова Наталия Александровна. – Тамбов, 2006. – 168 с.
110. Кульчицкая Л.В. Живая или мертвая метафора: лингвистическая «верификация» современных гипотез когнитивной теории метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. – № 1. – С. 40-50.
111. Кустова Г.И. Тип концептуализации пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 47-56.
112. Лазарев В.В. К теории обыденного/когнитивного познания (от Коперника к Птолемею) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 1999. – № 2. – С. 25-34.
113. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
114. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004а. – 256 с.
115. Левина В.Н. Принципы классификации текстовых пейзажных единиц // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – No 3 / 2011. – С. 21-26.

116. Левицкий А.Э. Пространство как объект изучения с позиций лингво-когнитологии // Когнитивные исследования языка. Выпуск XII. Теоретические аспекты языковой репрезентации: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 692-703.
117. Левицкий А.Э. Перспективы исследования познавательных процессов в аспекте сопоставления языковых данных // Когнитивные исследования языка. Выпуск V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 225-236.
118. Лэнекер Р. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. – № 3. – С. 15-27.
119. Магировская О.В. Уровни концептуализации в языке // Когнитивные исследования языка. Выпуск IV. Концептуализация мира в языке: кол. моногр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. – С. 78-96.
120. Магировская О.В. Интерпретативный потенциал языка и познания как теоретическая проблема когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Вып. XI. Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике 10-12 октября 2012 г.: сб. мат-лов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С.78-80.
121. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 358-386.
122. Манерко Л.А., Проконичев Г.И. Концептуализация пространственных представлений в тексте англо-шотландской народной баллады // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. – № 2. – С. 16-23.
123. Маркелова Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в современном русском языке // Вестник МГУ. Сер. “Филология”, 1994. – № 4. – С. 12 – 19.

124. Мартинович Г.А. Введение (о некоторых проблемах изучения лексической семантики и лексической системности) // Текст и эксперимент. – СПб., 1993. URL: http://lit.lib.ru/m/martinowich_g_a/05vved_1993.shtml (дата обращения: 05.02.2012).
125. Маховикова Д.В. Лексические средства концептуализации времени в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки, 10. 02. 19. – теория языка / Маховикова Диана Владимировна. – Тамбов, 2012. – 179 с.
126. Миронова И.В. Микросистема зооцентрических обозначений человека и его действий в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Миронова Ирина Владимировна. – Тамбов, 2000. – 175 с.
127. Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.
128. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – 819 с.
129. Николаев В.А. Классификация и мелкомасштабное картографирование ландшафтов. – М., Изд-во Московского ун-та, 1978. URL: http://www.landscape.edu.ru/book_nikolaev_1978.shtml#01.2 (дата обращения: 21.01.2012).
130. Ноуэлл-Смит П.Х. Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XVI. – С. 155-182.
131. Овчинников Д.В. Тематическая группа в языковом сознании этноса (на материале лексики, называющей элементы природного ландшафта в русском и немецком языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – теория языка / Овчинников Дмитрий Владимирович. – Воронеж, 2010. – 24 с.
132. Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

133. Падучева Е.В. К когнитивной теории метонимии. 2003. – URL: <http://www.dialog-21.ru> (дата обращения: 22.02.2012).
134. Панасенко Л.А. Лексические категории как интерпретирующие форматы знания (на примере категорий артефактов, природных субстанций и природных явлений) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. – № 4. – С. 58-65.
135. Панасенко Л.А. Теоретические аспекты изучения интерпретирующего потенциала лексических категорий // Когнитивные исследования языка. Вып. XI. Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике 10-12 октября 2012 г.: сб. мат-лов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. – С. 81-84.
136. Перезова Ю.Е. Репрезентация научного и обыденного знания в языковых единицах, обозначающих химические вещества: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02. 04 – германские языки, 10.02.19. – теория языка / Перезова Юлия Евгеньевна. – Тамбов, 2004. – 189 с.
137. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Введение в концептуальные исследования: учебное пособие. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 179 с.
138. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: эстетические и этические оценки. – М.: Изд-во ИКАР, 1997. - 320 с.
139. Прохорова М.Е. Цвет как основа характеристики человека в сравнительных словосочетаниях (на материале русского, английского и французского языков): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – теория языка / Прохорова Майя Евгеньевна. – Тамбов, 2010. – 237 с.
140. Рахилина Е.В. Пространственные концепты в теории когнитивной семантики // Когнитивная семантика: Мат-лы II междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике 11-14 сентября 2000 г. В 2 частях. – Тамбов, 2000. – Ч. 2. – С. 8-10.
141. Рунова Н.В. Когнитивные основы образования новых метонимических значений существительных (на материале английского языка): Автореф.

- дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – германские языки / Рунова Наталия Васильевна. – М., 2006. – 23 с.
142. Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка. Языки пространств. / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 108-117.
143. Самохина Е.В. Репрезентация концептосферы "Land" в английской лингвокультуре: Дис....канд.фил.наук: 10.02.04. – германские языки / Самохина Елена Александровна. – Волгоград, 2010. – С. 246.
144. Семенова С.Ю. О некоторых свойствах имен пространственных параметров // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 117-126.
145. Сергеева Л.А. О соотношении объективных и субъективных факторов в значениях эмоционально-оценочных прилагательных в современном русском языке // Исследования по семантике. – Уфа: Изд-во БГУ, 1982. – С.81-88.
146. Серова И.Г. Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007 – № 1. – С. 15-22.
147. Симонян Т.А. Семантика пространственных атрибутов в свете когнитивного подхода (прилагательные с параметром высоты): Автореф. ...канд филолог. наук: 10.02.04. – германские языки / Симонян Татьяна Арменовна. – Москва, 2001. – 184 с.
148. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1971. – 294 с.
149. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Изд-во Урал. унта, 1999. – 432 с.
150. Степаненко С.Н. Языковые и когнитивные механизмы концептуализации количества в современном английском языке. URL: www.gramota.net/materials/1/2008/8-1/77.html (дата обращения: 01.02.2014).

151. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985. – 138 с.
152. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
153. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-204.
154. Телия В.Н. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., 1991. – 214 с.
155. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227-284.
156. Топорова Т.В. Семантическая структура древнегерманской модели мира – М.: Радикс, 1994 – 190 с.
157. Топорова В.М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка. – Воронеж: Изд-во «ИСТОКИ», 1999. – 176 с.
158. Топорова В.М. Концепт «форма» в семантическом пространстве языка: Автореф. дис. ... докт. филолог. наук: 10. 02. 19. – общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика / Топорова Валентина Михайловна. – Воронеж, 2000. – 303 с.
159. Уиллис О.Ю. Поэтика городского пейзажа в прозе В.В. Набокова русского периода творчества: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – русская литература / Уиллис Оксана Юрьевна. – Москва, 2008. – 193 с.
160. Урубкова Л.М. Роль метафоры в концептуализации // Когнитивная семантика: Мат-лы Второй Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике, 11-14 сентября 2000 г. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев: в 2 частях. Ч. 2. – Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2000. – С. 137-139.
161. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 287 с.
162. Ушкова Н.В. Особенности формирования терминологии "рельеф земной поверхности" в английском и русском языках: Дис. ... канд. филол.

- наук: 10. 02. 20. – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Ушкова Надежда Витальевна. – Москва, 2007. – 205 с.
163. Февралева О.В. Образы земли и подземелья в символистской картине мира Александра Блока: Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – русская литература / Февралева Ольга Валерьевна. – Владимир, 2007. – 236 с.
164. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – С. 227-239.
165. Флягина М.В. Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – русский язык / Флягина Марина Валерьевна. – Ростов-на-Дону, 2004. – 389 с.
166. Фрумкина Р.М. и др. Семантика и категоризация. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
167. Фрумкина Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога (концепт, категория и прототип). // Научно-техническая информация. Серия 2 : Инф. Процессы и системы. 1992. – № 3. – С. 1-7.
168. Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний / Под ред. Кубряковой Е.С., Березина Ф.М. – М.: РАН ИНИОН, 1992. – С. 98-123.
169. Харьковская Е.В. Общее и различное в структуре тематического поля (на примере поля «ландшафт» в русском и английском языках): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание / Харьковская Елена Владимировна. – Казань, 2003. – 222 с.
170. Хэар Р.М. Дескрипция и оценка // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 183-195.
171. Чистякова Е.В. Уровни категоризации ландшафтов в современном английском языке // Исследование категориального формата знания в языке: сб. статей. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012а. – С. 52-57.

172. Чистякова Е.В. Оценочные функции ландшафтной лексики в современном английском языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XI. Междунар. конгресс по когнитивной лингвистике, 10-12 октября 2012 г. – Тамбов М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012б. – С. 841-844.
173. Чистякова Е.В. Основные принципы категоризации ландшафтов в современном английском языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XVII. Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: сб. науч. тр. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014а. – С. 294-302.
174. Чистякова Е.В. Когнитивные механизмы формирования оценочных смыслов английской ландшафтной лексикой (профилирование и сравнение) // Когнитивные исследования языка. Вып. XVIII. Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: мат-лы Междунар. конгресса по когнитивной лингвистике, 22-24 мая 2014 г. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина; Челябинск: Изд-во Челяб. гос. унта, 2014б. – С. 178-181.
175. Шарманова О.С. Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии // Вестник ИГЛУ. 2011. – №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metaftonimiya-kak-kontseptualnoe-vzaimodeystvie-metafory-i-metonimii> (дата обращения: 24.04.2013).
176. Шаховский В.И. К типологии коннотации // Аспекты лексического значения: Сб. статей. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. – С. 29-34.
177. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
178. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
179. Язык и структуры представления знаний // Сб. научно-аналитических обзоров. – М., 1992. – 162 с.

180. Яковлева Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания. 1993. – №4. – С. 48-62.
181. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира. (Модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
182. Яковлева Е.С. Пространство умозрения и его отражение в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 268-277.
183. Aarts, Calbert Aarts, J.M.G. Metaphor and Non-Metaphor. – MaxNiemeyerVerlag, 1979. – 240 p.
184. Aitchison J. Words in the Mind. An Introduction to the Mental Lexicon. – Oxford: Blackwell Publishers Ltd., 2-nd edition, 1994. – 290 p.
185. Archives of Psychology: R.S. Woodworth, Editor. – № 265. – N. Y. – September, 1941. – PP. 5-23.
186. Bartlett F.C. Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. – Cambridge University Press, 1932. URL: <http://www.ebooks-share.net/remembering-a-study-in-experimental-and-social-psychology/> (дата обращения: 04.10.2013).
187. Barnden J. Metaphor and Metonymy: Making their connections more slippery // Cognitive Linguistics. 2010. – Vol. 21. – Number 1. – PP. 1-35.
188. Beaugrande R.-A. de, Dressler, W.U. Introduction to Text Linguistics. – Longman, 1996. – 270 p.
189. Croft W., D. Alan Cruse. Cognitive Linguistics. – Cambridge University Press, 2004. – 355 p.
190. Croft W. Constructions and generalizations // Cognitive Linguistics. 20-1 (2009). – PP. 157-165.
191. Boldyrev N.N. On Functional Categorization and the Prototype Structure of Verbal Classes // General Linguistics. Vol. 36. – № 1/2. – 1998. – PP. 101-116.
192. Cruse D., Lexical Semantics. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 310 p.

193. Cruse Alan D. *Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics.* – N. Y.: Oxford University Press, 2000. – 424 p.
194. Dewell R.B. *Moving around: The role of the conceptualizer in semantic interpretation // Cognitive Linguistics.* 18-3 (2007). – PP. 383-415.
195. Evans V., Green M. *Cognitive Linguistics. An Introduction.* – Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.
196. Eysenck M.W. *The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology.* – Basil Blackwell Ltd., 1994. – 190 p.
197. Fillmore C.J. *An Alternative to Checklist Theories of Meaning // Proceedings of annual meeting of the Berkeley Linguistics Society.* – Berkeley, 1975. – Vol. 1. – PP. 123-131.
198. Fauconnier G. *Mappings in Thought and Language.* – Cambridge University Press, 1997. – 206 p.
199. Fauconnier, G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 190 p.
200. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities.* – N.Y.: Basic Books, 2002. – 440 p.
201. Fauconnier G., Turner M. *Rethinking Metaphor.* – Cambridge University Press, 2008. – PP. 53-66.
202. Goosens L. *Metaphtonymy. The Interaction of metaphor and Metonymy in Figurative Expressions for Linguistic Action // By Word of Mouth. Metaphor, Metonymy and linguistic action in a cognitive perspective, 1995 (электронный вариант).*
203. Hendriks H., Hickmann M., Lindner K. *Space, Language and Cognition: New advances in acquisition research // Cognitive Linguistics.* 2010. – Vol. 21. – Number 2. – PP. 181-189.
204. Jackendoff R.S. *Semantics and Cognition. Current Studies in Linguistics Series.* – Vol. 8. – MIT Press, 1983. – 283 p.
205. Kovecses Z. *Metaphor. A Practical Introduction.* – Oxford University Press, 2002 – 285 p.

206. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Theoretical Prerequisites. Vol. 1. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
207. Langacker R.W. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
208. Rosch E. Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology. General, 1975. – Vol. 104 – № 3. – PP. 192 -233.
209. Schwarz M. Einführung in die kognitive Linguistik. – Tübingen; Basel: Francke, 1996. — 238 s.
210. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics – Vol. 1. – The MIT Press, 2000. – 565 p.
211. John R. Taylor. Linguistic Categorization Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford University Press, 1995. – 312 p.
212. Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. – L., N.Y.: Longman, 2006. – 391 p.

Список использованных словарей

213. Агапов С.В. Географический словарь. – М.: Просвещение, 1968. – 253 с.
214. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996, 1997 – 245 с.
215. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2006. – 944 с.
216. Ландшафтоведение. [Электронный ресурс]. – URL: <http://geoinfoed.ru/land/160-gorodskie-landshafty.html>
217. Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/452c.html>
218. Новейший философский словарь. [Электронный ресурс]. – URL: <http://opredelenie1.ru/noveyshiy-filosofskiy-slovar/k/%C0%D2%C5%C3%CE%D0%C8%C7%C0%D6%C8%DF.php>
219. Новейший философский словарь. [Электронный ресурс]. – URL: http://enc-dic.com/new_philosophy/Ocenka-881.html
220. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., дополн. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
221. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. — Назреть: Изд-во "Пилигрим", 2010. [Электронный ресурс]. – URL: http://lingvistics_dictionary.academic.ru/2225/%D0%BD%D0%B0%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0
222. Словарь терминов по физической географии // Институт географии РАН. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.igras.ru/index.php?r=54&id=906>
223. Сусов И.П. История языкознания. [Электронный ресурс]. – URL: http://murmix.narod.ru/uch/rus/Napравleniya_yazicoznaniya_conca_20_Veca.htm

224. Философский словарь / Под.ред. М.М. Розенталя. – М.: Политиздат, 1975. – 496 с.
225. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
226. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge University Press, 1995. – 1774 p.
227. Collins Cobuild Dictionary of Idioms. – HarperCollins Publishers Ltd. 1995. – 513 p.
228. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – Oxford University Press, 1996. – 561 p.
229. Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Education Limited, 2005. – 1950 p.
230. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second Edition. – Macmillan, 2007. – 1854 p.
231. Macmillan Dictionary and Thesaurus Online. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/>
232. Online Etymology Dictionary. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.etymonline.com/>
233. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford University Press, 1995. – 1431 p.
234. Географический портал. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.geo-site.ru/>
235. Географический портал: ландшафтоведение. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.geo-site.ru/index.php/2011-01-19-17-49-08.html>

Список источников фактического материала

241. Bradbury R. Dandelion Wine. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.english-globe.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=35&Itemid=62
242. Bradbury R. Fahrenheit 451. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.english-globe.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=35&Itemid=62
243. Bronte Ch. Jane Eyre. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1952. – 568 p.
244. Bronte E. Wuthering Heights. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1963. – 366 p.
245. Dickens Ch. David Copperfield. – М.: Foreign Languages Publishing House, 1949. – 850 p.
246. Dickens Ch. Great Expectations. – L.: Penguin Books, 2002. – 478 p.
247. Hardy Th. Tess of the d'Urbervilles. – М. Foreign Languages Publishing House, 1949. – 415 p.
248. Hemingway E. Selected Stories. – М.: Progress Publishers, 1971. – 399 p.
249. Joyce J. A. Portrait of the Artist as a Young Man. – N.Y.: Barnes & Noble Classics, 2004. – 428 p.
250. London J. Martin Eden. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1953. – 434 p.
251. Maugham W.S. The Moon and Sixpence. – Moscow: Progress Publishers, 1973. – 240 p.
252. Murdoch I. An Unofficial Rose. – London: Chatto and Windus, 1962. – 348 p.
253. Murdoch I. The Black Prince. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.twirpx.com/file/1105608/>
254. Poe E.A. Poems. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.poetryloverspage.com/poets/poe/poe_ind.html

255. Salinger J.D. The Catcher in the Rye. – N. Y.: The Modern Library, 1951. – 277 p.
256. Shelly P.B. Poetry and Prose. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1959. – 460 p.
257. Twain M. The Adventures of Tom Sawyer. The Adventure of Huckleberry Finn. – Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1956. – 575 p.
258. Wells H. The Time Machine. The Invisible Man. Short Stories. Essays. – Moscow: Progress Publishers, 1981. – 502 p.
259. Wilde O. Fairy tales and Stories. – London: Octopus books Ltd, 1980. – 335 p.
260. Woolf V. Mrs. Dalloway. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.english-globe.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=974&Itemid=62
261. [BNC] British National Corpus. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>
262. [CoCA] Corpus of Contemporary American English. [Электронный ресурс]. – URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>

